

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Институт Китая и современной Азии
Российской академии наук

КИТАЙ
В МИРОВОЙ
И РЕГИОНАЛЬНОЙ
ПОЛИТИКЕ

ИСТОРИЯ
И СОВРЕМЕННОСТЬ

Выпуск XXVIII

Москва
ИКСА РАН
2023

УДК 327(510)(082)

ББК 66.4(5Кит)я4

К45

Рецензенты выпуска:

Дацышен Владимир Григорьевич — доктор исторических наук, профессор кафедры истории России, мировых и региональных цивилизаций
Сибирского федерального университета;

Мамаева Наталья Леонидовна — доктор исторических наук, руководитель Центра новейшей истории Китая и его отношений с Россией Института Китая и современной Азии Российской академии наук

К45 Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Выпуск XXVIII : ежегодное издание / сост., отв. ред. Е.И. Сафронова / Ин-т Китая и совр. Азии Рос. акад. наук. — М.: ИКСА РАН, 2023. — 272 с.

ISBN 978-5-8381-0462-5

ISSN 2618-6888 (print)

ISSN 2949-0774 (online)

DOI 10.48647/ICCA.2023.11.63.001

XXVIII выпуск журнала/сборника научных статей «Китай в мировой и региональной политике. История и современность», ежегодно издающегося Институтом Китая и современной Азии с 1996 г., включает статьи специалистов из шести подразделений ИКСА РАН и ряда российских и зарубежных исследовательских структур.

Авторами продолжен анализ наиболее значимых вопросов российско-китайских отношений и внешней политики КНР, сохраняющих свою актуальность на протяжении многих лет, а также недавно проявившихся моментов в международных отношениях Китая.

Особенностью выпуска стало изучение роли КНР в качестве движущей силы в формировании нового мирового порядка, одним из механизмов чего предстает Инициатива в области глобальной безопасности. В сборнике изучается и такой острый и дискуссионный вопрос, как способность Индии стать полюсом «трехполюсного» мира.

Рассмотрение получили текущие отношения КНР с Европейским союзом, в частности с прибалтийскими государствами; различные аспекты диалога Китая со странами Центральной Азии в «постпандемийный» период; китайско-пакистанские политические связи; особенности позиции КНР по проблемам Корейского полуострова; стратегическое партнерство КНР и Республики Беларусь, а также сотрудничество Китая со странами Северной Африки. Освещались и малоизученные темы: взаимодействие Китая и Пакистана в области развития инфраструктуры и энергетики, роль погранпереходов в кооперации России и Китая на примере китайской провинции Хэйлунцзян и др.

В книгу также вошли работы, содержащие анализ таких вопросов, как подходы западного Китаеведения к периодизации внешней политики Китая, некоторые грани международного значения «модернизации китайского типа», практические стороны культурной дипломатии России в отношении КНР.

Ключевые слова: Китай, Россия, внешняя политика КНР, российско-китайское стратегическое партнерство, многополярность, новый мировой порядок, ЕС, Центральная Азия, Пакистан, внешнеэкономические связи, культурная дипломатия.

УДК 327(510)(082)

ББК 66.4(5Кит)я4

ISBN 978-5-8381-0462-5

© Сафронова Е.И., составление, 2023

© ИКСА РАН, 2023

© Коллектив авторов, 2023

Редакционная коллегия: д.н., проф. **Алка Ачарья** (Индия); д.филол.н., проф. **К.В. Бабаев**; к.и.н. **Н.А. Замараева**; д.полит.н., проф. РАН **Я.В. Лексютина**; д.ю.н., проф. **Ли Юнхуэй** (КНР); д.и.н., проф. РАН **А.В. Ломанов**; д.и.н., проф. **С.И. Лунев**; д.э.н., доц. **В.М. Мазырин**; академик РАН, д.э.н. **В.В. Михеев**; к.э.н., проф. **Арильд Му** (Норвегия); д.полит.н. **В.Е. Петровский**; к.э.н. **Е.И. Сафронова** (отв. ред.-сост.); д.н., проф. **Шаида Узарат** (Пакистан); к.и.н. **С.В. Уянаев**.

Редакция: **А.Л. Верченко**; к.и.н. **А.О. Виноградов**; к.э.н. **А.К. Криворотов**; к.э.н. **В.А. Матвеев**.

Ежегодное периодическое издание сборник научных статей (журнал) «Китай в мировой и региональной политике. История и современность» (ISSN: 2618-6888 (print); ISSN: 2949-0774 (online)) выходит с середины 1990-х годов. Тематика журнала охватывает целый ряд сфер, относящихся к исследованию международных отношений КНР, российско-китайского стратегического партнерства, внешнеэкономической политики Китая и истории его международных связей.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС 77-83070 от 11.04.2022 (печатное).

Свидетельство о регистрации СМИ ЭЛ № ФС 77-84000 от 30.09.2022 (электронное).

Отрасли науки (разделы рубрикатора ГРНТИ):

03.00.00 История. Исторические науки

06.51.00 Мировое хозяйство. Международные экономические отношения

11.25.91 Теория и практика международных отношений, внешняя политика и дипломатия отдельных стран

Статьи рецензируются, им присваивается DOI.

Входит в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) и в Научную электронную библиотеку «КиберЛенинка».

Тел.: +7 (499) 124 00 02

Адрес: Москва 117997, Нахимовский пр-т, 32. ИКСа РАН

E-mail: kitvmir@yandex.ru

Статьи отражают авторскую точку зрения, не обязательно совпадающую с мнением издателя. Ответственность за достоверность опубликованных сведений несут авторы.

Ministry of Science and Higher Education
of the Russian Federation

Institute of China and Contemporary Asia
Russian Academy of Sciences

**CHINA
IN WORLD
AND REGIONAL
POLITICS**

**HISTORY
AND MODERNITY**

Issue XXVIII

Moscow
ICCA RAS
2023

China in World and Regional Politics (History and Modernity). Issue XXVIII /
Exec. Editor — Elena I.SAFRONOVA. Moscow: Institute of China and
Contemporary Asia, Russian Academy of Sciences (ICCA RAS), 2023.

The XXVIII issue of the journal/collection of scientific articles “China in World and Regional Politics. History and Modernity,” published annually by the Institute of China and Contemporary Asia since 1996, includes articles by specialists from six divisions of the ICCA RAS and a number of Russian and foreign research institutions.

The authors continue analyzing most significant issues of Russian-Chinese relations and foreign policy of the PRC, which have remained topical for many years, and latest developments in the international relations of China as well.

A special feature of the issue is the study of China's role as a driving force in shaping a new world order, one of the mechanisms of which appears Chinese Global Security Initiative. The collection also deals with such a pressing and debatable issue as India's ability to become the pole of the “tripolar” world.

The following topics have also been addressed: China's current relations with the European Union, in particular with the Baltic states; various aspects of China's dialogue with Central Asian countries in the “post-Pandemic” period; China-Pakistan political relations; the specifics of China's position on the problems of the Korean Peninsula; the strategic partnership between China and the Republic of Belarus, as well as China's cooperation with North African countries. The following little-studied issues are also covered: interaction between China and Pakistan in infrastructure and energy sectors' development, role of border crossings in the cooperation between Russia and China on the example of the Chinese province of Heilongjiang, etc.

The book also includes works analyzing such issues as Western oriental studies' approaches to the periodization of China's foreign policy, some facets of the international significance of “modernization of the Chinese type”, practical aspects of Russia's cultural diplomacy with regard to the PRC.

Keywords: China, Russia, China's foreign policy, Russian-Chinese strategic partnership, multipolarity, new world order, EU, Central Asia, Pakistan, foreign economic relations, cultural diplomacy.

China in World and Regional Politics. History and Modernity

Founder and Publisher: Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences (ICCA RAS).

This periodical edition/journal (ISSN: 2618-6888 (print); ISSN: 2949-0774 (online)) is a peer-reviewed analytical yearbook (collection of research articles) published by the Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences (ICCA RAS) since 1996. It provides a solid platform for academics, public figures and practitioners to share their knowledge and assessments of China's international relations, foreign economic activities and diplomatic history.

All articles are assigned Digital Object Identifier (DOI).

The periodical is included in Russian Scientific Digital Library “eLibrary” and Russian Science Citation Index: https://elibrary.ru/title_about.asp?id=50496

It is also included in the Russian Scientific Digital Library “CyberLeninka.ru»: <https://cyberleninka.ru/journal/n/kitay-v-mirovoy-i-regionalnoy-politike-istoriya-i-sovremennost>

Editorial Board. Alexander V. LOMANOV — Professor of the RAS, Dr. Sc. (History); Alka ACHARYA (India) — Professor; Arild MOE (Norway) — Research Professor; Elena I. SAFRONOVA — Ph.D. (Economics) (Executive Editor, Compiler); Kirill V. BABAEV — Dr. Sc. (Philology), Professor; Natalia A. ZAMARAeva — Ph.D. (History); Sergey I. LOUNEV — Dr. Sc. (History), Professor; Sergey V. UYANAev — Ph.D. (History); Shahida WIZARAT (Pakistan) — Dr., Professor; Vasily V. MIKHEEV — Academician of the RAS, Dr. Sc. (Economics); Vladimir M. MAZYRIN — Dr. Sc. (Economics), Associate Professor; Vladimir Ye. PETROVSKY — Dr. Sc. (Political Science); Yana V. LEKSYUTINA — Professor of the RAS, Dr. Sc. (Political Science); Yonghui LI (LI Yonghui) (China) — Dr. Sc. (Law), Professor.

Editorial Office: Alla L.VERCHENKO; Andrey O. VINOGRADOV, Ph.D. (History); Andrey K. KRIVOROTOV, Ph.D. (Economics); Vladimir A. MATVEEV, Ph.D. (Economics).

Branch of science (in the Russian Federation):

- 03.00.00 History. Historical Science
- 06.51.00 World Economy. International Economic Relations
- 11.25.40 Regional Problems
- 11.25.91 Theory and Practices of International Relations, Foreign Policy and Diplomacy of Individual Countries
- 23.00.00 Comprehensive Study of Individual Countries and Regions

Contacts. Russian Federation, Moscow, 117997; 32, Nakhimovskiy prospect. Tel. +7 (499) 124-00-02; E-mail: kitvmir@yandex.ru

The authors' opinion may not coincide with the Publisher's point of view. Authors are responsible for the accuracy of their information.

Содержание

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ КНР. РОССИЙСКО-КИТАЙСКОЕ СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПАРТНЕРСТВО

Петровский В.Е.

«Инициатива в области глобальной безопасности»
глазами китайских политологов 11

Сафронова Е.И.

Китайский фактор в текущей эволюции многополярности 20

Wizarat, Shahida.

The Rise of China in the XXIst Century: Domestic and Global Levels
(Уизарат Ш. Подъем Китая в XXI веке: внутренний
и глобальный уровни) 34

Виноградов А.О., Христофорова М.А.

Текущие отношения Китая и Европейского союза и перспективы
Всеобъемлющего инвестиционного соглашения «ЕС—КНР» 44

Виноградов А.О., Данилюк С.А.

Отношения КНР с тремя прибалтийскими странами — Эстонией,
Латвией и Литвой — в контексте китайско-европейских отношений 57

Лексютина Я.В.

Китай в Центральной Азии в «постпандемийный» период:
к новому качеству взаимодействия 77

Махмутова Е.В.

О новом политическом механизме Китая в Центральной Азии 88

Мамахатов Т.М.

Перспективы развития взаимоотношений Китая
со странами Центральной Азии 100

Портяков В.Я.

Следующая за Китаем — Индия? (Станет ли Индия третьим
полюсом трехполюсного мира?) 109

Noor, Muhammad Asif.

A Historical Review of Pakistan's Ties with China under the Framework of the 1973 Constitution (*Нур М.А.* Отношения Пакистана с Китаем в свете Конституции 1973 года: исторический обзор) 117

Замараева Н.А.

Китай во внутренней и внешней политике Пакистана (2021—2022 гг.) . . . 130

Асмолов К.В.

Как и почему Китай перестает быть посредником между Пхеньяном и Сеулом 148

Мокрецкий А. Ч.

О «всепогодных и всесторонних отношениях стратегического партнерства» КНР и Республики Беларусь 166

Виноградов И.С.

Сотрудничество Китая со странами Северной Африки: состояние и перспективы 185

Портяков В.Я.

Дэвид Шамбо о внешней политике КНР 199

Меркулов К.К.

О некоторых аспектах международного значения теории и практики современной китайской модернизации («модернизации китайского типа») 210

ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА КНР

Сазонов С.Л., Ван Цзинвэй.

Сотрудничество Китая и Пакистана в области развития инфраструктуры и энергетики 225

Александрова М.В.

Торговое сотрудничество провинции Хэйлунцзян с Россией и роль в нем крупнейших погранпереходов 239

ИСТОРИЯ РОССИЙСКО-КИТАЙСКИХ КУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЕЙ

Верченко А.Л.

Культурная дипломатия как одна из основ российско-китайских двусторонних отношений. Значение перекрестных Годов 256

Contents

INTERNATIONAL RELATIONS OF THE PRC. RUSSIAN-CHINESE STRATEGIC PARTNERSHIP

Petrovskiy V. Ye.

“Global Security Initiative” as seen by Chinese political scholars 11

Safronova E.I.

The Chinese Factor in the Current Evolution of Multipolarity 20

Wizarat, Shahida.

The Rise of China in the XXIst Century: Domestic and Global Levels 34

Vinogradov A.O., Khristoforova M.A.

Current relations between China and the European Union
and the prospects for the Comprehensive Investment Agreement
“EU—PRC” 44

Vinogradov A.O., Danilyuk S.A.

China’s relations with the three Baltic States — Estonia, Latvia
and Lithuania — in the context of Sino-European relations 57

Leksyutina Ya. V.

China’s political and economic engagement with Central Asia
in the “post-pandemic” period: towards a new quality 77

Makhmutova Ye.V.

About China’s new political mechanism in Central Asia 88

Mamakhatov T.M.

Prospects of the development of China’s relations with Central Asian
countries 100

Portyakov V.Ya.

India: next to China? (Will India become the third pole
of a three-pole world?) 109

Noor, Muhammad Asif.

A Historical Review of Pakistan’s Ties with China under the Framework
of the 1973 117

<i>Zamaraeva N.A.</i> China in Pakistan's internal and foreign policy (2021—2022)	130
<i>Asmolov K.V.</i> How and why China ceases to be an intermediary between Pyongyang and Seoul	148
<i>Mokretskii A.Ch.</i> On the “All-weather and Comprehensive Strategic Partnership Relations” Between People's Republic of China and Republic of Belarus	166
<i>Vinogradov I.S.</i> China's cooperation with the countries of North Africa: state and prospects . . .	185
<i>Portyakov V.Ya.</i> David Shambaugh on the PRC's foreign policy	199
<i>Merkulov K.K.</i> On some issues of international significance of the theory and practice of the contemporary Chinese modernization (modernization of the Chinese type)	210

FOREIGN ECONOMIC POLICY OF THE PRC

<i>Sazonov S. L., Wang Jingwei.</i> China-Pakistan cooperation in infrastructure and energy development	225
<i>Alexandrova M.V.</i> Trade cooperation between Heilongjiang province and Russia and the role of the largest border crossings	239

HISTORY OF RUSSIAN-CHINESE CULTURAL TIES

<i>Verchenko A.L.</i> Cultural Diplomacy as One of the Bases of the Russian-Chinese Bilateral Relations. Significance of the Cross Years	256
--	-----

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ КНР. РОССИЙСКО-КИТАЙСКОЕ СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПАРТНЕРСТВО

DOI: 10.48647/ICCA.2023.36.14.002

В.Е. Петровский

«ИНИЦИАТИВА В ОБЛАСТИ ГЛОБАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ» ГЛАЗАМИ КИТАЙСКИХ ПОЛИТОЛОГОВ

Аннотация. Статья посвящена китайскому академическому дискурсу вокруг Инициативы в области глобальной безопасности, которая позиционируется как «важный международный общественный продукт, который Китай предоставляет миру» и «практику концепции построения сообщества единой судьбы человечества в сфере безопасности». Китайские ученые прослеживают развитие Инициативы в области глобальной безопасности на протяжении последних десяти лет, непосредственно увязывая этот процесс с выступлениями и трудами председателя КНР. При этом осуществляется своего рода кодификация идей Си Цзиньпина в данной сфере, что является частью процесса формирования корпуса «идей Си Цзиньпина» как такового.

Предлагается воспринимать Инициативу в более широком контексте стремления Китая реформировать глобальную систему управления таким образом, чтобы она лучше соответствовала его интересам и ценностям, наряду с Инициативой «Пояс и путь» и Инициативой по глобальному развитию. Данная инициатива, подчеркивают китайские ученые и эксперты, становится основой для различных инициатив Китая в области безопасности в ООН и на уровне глобаль-

ного Юга, который стремится бросить вызов глобальной системе, возглавляемой Западом, и позиционирует себя как лидер в архитектуре глобального управления и безопасности.

Инициатива в области глобальной безопасности также представляется как синтез целого ряда существующих концепций международной безопасности. Отдельному анализу подвергаются содержащиеся в Инициативе в области глобальной безопасности конкретные идеи и предложения по китайским миротворческим инициативам в различных регионах мира, включая предложенный Китаем мирный план по регулированию на Украине из 12 пунктов. В целом Инициатива в области глобальной безопасности, отражающая общее видение Китая проблем международной безопасности, во многом созвучна подходам к обеспечению безопасности, которые предлагала и предлагает Россия в Евро-Атлантическом регионе и намерена распространять эти подходы на другие регионы мира.

Ключевые слова: Инициатива в области глобальной безопасности, «сообщество единой судьбы человечества», традиционные концепции безопасности, сообщество безопасности, концептуальный синтез, учение Си Цзиньпина.

Автор: *Петровский Владимир Евгеньевич*, доктор политических наук, главный научный сотрудник Центра «Россия, Китай и мир» Института Китая и современной Азии РАН (адрес: 117977, Москва, Нахимовский пр-т, 32). ORCID: U-1454-2017.
E-mail: petrovsk4@gmail.com

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации в Институте Китая и современной Азии РАН.

V. Ye. Petrovskiy

“Global Security Initiative” as seen by Chinese political scholars

Abstract. The article is devoted to the Chinese academic discourse around the Global Security Initiative, which is positioned as “an important international public product that China provides to the world” and “the practice of the concept of building a community of a common destiny for mankind in the field of security.” Chinese scholars have been tracing the development of the Global Security Initiative over the past ten years, directly linking this process with the speeches and writings of the President of the People’s Republic of China. At the same time, a kind of codification of Xi Jinping’s ideas in this area is carried out, which is part of the process of forming the corpus of “Xi Jinping’s Thought” as such.

It is suggested that the Initiative be viewed in the broader context of China's desire to reform a global governance system that better suits its interests and values, along with the Belt and Road Initiative and the Global Development Initiative. This Initiative, Chinese scholars and experts emphasize, is becoming the basis for China's various security initiatives at the UN and at the level of the global South, which seeks to challenge the Western-led global system and positions itself as a leader in the architecture of global governance and security.

The Global Security Initiative is also presented as a synthesis of a number of existing concepts of international security. The specific ideas and proposals contained in the Global Security Initiative on Chinese peacekeeping initiatives in various regions of the world, including the 12-point peace plan proposed by China for a settlement in Ukraine, are subjected to a separate analysis. In general, the Global Security Initiative, which reflects China's common vision of international security issues, is in many ways consonant with the approaches to ensuring security that Russia has proposed and is offering in the Euro-Atlantic region, and intends to extend these approaches to other regions of the world.

Keywords: Global Security Initiative, “community of common destiny for mankind”, traditional security concepts, security community, conceptual synthesis, Xi Jinping thought.

Author: Vladimir Ye. PETROVSKIY, Dr.Sc. (Political Science), Chief Academic Research Fellow, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences (address: 32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117997, Russian Federation). ORCID: U-1454-2017.
E-mail: petrovsk4@gmail.com

Conflict of interests. The author declares the absence of the conflict of interests.

Support. The article was prepared at the Institute of China and Contemporary Asia of the RAS within the framework of the State assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation.

Заметным явлением внешнеполитической теории и практики Китая становится Инициатива в области глобальной безопасности, которая вызвала большой резонанс и привлекла внимание со стороны ученых и экспертов, прежде всего в самом Китае.

В китайском академическом и экспертном сообществе Инициативу в области глобальной безопасности позиционируют как «важный международный общественный продукт, который Китай предоставляет миру» и «практику концепции построения сообщества единой судьбы человечества в сфере безопасности». При этом подчеркивается, что Инициатива глобальной безопасности разрушила монополию

западных стран на право формулировать международные правила, ответила на общие опасения международного сообщества в области безопасности в новой ситуации, создала новое направление мирного развития и реализовала понимание законов развития международных отношений [Zhāng Juān; Wú Xiǎodān; Zhāng Wèipéng].

В силу подобной трактовки китайские ученые уже предлагают отмечать 10-летний «юбилей» Инициативы. Выделяются следующие основные этапы ее формирования. 23 марта 2013 г. в Московском Государственном институте международных отношений Председатель Си Цзиньпин произнес речь «Следуя веяниям времени и способствуя миру и развитию во всем мире». С тех пор «построение сообщества единой судьбы человечества стало ключевым словом китайской дипломатии в новую эпоху». Подчеркивается, что к настоящему времени ее поддержали более 80 стран и региональных организаций. Ее предшественницей была Азиатская концепция безопасности. Вскоре после того, как 15 апреля 2014 г. председатель КНР впервые выдвинул общую концепцию национальной безопасности, основанную на содействии международной безопасности, 21 мая 2014 г. он выступил на саммите СВМДА в Шанхае с речью «Активное создание азиатской концепции безопасности и совместное создание сотрудничества в области безопасности».

26 сентября 2017 г. на церемонии открытия 86-й Генеральной ассамблеи Интерпола Председатель КНР Си Цзиньпин в своей речи отметил, что осознание общей безопасности всех стран является неотъемлемой частью построения «сообщества единой судьбы человечества». 21 апреля 2022 г. председатель КНР выступил с программной речью на церемонии открытия ежегодной конференции Боаоского Азиатского форума 2022 г., подчеркнув, что «безопасность является предпосылкой развития, а человечество представляет собой неделимое сообщество безопасности».

Наконец, 21 февраля 2023 г. Китай официально обнародовал «Концептуальный документ Инициативы в области глобальной безопасности», в котором излагаются основные концепции и принципы этой Инициативы, а также уточняются 20 ключевых направлений сотрудничества и 5 платформ и механизмов сотрудничества с конкретной направленностью действий. «Концептуальный документ» трактуется в Китае как «дальнейшее обогащение и усовершенствование» Инициативы в области глобальной безопасности [Huānyíng suǒyǒu...].

Так китайские ученые прослеживают развитие Инициативы в области глобальной безопасности на протяжении последних десяти лет,

непосредственно увязывая этот процесс с выступлениями и трудами председателя КНР. При этом осуществляется своего рода кодификация идей Си Цзиньпина в данной сфере, что является частью процесса формирования корпуса «идей Си Цзиньпина» в целом. Как полагают китайские обществоведы, «среди них создание сообщества единой судьбы человечества является концепцией высшего уровня, концепция глобальной безопасности является воплощением концепции сообщества единой судьбы человечества в области безопасности, а инициатива в области глобальной безопасности является реализацией концепции глобальной безопасности» [Chén Xiàngyáng].

Инициативу в области глобальной безопасности следует воспринимать в более широком контексте стремления Китая реформировать глобальную систему управления, которая лучше соответствовала бы его интересам и ценностям, наряду с Инициативой «Пояс и путь» (ИПП) и Инициативой по глобальному развитию. Инициатива в области глобальной безопасности становится основой для различных инициатив Китая в области безопасности в ООН и на уровне глобального Юга, который стремится бросить вызов глобальной системе, возглавляемой Западом, и позиционирует себя как лидер в архитектуре глобального управления и безопасности.

Еще один аспект, требующий, по мнению китайских обществоведов, дальнейшего изучения, — это связь между Инициативой в области глобальной безопасности и китайской Концепцией комплексной национальной безопасности, представленной в 2014 г. Она отражает китайское видение национальной безопасности, направленное на реализацию «единства политической безопасности, безопасности народа и национальных интересов». В соответствии с этой концепцией национальная безопасность охватывает несколько типов безопасности, включая «политическую безопасность», «безопасность зарубежных интересов», «ресурсную безопасность», «космическую безопасность», «полярную безопасность», «морскую безопасность» и пр. [Huáng Thī Nà, p. 4].

Нельзя не согласиться с китайскими коллегами в том, что Инициатива в области глобальной безопасности представляет собой синтез целого ряда существующих концепций международной безопасности. При этом Инициатива «унаследовала культурную сущность китайской нации, представленную принципами «поступай с другими так, как хочешь, чтобы они поступали с тобой» и «все под небом — одна семья», продвинула вперед идеологию и духовную сущность пяти принципов мирного сосуществования» [Zhāng Juān; Wú Xiǎodān; Zhāng Wěipéng].

Подчеркивается важность соблюдения «общей, всеобъемлющей, совместной и устойчивой концепции безопасности». В самом общем виде концепции безопасности классифицируются следующим образом:

- общая безопасность означает уважение и обеспечение безопасности каждой страны. Неприемлемо заботиться только о безопасности одной страны, игнорируя безопасность других стран, и добиваться так называемой абсолютной безопасности себя за счет других;
- комплексная безопасность означает поддержание безопасности традиционных и нетрадиционных территорий в целом, с учетом исторической широты и долготы и текущей ситуации в вопросах безопасности, а также принятие многовекторных и комплексных мер для эффективного решения различных проблем безопасности.

Безопасность на основе сотрудничества заключается в содействии национальной, региональной и глобальной безопасности посредством диалога и сотрудничества. Устойчивая безопасность означает уделение равного внимания развитию и безопасности для достижения прочной безопасности. Странам следует сосредоточиться на теме развития и содействовать обеспечению устойчивой безопасности посредством устойчивого развития [Zhāng Juān; Wú Xiǎodān; Zhāng Wěipéng].

Китайские ученые особо выделяют содержащиеся в Инициативе идеи, касающиеся концепции сообщества безопасности личности — это, по их мнению, «новый тип концепции безопасности, направленный на достижение устойчивости, который воплощает в себе диалектическое единство устойчивого развития и поддержания безопасности». В этой связи утверждается, что построение сообщества безопасности выходит за рамки традиционного реализма и либеральных концепций безопасности. Глобализация тесно связала страны, и их интересы переплелись. В «сообществе», где все взаимосвязано, развитие каждой страны создает условия, а не препятствия для развития других стран.

При анализе концепции сообщества безопасности подчеркивается «правильное обращение с четырьмя парами диалектических отношений, то есть отношениями между устойчивым развитием и поддержанием безопасности, собственной безопасностью и общей безопасностью, относительной безопасностью и абсолютной безопасностью, традиционной безопасностью и нетрадиционной безопасностью».

Также подвергаются сопоставительному анализу концепции относительной и абсолютной безопасности. Относительная безопас-

ность и абсолютная безопасность в основном определяют идеальное состояние безопасности с точки зрения целей или норм безопасности. Абсолютная безопасность относится к состоянию гарантии того, что человек не находится под угрозой или свободен от опасности, бесконечно расширяя свои собственные преимущества. Традиционный взгляд на международную безопасность исходит из того, что все страны стремятся к абсолютной безопасности, что ведет к серьезному ухудшению обстановки в сфере международной безопасности за счет ослабления безопасности других стран в процессе обеспечения национальной безопасности. Традиционная безопасность охватывает сферы национальных вооруженных сил, суверенитета и политической власти. Однако появляется все больше и больше нетрадиционных вопросов безопасности, которые выходят за национальные границы, время и пространство. Традиционная безопасность и нетрадиционная безопасность могут трансформироваться друг в друга при определенных условиях, и границы между ними, как правило, размыты [Liú Zhé].

Сун Вэй, научный сотрудник Национальной академии развития и стратегии Китайского народного университета, полагает, что «традиционная безопасность и нетрадиционная безопасность неразделимы, права безопасности и обязательства в области безопасности неразделимы, безопасность и развитие неразделимы». По его мнению, новая концепция безопасности, основанная на сотрудничестве и устойчивом развитии, значительно уменьшит различные противоречия, проблемы и вероятность войн, порожденную конфликтами интересов и дилеммой безопасности между странами. Новая концепция безопасности является важным вкладом Китая в поддержание глобальной безопасности и улучшение глобального управления [Sòng Wèi].

Отдельному анализу подвергаются содержащиеся в Инициативе глобальной безопасности конкретные идеи и предложения по китайским миротворческим инициативам в различных регионах мира, включая предложенный Китаем мирный план по урегулированию на Украине из 12 пунктов. Подчеркивается, что значение данного документа и реакцию на него в разных странах следует оценивать в более широком контексте, поскольку он содержательно взаимосвязан с Инициативой в области глобальной безопасности.

Важная часть китайского академического дискурса вокруг Инициативы в области глобальной безопасности — анализ восприятия Инициативы в разных странах. При этом подчеркивается, что у части западного общественного мнения есть подсознательные предубежде-

ния и непонимание Концептуального документа. Они либо сводят его к ответу Китая Западу по вопросу России и Украины, либо утверждают, что он «подрывает господство США» [Huānyíng suǒyǒu...].

Что же касается России, то ее отношение к вышеописанной Инициативе благожелательное. Более того, в совместных российско-китайских документах, в частности, в Совместном заявлении РФ и КНР об углублении отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия, вступающих в новую эпоху, подписанном по итогам государственного визита председателя КНР в Москву в марте 2023 г., говорится о готовности продолжать взаимодействие по вопросам региональной и глобальной безопасности, в том числе в рамках данной Инициативы.

В целом можно заключить, что Инициатива в области глобальной безопасности, отражающая общее видение Китая проблем международной безопасности, во многом созвучна подходам к обеспечению безопасности, которые предлагала и предлагает Россия в Евро-Атлантическом регионе, и призывает распространять эти подходы на другие регионы мира. Положения китайского плана по Украине также созвучны российскому видению будущего мирного урегулирования на Украине и отражают так называемый благожелательный нейтралитет Китая в украинском вопросе: для Пекина важно как отстаивание принципа территориальной целостности в контексте противодействия сепаратистским проявлениям в окраинных провинциях страны, так и поддержание отношений стратегического партнерства и всеобъемлющего взаимодействия с Россией.

Библиографический список [References]

Chén Xiàngyáng (2023). Quánqíu ānquán chàngyì yǐnlǐng rénlèi ānquán gòngtóngtǐ [The Global Security Initiative leads the human security community], *Huánqíu shìbào [Global Times]*, 2023-04-06. URL: http://www.china.com.cn/opinion/2023-04/06/content_85214187.shtml (accessed: 07 May, 2023). (In Chinese).

Hoang Thi Ha (2023). Why Is China's Global Security Initiative Cautiously Perceived in Southeast Asia?, *Perspective. ISEAS — Yusof Ishak Institute*: 11:4.

Huānyíng suǒyǒu guójiā jiārù quánqíu ānquán chàngyì [We invite all countries to join the Global Security Initiative], *Huánqíu shìbào [Global Times]*, 2023-02-22. URL: <http://www.nanhai.org.cn/info-detail/24/13534.html> (accessed: 07 May, 2023). (In Chinese).

Líu Zhé (2023). Tuījìn quánqíu ānquán chàngyì shíxiàn rénlèi ānquán gòngtóngtǐ. [Promoting the Global Security Initiative to Build a Human Security Community], *Tiānjīn rìbào [Tianjin Daily]*, 2023.03.31. URL: <http://www.tjyun.com/system/2023/03/31/053783848.shtml> (accessed: 07 May, 2023). (In Chinese).

Sòng Wēi (2023). Xīn ānquán guān shì shíxiàn quánqiú ānquán de jīshí. [The new concept of security is the cornerstone of global security], *Guǎngzhōu rìbào* [*Guangzhou Daily*], 10.03.2023. URL: http://nads.ruc.edu.cn/xzgd/cc2a921ed7484b96acaf4e63e67ac48a.htm?_x_tr_sch=http&_x_tr_sl=zh-CN&_x_tr_tl=ru&_x_tr_hl=ru&_x_tr_pto=sc (accessed: 07 May, 2023). (In Chinese).

Zhāng Juān; Wú Xiāodān; Zhāng Wěipéng (2022). Quánqiú ānquán chàngyì: Nèihán, yìyì yǔ shíjiàn [Global Security Initiative: Connotation, Meaning and Practice], *Guóji wèntí yánjiū* [*Studies of International Issues*]:4. URL: http://cn.chinadiplomacy.org.cn/2022-08/25/content_78388606.shtml (accessed: 07 May, 2023). (In Chinese).

Е.И. Сафронова

КИТАЙСКИЙ ФАКТОР В ТЕКУЩЕЙ ЭВОЛЮЦИИ МНОГОПОЛЯРНОСТИ

Аннотация. Статья начинается с рассмотрения вопроса трактовки понятий «мировой порядок», «многополярность», а также этапов становления соответствующей концепции. Акцент делается на китайской интерпретации термина «многополярность». Автор подчеркивает, что в последние годы создаются условия для начала реального перехода к новому мировому порядку и многополярности. Этому способствует ряд обстоятельств: политико-экономическое ослабление коллективного Запада; «перерастание» второй экономикой мира — Китаем рамок старого мирового порядка; экономический подъем глобального Юга и рост влияния крупных объединений развивающихся государств; особенности подхода Китая к вопросам сотрудничества; создание Китаем, Россией, развивающимися странами и регионами целого ряда новых кооперационных структур.

В статье также отмечаются особенности и риски становления многополярности для Китая. Автор полагает, что даже при постепенности и мягкости перехода от существующего мирового порядка к новому многополярному, отказ от старой модели хотя бы на время лишит страны, доселе приспособившиеся к ней, привычной среды обитания. И это породит особый вызов, в первую очередь для глобального Юга, включая причисляющийся к нему Китай. Прагматичному Китаю, возможно, придется еще больше сместить акценты внимания со своих международных торгово-экономических интересов на стратегические, и это, вероятно, скажется на социально-экономической обстановке в стране, а также на общей картине международных связей КНР.

Автор заключает, что переход от одно- или биполярности к многополярности не может быть простым в силу противостояния ему Запада и увеличения числа самостоятельных международных «игроков», что затруднит решение глобальных проблем из-за усложнения процессов согласований и нахождения консенсуса.

В статье отмечается и ключевое значение региональных и трансрегиональных коллективных структур как полюсов складывающегося многополярного мира и проводится мысль о том, что эти формации выступают в качестве предпосылки, предтечи и проявления нового международного многополярного порядка. Они же служат и механизмами его формирования.

Ключевые слова: мировой порядок, многополярность, Китай, развивающийся мир, глобальный Юг, региональные и трансрегиональные кооперационные структуры.

Автор: Сафронова Елена Ильинична, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра «Россия, Китай и мир» Института Китая и современной Азии РАН (адрес: 117997, Москва, Нахимовский пр-т, 32). ORCID: 0000-0002-4256-2381.

E-mail: safronova@iccaras.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации в Институте Китая и современной Азии РАН.

E.I. Safronova

The Chinese Factor in the Current Evolution of Multipolarity

Abstract. The article begins with the considering of the “world order” and “multipolarity” concepts’ interpretation and of formation stages of the corresponding concept as well. The emphasis is done on the Chinese interpretation of the term “multipolarity”. The author stresses the idea that in recent years, conditions have been created for the beginning of a real transition to a new world order and multipolarity. The transition is facilitated by a number of circumstances: political and economic weakening of the collective West; “outgrowing” of the framework of the old world order by the second economy of the world — China; economic recovery of the global South and growing influence of large associations of developing countries; peculiarities of China’s approach to cooperation issues; creation by China, Russia, developing countries and regions of a number of new cooperation structures.

The article also analyzes features and risks for China of the forming multipolarity. The author notes that even with gradual and soft transition from the existing world order to the new multipolar one, the rejection of

the old model, at least for a while, may deprive the countries that have adapted to it, of their habitual surrounding. And this will give rise to a special challenge, primarily for the global South, including China, which allegedly belongs to it. Pragmatic China may have to shift further its focus from international trade and economic interests to strategic ones, and this may affect the socio-economic situation in the country, as well as the overall picture of China's international relations.

The author concludes that the transition from unipolarity or bipolarity to multipolarity cannot go easily due to the opposition to it of the West, as well as an increase in the number of independent international “players”, what will make difficult to solve global problems because of the complication of the coordination processes.

In addition, the article notes key importance of regional and transregional cooperative structures as poles of the emerging multipolar world and suggests that these formations are acting as a prerequisite, forerunner and manifestation of a new international multipolar order. They also serve as mechanisms for the creation of the latter.

Keywords: world order, multipolarity, China, developing world/ global South, regional and transregional cooperative structures.

Author: Elena I. SAFRONOVA, Ph.D. (Economics), Leading Research Fellow, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences (address: 32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117997, Russian Federation). ORCID: 0000-0002-4256-2381.
E-mail: safronova@iccaras.ru

Conflict of interests. The author declares the absence of the conflict of interests.

Support. The article was prepared at the Institute of China and Contemporary Asia of the RAS within the framework of the State assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation.

Введение

Вначале видится целесообразным определиться с понятием мировой порядок (МП), а также многополярность в международных отношениях (МО) и ее трактовкой в китайской политологии. Для выполнения этой задачи бесполезно хотя бы кратко представить этапы становления концепции многополярности.

Итак, *мировой порядок (МП)* обычно принято характеризовать в описательных тонах: возможные его принципы, вероятный состав участвующих акторов и т. д. Но проще и понятнее дать определение МП, применяя два параметра: силы, доминирующие на мировой аре-

не в данный исторический момент¹, и силы эту доминанту оспаривающие. То есть мировой порядок всегда связан с расстановкой сил. В современном виде идея нового мирового порядка тесно связана с идеей многополярности. Многополярность — это знамя, основная черта и сердце нового мирового порядка, за строительство которого ратует и Китай, и Россия, и многие другие страны.

Основы концепции многополярности были заложены западной политологией еще в середине 1960-х годов. Далее, в течение 30 лет, соответствующий дискурс проходил в сугубо академических рамках, пока в 1996 г. Е.М. Примаков не выдвинул тезис о том, что переход к многополярности становится реальной, причем одной из основополагающих тенденций мировой жизни [Примаков]. В 1998 г., уже будучи главой правительства РФ, он впервые придал этой идейной конструкции практическое измерение в свете формирования трехсторонней кооперационной структуры «Россия—Индия—Китай» (РИК), в которой он увидел прикладной инструмент для строительства многополярности МО. По мнению министра иностранных дел РФ С.В. Лаврова, полицентричность (многополярность. — *Е.С.*) мира в понимании Е.М. Примакова базируется на том принципе, что все позиции и права субъектов МО должны быть перераспределены в соответствии с реальным весом экономики, финансов и политического влияния². В новейшую редакцию Концепции внешней политики РФ (2023 г.) было включено положение о необходимости формирования такой системы международных отношений, которая обеспечивала бы «равные возможности развития для всех государств независимо от их географического положения, размера территории, демографического, ресурсного и военного потенциалов, политического, экономического и социального устройства»³.

В китайской интерпретации идею многополярности (*доцзихуа*) впервые озвучил в 1997 г. тогдашний председатель КНР Цзян Цзэминь. Она стала констатацией нежелания Китая и далее терпеть проявления неравноправия в МО, свойственные однополярной системе.

¹ См.: China e a Nova Ordem Mundial: tudo que voce precisa saber. URL: <https://guiadocestudente.abril.com.br/atualidades/china-e-a-nova-ordem-mundial-tudo-que-voce-precisa-saber> (accessed: 06.05.2023).

² Интервью Министра иностранных дел С.В. Лаврова телекомпании ВГТРК в связи с юбилеем Е.М. Примакова, Москва, 28 октября 2014 г. // Сайт МИД РФ. URL: https://archive.mid.ru/web/guest/vistupleniya_ministra/-/asset_publisher/MCZ7HQuMqdB/content/id/781648 (дата обращения: 06.05.2023).

³ Концепция внешней политики Российской Федерации. Ч. IV, п.18. URL: <https://base.garant.ru/406643869/#friends> (дата обращения: 06.05.2023).

Чуть позже министр иностранных дел КНР Тан Цзясюань по сути разделил мнение Е.М. Примакова в том, что общая тенденция мирового развития заключается в движении к монополярности международных отношений, путь к которой «может быть тернист и долг, но историческая тенденция необратима. Все попытки установить «однополярный мир» или монополизировать международные дела обречены на фиаско» (приводится по: [Сафронова, с. 71]).

Мысль о важности РИК как одного из потенциальных центров многополярного мира нашла быстрый отклик в Индии. Так, в декабре 1999 г. в Джайпуре состоялась XXVI национальная конференция Индийского Общества сотрудничества и дружбы (ИСКАФ). Итогом ее работы стало принятие пяти резолюций, среди которых по своему значению выделяется «Резолюция по построению стратегического “треугольника” между Индией, Россией и Китаем», где, в частности, говорится, что две великие азиатские державы — Индия и Китай — вместе с великой евроазиатской державой — Россией — составляют «краеугольный камень» будущего многополярного мира. «Стратегический “треугольник” Индия—Китай—Россия... имеет целью внесение необходимых коррективов в существующий несправедливый и неравноправный однополярный мировой порядок» (приводится по: [Сафронова, с. 72]).

Важная заслуга Пекина состоит в том, что во многом благодаря его усилиям идея многополярности была распространена по всему развивающемуся миру, пройдя красной нитью почти во всех документах, принятых Китаем с 1990-х годов на форумах и встречах с лидерами развивающихся государств. КНР придала принципу многополярности особый акцент: вот уже семь десятилетий она проводит идею о равноправии и равенстве всех стран на мировой арене — *больших и малых*, независимо от их стратегического и экономического потенциала.

Китай исходит из того, что без развивающегося мира многополярность структуры МО не является полноценной. Это понятно, ибо, во-первых, развивающиеся страны — это большинство человечества и по численности населения, и по территории, а, во-вторых, КНР с момента своего основания в 1949 г. причисляет себя к странам «третьего», а сейчас — развивающегося мира, в целом рассматривая РМ в качестве мощного ресурса и резерва мирового прогресса. В Пекине постоянно подчеркивают, что «взаимная солидарность и поддержка между Китаем и странами Азии, Африки и Латинской Америки остаются ключевой чертой подхода Китая к международным отношениям» и что Китай делает упор на многостороннее сотрудничество

со странами глобального Юга для защиты национального суверенитета и развития в совместной борьбе против несправедливого международного порядка, сформированного странами глобального Севера [Cheng Yawen].

Тезис о преимуществе многополярного устройства мира перед однополярным встретил понимание большинства стран РМ: о своей поддержке названной идеи неоднократно заявляли лидеры государств Африки, Латинской Америки и Юго-Восточной Азии.

Кроме того, в китайской трактовке концепция многополярности предполагает, что главная роль в мировой политике должна принадлежать нескольким центрам влияния, «которые не станут стремиться к гегемонии ни порознь, ни вместе». Поэтому они «не должны вступать между собой ни в какие союзы», и именно это должно стать залогом *естественного* вызревания баланса мировых сил¹. (Данное положение полностью вписывается в неблоковый принцип китайской внешней политики.)

Переход к новому мировому порядку и многополярности: вероятность и актуальность

В последние годы появляются условия для реальных шагов на пути к новому МП. Этому способствуют следующие обстоятельства:

1. Политико-экономическое ослабление коллективного Запада. США и их союзники не смогли сохранить однополярное глобальное господство, которое обрело заметные очертания после окончания холодной войны. Об этом свидетельствует и рост таких противоречий внутри коллективного Запада, как Brexit, тенденция к деглобализации и в последнее время — разногласия по поводу интенсивности и масштаба антироссийских санкций.

В течение последних десятилетий Запад явственно стал погружаться в экономическую зависимость от производства за рубежом. Для снижения производственных издержек и экологической нагрузки западные страны активно переносили производительные мощности своих компаний на внешние территории, в основном в развивающиеся страны. Производства глобального Юга, особенно в Азии, также стали ключевыми поставщиками промышленной продукции в США и

¹ См.: Многополярность // Большая актуальная политическая энциклопедия. URL: <https://politike.ru/termin/mnogopoljarnost.html> (дата обращения: 06.05.2023).

Европу. Это обстоятельство способствовало высвобождению средств в самом Западе и переориентации их в непроизводительную сферу — в финансирование банковской системы, в спекуляцию недвижимостью и др. (Как известно, мировой финансово-экономический кризис 2008 г. во многом был вызван массированными спекуляциями в сфере недвижимости. Нечто похожее назревает и сейчас.) Некоторые исследователи полагают, что США вплотную столкнулись с риском деиндустриализации своей экономики, демонстрируя поведение страны-рантье [Yao Zhongqiu].

В итоге Запад оказался в ловушке применяемой им санкционной политики и практики, а также засилья реально не обеспеченного доллара. Сейчас он целенаправленно раздувает военное производство, в том числе и для того, чтобы наполнить экономику реальной товарной массой и уменьшить риски безработицы. Помимо этого, Запад, ослабевая, становится все более агрессивным. В периоды, когда западный либеральный капитализм функционировал гладко, его система расширялась в глобальном масштабе и создавала видимость основанной на правилах, пригодных для всех. Однако в периоды кризиса либеральный капитализм скатывается к силовой политике. Введение после начала СВО массированных антироссийских санкций со стороны западных стран скомпрометировало существующую международную систему, ярко высветив ее принудительный характер, а также тот факт, что ее «правила» на деле защищают интересы Запада, а не принципы Устава ООН и международное право.

Китай не может не принимать в расчет факт наложения на Россию западных рестрикций, поскольку в будущем они могут быть применены и в отношении самой КНР. По мнению китайских экспертов, кризис старой системы служит убедительным напоминанием Китаю о том, что ему следует углубить свое «мышление о наихудшем сценарии» (底线思维) и серьезно подготовиться к рискам, связанным со старым мировым порядком [Yang Ping].

2. «Перерастание» второй экономикой мира — Китаем рамок старого мирового порядка, который позволяет КНР развиваться только тогда, когда она согласна с доминантой США. Но сейчас Китаю уже тесны рамки такого режима.

При этом Китай стал второй экономической державой мира фактически при Бреттон-Вудской системе, которая не помешала ему достичь впечатляющих социально-экономических успехов, поразивших весь мир. За годы реформ и открытости задача Китая заключалась в том, чтобы интегрироваться в существующий мировой порядок. (У страны, «опоздавшей выйти на путь индустриализации и мо-

дернизации», не было иного выбора, кроме как учиться у западных стран, используя их передовые знания и опыт [Yang Ping].) Поэтому еще лет 7 назад можно было бы усомниться в искренности заявлений Китая о необходимости изменения МП. Но с бурным ростом многопланового потенциала страны, Запад, убоившись конкуренции со стороны Китая, предпринял особые меры по его «сдерживанию». Начиная с 2017 г. США развязали серию торговых войн против КНР, а также осуществили ряд недружественных акций против китайских технологических корпораций и ответственных лиц. Это побудило Китай серьезно задуматься о необходимости трансформации МП в сторону такого режима, который не мешал бы ему развиваться на новом витке его роста, не подвергал внешнеполитическому ostracismu и позволил бы осуществлять КНР свои суверенные права в отношении Тайваня. Кроме того, у Китая есть традиционное видение, согласно которому он намерен вернуть себе статус мировой державы. Пекин не раз заявлял, что Китай желал бы возглавить реформу мирового порядка.

3. Экономический подъем развивающегося мира, рост влияния крупных объединений развивающихся государств. Так, если в 1980 г. на развитые страны приходилось 75,4 % мирового ВВП, то на развивающиеся страны — менее 25 %. Однако к 2021 г. доля первой группы в мировом ВВП упала до 57,8 %, а доля второй повысилась до 42,2 % [Cheng Yawen]. По китайским данным, на долю развивающихся стран сейчас приходится более 70 % вклада в прирост мировой экономики¹.

Китай, сознательно или бессознательно, постоянно апеллировал к странам развивающегося мира — всякий раз, когда чувствовал, что его интересам может быть нанесен ущерб. Со времени основания КНР в 1949 г. силы развивающегося мира были для нее базой поддержки и роста. Так, в 1950—1960-х годах национально-освободительные движения Азии, Африки и Латинской Америки, страны Бандунгской конференции 1955 г. и Движения неприсоединения посылно задействовались Китаем в качестве внешнеполитической опоры, а сотрудничество Юг—Юг выступило инструментом кооперации на первых этапах реформ и открытости в 1980-х годах. Эстафету продолжили механизмы регионального сотрудничества, к которым примкнул Китай в 1990-х, например, в Латинской Америке, а также РИК,

¹ Вопросы и ответы министра иностранных дел Цинь Гана на пресс-конференции, посвященной внешней политике Китая и международным отношениям. URL: https://www.fmprc.gov.cn/rus/zxxx/202303/t20230308_11037323.html (дата обращения: 06.05.2023).

в начале XXI века — БРИКС и, наконец, в последнее десятилетие — Инициатива «Пояс и путь» (ИПП) [Yang Ping].

4. Конструктивность подхода Китая к вопросам сотрудничества. Система, на которой построено процветание Запада, — это капитализм, основанный на ограблении колониальных территорий. Эта система не ставила задачей обеспечить развитие зависимых стран, а просто улучшала возможности для собственного благоденствия. И это опровергает так называемую универсальную конструктивность капитализма [Yao Zhongqiu].

Можно сказать, что уже 25 лет многополярность трактуется Китаем как мощное средство устранения одностороннего доминирования в международных делах. Сначала — в 1980—1990-х годах — эффективным средством для защиты интересов развивающихся стран в диалоге между глобальным Югом и глобальным Севером Китай видел интенсификацию сотрудничества между развивающимися странами — так называемую кооперацию Юг—Юг, или «коллективное самообеспечение». Позже Китай, по сути, предложил нечто аналогичное и для запуска «мультиполяризации» международных отношений. Страны, наиболее заинтересованные в последней (главным образом, страны развивающиеся), призываются наладить взаимное сотрудничество для улучшения своих позиций во взаимодействии с глобальным Севером, причем без применения «тяжелой артиллерии» международного воздействия, присущих Западу, а именно политического или экономического давления, санкций, бойкотов, блокад, жесткого обусловленного квотирования и т. д.

Китай действительно стремится учитывать специфику стран мира, отвергая западный курс на «гомогенизацию» международной жизни, подразумевающий перенос собственной социально-экономической модели на реалии других субъектов МО. КНР ненасильственным образом демонстрирует достижения своей модели, например, через Инициативу «Пояс и путь». Китайские политологи полагают, что посредством ИПП Китай проводит реконфигурацию мирового разделения труда: «вверх по течению» — принимая компоненты, порожденные передовым западным производством; «вниз по течению», передавая производственные навыки и даже мощности развивающимся странам, особенно в Африке [Yao Zhongqiu]. К началу 2023 г. Китай подписал более 200 соглашений о сотрудничестве в рамках Инициативы «Пояс и путь» со 152 странами и 32 международными организациями.

Внутри страны Китай делает упор на производство («основное») и, в отличие от США, сводит к минимуму финансовые спекуляции

(«сиюминутное»), таким образом перелагая на современные условия древнекитайскую максиму 崇本抑末 — «обращать внимание на главное и игнорировать второстепенное» [Op. cit.].

В то же время Запад продолжает силовыми методами защищать принцип доминирования одной державы или блока на мировой арене. В заложенной им глобальной системе разделение труда, денежная масса, промышленное производство и нормотворчество являются исключительной прерогативой избранных стран. Запад отказывается даже от базового капиталистического принципа экономического партнерства — «частная собственность неприкосновенна» [Yao Zhongqiu]. Яркий пример этому — блокирование и конфискация российских государственных и частных активов.

5. Создание Китаем, Россией, развивающимися странами и регионами целого ряда новых коллективных структур (помимо РИК, ШОС и БРИКС — это ЕАЭС, ИПП, Сообщество латиноамериканских и карибских государств (CELAC), Всеобъемлющее региональное экономическое партнерство (ВРЭП) и др.). Эти формации не подконтрольны западным государствам или организациям, они создают условия для разработки собственных программ развития и выступают в качестве предпосылки, предтечи и проявления нового международного многополярного порядка. Они же служат и механизмами его формирования.

Значение ШОС как одного из центров нового многополярного мира еще раз подчеркнул министр иностранных дел РФ С.В. Лавров на встрече глав внешнеполитических ведомств Организации в мае 2023 г.¹ Ныне на долю ШОС приходится более 30 % мирового ВВП и 40 % населения мира. А ВВП БРИКС, даже по данным МВФ, по паритету покупательной способности в 2021 г. составил 46,16 трлн долл., а G7 — только 44,9 трлн. В случае присоединения к БРИКС Аргентины, Ирана, Турции, Египта и Саудовской Аравии, вероятность чего резко растет, сумма ВВП БРИКС по ППС достигнет 54,5 трлн долл.² По прогнозу китайских ученых, к 2030 г. на долю стран БРИКС будет приходиться более половины создаваемого мирового валового продукта, в то время как доля стран G7 сократится до четверти [Небренчин, с. 104].

¹ Вести — 1 канал. URL: https://www.1tv.ru/news/2023-05-05/452505-na_press_konferentsii_sergey_lavrov_govoril_o_rastuschem_znachenii_shos_v_kontekste_formirovaniya_mnogopolynarnogo_mira (дата обращения: 06.05.2023).

² Пилько А. БРИКС и ШОС. Новый экономический центр? URL: <https://zen.ru/video/watch/62e42452d54cf4dfe11c2c6?t=1> (дата обращения: 06.05.2023).

Провозглашение Китаем Глобальной инициативы развития (сентябрь 2021 г.), Глобальной инициативы в области безопасности (апрель 2022 г.) и Инициативы глобальной цивилизации (март 2023 г.) как установок по формированию нового мирового порядка — это тоже апелляция, прежде всего, к развивающимся странам. Практическое наполнение указанных инициатив насущно важно для смягчения проблемы экономического разрыва между глобальным Югом и глобальным Севером.

Особенности становления многополярности для Китая

Понятно, что становление нового многополярного порядка не может произойти в результате одномоментного отказа от порядка существующего. Это и невозможно. Неизбежно будет иметь место переходный период, который по определению сопряжен с трудностями трансформации старой модели и поиска новых эволюционных путей. Поэтому китайские политологи отмечают, что КНР стоит перед необходимостью серьезно рассмотреть в качестве главной стратегической задачи создание новой системы, не заменяющей западную, но *параллельную ей* (выделено мной. — *Е.С.*). В Китае полагают, что развитие новой международной системы и активное участие в существующей системе — это два процесса, которые могут идти одновременно и без конфликтов и в которых две системы неизбежно взаимодействуют друг в друга. Эксперты подчеркивают эволюционный путь формирования нового мирового порядка, «когда количественные изменения, накопленные новой системой, начнут трансформироваться в качественные, естественным образом возникнет совершенно новый мировой порядок» [Yang Ping].

В свое время Китай извлек немалую пользу из *экономической* глобализации «по-западному». Не приемля *политическую* глобализацию как угрозу суверенности развивающихся стран, китайские руководители не раз заявляли о необходимости использовать «плюсы» глобализации экономической. Сейчас, с беспрецедентным подъемом Китая, Пекин пытается осуществить собственную нюансировку экономической глобализации, отмечая полезность для нее таких свойств, как открытость, инклюзивность, сбалансированность и выгодность для всех. Новая модель глобализации связывается Пекином с полным раскрытием «жизненных сил мировой экономики», отказом от менталитета холодной войны и со стремлением к мирному сосуществованию. Становление глобализации по-китайски ассоциируется и с на-

мерением Китая «поделиться своими достижениями в области развития со всем миром», поскольку, как подчеркивал Си Цзиньпин, «развитие Китая — это возможность для всего мира»¹.

Тем не менее, как бы ни привлекательно выглядела новая парадигма глобализации, отказ от старой модели на какое-то время лишит страны, доселе приспособившиеся к ней, привычной среды обитания. Многим акторам, особенно в развивающемся мире, видимо, придется переналаживать свои цепочки поставок, производственные цепочки, пересматривать круг ближайшим партнеров, а то и социально-экономическую модель развития. Таким образом, переходный период породит особый вызов, в первую очередь для глобального Юга, включая причисляющийся к нему Китай.

В силу осложнений геополитической обстановки, прагматичному Китаю, возможно, придется сместить акценты своего внимания с международных торгово-экономических интересов на стратегические. Переход на «оборонные рельсы» внесет новые краски в картину внутренней и международной жизни КНР. Но как это скажется на китайском обществе, может показать только время. Китаю, вероятно, придется всерьез задуматься и о вопросе охраны своей собственности за рубежом, в том числе и вдоль маршрута «Пояса и пути». Это потребует от него дополнительной мобилизации финансовых и внешнеполитических ресурсов, но в случае успеха придаст большую устойчивость проекту ИПП.

Китайские политологи задаются вопросом: что может способствовать продвижению многополярности естественным путем, без откровенного силового давления? Они полагают, что здесь необходимо повышение потенциала БРИКС и ШОС через их вплетение в более широкое сотрудничество Юг—Юг, в том числе с привлечением возможностей Азиатского банка инфраструктурных инвестиций (АБИИ) и Нового банка развития (НБР), созданного странами БРИКС; формирование автономной от SWIFT международной платежной системы; укрепление финансового сотрудничества в рамках ШОС, особенно между Китаем, Россией, Индией и Ираном; дальнейшее продвижение восточноазиатской экономической интеграции в рамках Инициативы «Пояс и путь» и подключение к ней недавно созданного ВРЭП; создание основ общего энергетического рынка в Азии, чтобы покупатели в Восточной и Южной Азии и продавцы на Ближнем Вос-

¹ ИА «Синьхуа». Специальный репортаж: Как развитие Китая содействует тому, чтобы глобализация сопровождалась экономическим ростом. URL: http://russian.news.cn/2022-01/18/c_1310429446.htm (дата обращения: 06.05.2023).

токе, в Центральной Азии и России могли использовать единую сеть торговли и платежей; содействие диверсификации международной валютной системы и интернационализации юаня¹.

Заключение

Итак, переход от одно- или биполярности к многополярности не может быть простым, ибо при жестком противлении ему Запада, да и увеличении числа самостоятельных международных «полюсов», станет труднее договариваться о решении глобальных проблем, включая обновление стагнирующих многосторонних институций. Многополярная структура МО в ближайшей перспективе будет формироваться в условиях жесткой конкуренции с ее оппонентами, а также дефицита координации между ее сторонниками (из-за разнородности РМ и соперничества его стран на мировых экономических рынках).

Реальный новый многополярный порядок, скорее всего, начнется с вызревания нескольких региональных «узлов». Страны с аналогичным «бэкграундом» активно формируют собственные региональные структуры по всему развивающемуся миру. Велико здесь и значение трансрегиональных кооперационных структур: ШОС и БРИКС уже называются полюсами складывающегося многополярного мира.

В случае развития многополярности ожидаемым от нее образом, государства Запада могут утратить массивную «подпитку» от некогда зависимых от них стран и тогда им придется жестко конкурировать друг с другом за ресурсы, что чревато угрозой распада их системы союзов.

Библиографический список

Небренчин С.М. БРИКС И ШОС: стратегия взаимодействия и сотрудничества // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2016. № . 764. С. 102—109.

Примаков Е.М. Международные отношения накануне XXI века: проблемы, перспективы // Международная жизнь. 1996. № 10. С. 3—13.

Сафронова Е.И. Многополярность и глобализация: взаимообусловленность или взаимоисключение? // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. М.: ИДВ РАН, 2000. С. 71—80.

¹ См.: On the Threshold of a New International Order. URL: <https://thetricontinental.org/wenhua-zongheng-1-new-international-order> (accessed: 06.05.2023).

References

Nebrenchin, S.M. (2016). BRIKS I ShOS: strategiya vzaimodejstviya i sotrudnichestva [BRICS and SCO: strategy of interaction and cooperation], *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Obshchestvennye nauki [Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Social Sciences]*:764:102—109. (In Russian).

Primakov, E.M. (1996). Mezhdunarodnye otnosheniya nakanune XXI veka: problemy, perspektivy [International relations on the eve of the XXI century: problems, prospects], *Mezhdunarodnaya zhizn' [International life]*:10:3—13. (In Russian).

Safronova, E.I. (2000). Mnogopolyarnost' i globalizaciya: vzaimoobuslovlennost' ili vzaimoisklyuchenie? [Multipolarity and globalization: interdependence or mutual exclusion?], *Kitaj v mirovoj i regional'noj politike. Istoriya i sovremennost' [China in world and regional politics. History and modernity]*, Moscow: *Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences*: 71—80. (In Russian).

* * *

Cheng Yawen (2023). Building the New 'Three Rings': Reconfiguring China's Foreign Relations in the Face of Decoupling, *Wenhua Zongheng* :1. URL: <https://thetricontinental.org/wenhua-zongheng-1-new-international-order> (accessed: 06 April, 2023).

Yang Ping (2023). The Ukraine Crisis and the Building of a New International System, *Wenhua Zongheng* :1. URL: <https://thetricontinental.org/wenhua-zongheng-1-new-international-order> (accessed: 06 April, 2023).

Yao Zhongqiu (2023). Five Centuries of Global Transformation: A Chinese Perspective, *Wenhua Zongheng* :1. URL: <https://thetricontinental.org/wenhua-zongheng-1-new-international-order> (accessed: 06 April, 2023).

Shahida Wizarat

THE RISE OF CHINA IN THE XXIST CENTURY: DOMESTIC AND GLOBAL LEVELS

Abstract. China's spectacular rise from the "sick man" of Asia to an economic, political and strategic power challenging the present world order and giving an alternative which is economically, politically and ethically superior to the present order. China's soft power enriched by the teachings of Confucius, Lao Tzu, Sun Yatsen and Buddha. Their teachings and philosophy and the homegrown economic, political, cultural and governance reforms helped in the economic, cultural, political and strategic transformation of China. China continued with a Centrally Planned economy during 1949 to 1979, but free market reforms were introduced under the leadership of statesman Deng Xiaoping and followed by President Xi Jinping. As a result, China's economy grew at the rate of almost 10 % per annum for three decades, increasing China's share in global GDP to 18.48 % in 2023. China was able to lift almost a billion people out of poverty in the shortest period of time. The Belt and Road Initiative (BRI) involving more than 140 countries will add 4 trillion USD to the GDP of member countries through investment in roads, motorways, railways, energy, ports, agriculture, industry, trade, finance, banking, education, health, poverty alleviation, environment, water development projects, etc. This will change the present world order which brings prosperity in rich countries through death and destruction in the developing world. The BRI, on the other hand, will increase wealth and bring prosperity both to the investing and the host country. That is why the BRI is truly a win-win model.

Keywords: China, BRI, CPEC, Reforms, Liberalization, New World Order, Deng Xiaoping, Xi Jinping.

Author: *Shahida Wizarat*, Ph.D. (Economics), Dean of the College of Economics and Social Development (CESD), Institute of Business Management (IoBM) Korangi (address: Creek, Karachi, Karachi City, Sindh 75190, Pakistan); M.A. Economics, Vanderbilt University, Nashville, Tennessee, U.S.A.; Ph.D Economics, University of East Anglia, Norwich, England, U.K. E-mail: drshahidawizarat@gmail.com

Conflict of interests. The author declares the absence of the conflict of interests.

III. Узарат

Подъем Китая в XXI веке: внутренний и глобальный уровни

Аннотация. Впечатляющий подъем Китая от состояния азиатского «страдальца» до [глобальной — прим. пер.] экономической, политической и стратегической державы, бросающей вызов нынешнему мировому порядку и предлагающей альтернативу, которая экономически, политически и этически превосходит нынешний порядок. Мягкая сила Китая обогащена наследием Конфуция, Лао Цзы, Сунь Ятсена и Будды. Их учения и философия, а также позже разработанные на китайской почве экономические, политические, культурные и управленческие реформы помогли в экономической, культурной, политической и стратегической трансформации Китая.

В Китае с 1949 по 1979 г. сохранялась централизованная плановая экономика, но под руководством государственного деятеля Дэн Сяопина в стране были проведены рыночные реформы, продолженные Председателем Си Цзиньпином. В результате экономика Китая росла почти на 10 % в год в течение трех десятилетий, что в 2023 г. привело к увеличению доли Китая в мировом ВВП до 18,48 %. Китаю удалось в кратчайшие сроки вывести из бедности почти миллиард человек.

Инициатива «Пояс и путь» (ИПП), в которой участвуют более 140 стран, пополнит на 4 трлн долл. ВВП ее стран-членов за счет капиталовложений в дороги, автомагистрали, железнодорожные пути, энергетику, порты, сельское хозяйство, промышленность, торговлю, финансы, банковское дело, образование, здравоохранение, борьбу с бедностью, охрану экологии, проекты развития водных ресурсов и т. д. Это изменит нынешний мировой порядок, который приносит процветание богатым странам ценой смерти и разрушений в развивающемся мире. ИПП увеличит благосостояние и принесет процветание как инвестору, так и принимающим сторонам. Вот почему ИПП — это действительно беспроеигрышная модель [сотрудничества].

Ключевые слова: Китай, ИПП, КПЭК, реформы, либерализация, новый мировой порядок, Дэн Сяопин, Си Цзиньпин.

Автор: Шаида УИЗАРАТ, доктор философии (экономика) (Ph.D. (Ec.), декан Колледжа экономики и социального развития Института управления бизнесом (Карачи, Пакистан) (адрес: Creek, Karachi, Karachi City, Sindh 75190, Pakistan); магистр экономики (MA (Economics), Vanderbilt University, Nashville, Tennessee, U.S.A; доктор философии (экономика) (Ph.D (Economics), University of East Anglia, Norwich, England, U.K. E-mail: drshahidawizarat@gmail.com

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

China's spectacular rise during the last three decades has taken the world by storm. And its plans "to dominate advanced technology manufacturing by 2025, to lead standard setting by 2035, and to become a global super power by 2050" is causing a lot of apprehension [Hillman, 2021]. At the same time, it is a source of encouragement to Third World countries that are presently going through what China had to go through in the past on account of being exploited by western colonial and imperial powers. In this paper I will discuss the economic, cultural and governance reforms in Section 1. This is followed by Section 2 where I discuss the impact of these reforms on the Chinese economy. In Section III I discuss China's role at the global level and conclude the paper in Section 4.

1. Economic, Financial and Governance Reforms

In the eighteenth century China encountered western powers who were on a "mission of loot, plunder, conversion and exploitation" [Javed, 2021]. The 'gunboat diplomacy' was used during the Qing dynasty. During 1840 to 1860 the Opium Wars imposed by Britain and France were followed by the Eight Powers invasion of Beijing and Tianjin in 1901. This resulted in imposition of unfair territorial and trade concessions on China. And was followed by the occupation of northern Chinese provinces by Japan and western powers, who consolidated their hold on Shanghai, Tianjin, Dalian, Qingdao and Canton. The loot and plunder by occupation forces can be gauged from the decline in Chinese economy's contribution to world GDP from 30 % at the end of the eighteenth century to a mere 4 % in 1950 [Javed, 2021].

The Chinese intellectuals and peasants established the Chinese Communist Party in Shanghai in 1921. But the civil wars between the nationalists and the communists continued until October 1949 when Chairman Mao Zedong proclaimed the Peoples Republic of China. In 1949 China

embarked upon development using the Marxist-Leninist centrally planned policies, with the state controlling factors of production, consumption and distribution. These led to collectivized agriculture, nationalized industry, state ownership of land and leadership vested in the proletariat and the Communist Party. All the gold, silver and foreign exchange reserves had been shifted to Taiwan by Chiang Kaishek forces. “In 1949 China was a devastated country, treasury was empty, infrastructure destroyed, businesses uprooted, millions displaced, poverty rampant, production supply chains broken, primitive agriculture, rudimentary manufacturing and an under developed economy making China the largest poor country in the world” [Javed, 2021].

After the end of WWII, the allied powers met to establish a “rules based order” leading to the establishment of the Bretton Woods Institutions, i.e. The International Bank for Reconstruction and Development (IBRD), the International Monetary Fund (IMF) and the International Finance Corporation (IFC). The Bretton Woods Institutions did not deliver development to poor countries and their hopes and aspirations to do the same resulted in decline in growth rates, unemployment, increase in inequalities, poverty and indebtedness. Globalization which was the brain child of western countries who were hoping to emerge victorious from it, but were unpleasantly surprised when the Chinese emerged victorious. “The west will never accept an ‘Asian Century.’ They would like to stop it even if it needs to fight a war — a thermonuclear war leading to ‘nuclear winter’ and end of human civilization” [Javed, 2021].

Many Confucian qualities of leadership have led to the establishment of an honest, competent and efficient Government in China. Other countries could also use these Confucian principles to help improve the quality of leadership in their countries, where there is still cult following and the leadership is corrupt. The reason the Chinese leadership is honest and promotes the interests of the Chinese state is because the Chinese attach importance to substance instead of charisma. This has a tremendous impact on the quality of civil servants and governance. Confucian rules of governance recognize that a country cannot have good governance without talented people. It states that “Good governance can be achieved by eradicating hypocrisy, bribery, luxury and disobedience.”

The Government reformed civil service through cutting down the size of bureaucracy, reducing red tape, providing perks, privileges, promotions, penalties and punishments. While the size of the civil bureaucracy was reduced four times, their salaries and benefits were increased four times. Thus China was able to transform its very large and inefficient bureaucracy into a

lean and productive force, which was able to play its role in the reconstruction and development of the country. The legal and judicial system was also revamped with 90 % cases decided at the middle and lower levels, thus relieving the higher levels from unnecessary burden. Meritocracy became the basis of selection to public offices and China was able to reduce the size of bureaucracy from 16 million in 1978 to 4 million in 2010 and only 6 million in 2020. As China moved from 'Perpetual Revolution' to 'Perpetual Reform' the population was advised to move from 'aspiring soldiers' to 'aspiring entrepreneurs'.

In addition to Confucius the rich cultural heritage of the Chinese society also draws from the teachings of other great philosophers like Tzu, Lao, Sun Yatsen, Buddha, Mao Zedong and Deng Xiaoping. These teachings have affected Chinese culture through inculcating a sense of contentment, discipline, punctuality, diligence and perseverance. A very interesting and unique feature of the Chinese culture is that even during the sixth to the fifteenth centuries when the Chinese nation was militarily very powerful under the Tang, Yuan and Ming dynasties, the Chinese never invaded other countries or colonized them. In-fact during the 8000 years of recorded Chinese history, China has never colonized other countries or exploited them. This brings their culture in sharp contrast with the western culture which thrives on loot and plunder, using brute force to subjugate people who do not have the same military might to defend themselves. And the Indian and Israeli psyche of conquering other people, forcibly removing them from their homes and lands and settling their own citizens on alien lands and homes.

On the political side the focus was on establishing the rule of law, freedom, basic individual rights and mobilization of overseas Chinese. The Government provided incentives to bureaucrats to promote economic investments and growth setting into motion virtuous cycles with high investments promoting growth and high growth promoting investments. The Chinese Government invested heavily in higher education, science and technology by sending a large number of students to western Europe, Japan, Canada, US and Australia from the 1980s onwards. China increased its R&D investments at the average rate of 19.5 % between 2003 to 2013, way ahead of the US. In renewable energy China made 300,000 patent applications as of 2020, compared to 150,000 by the US and 75000 each by Germany and Japan. The Government promoted science and technology through establishing more than 400 science and technology parks in 2020 in China compared to 150 in the US, 15 in India and one in Pakistan. China has the largest bullet train network of 25000 kilometers and has 300 satellites in orbit. In the defense arena the People's Liberation Army established its companies

for exporting and importing products and services including construction, infrastructure, roads, bridges, railways and port development. Some of these companies became very successful, for example *Norinco*, *Poly Technologies*, *Great Wall*, *Avic*, *Catic*, etc. This is how China was able to earn the much needed foreign exchange needed for modernization and development.

Economic Performance

During the period 1949 to 1979 China continued with a Centrally Planned Economy. But with the advent of liberalism in the late 1970s, the Government introduced economic reforms and an Open Door Policy. The architect of this revolution was Chinese statesman Deng Xiaoping, who gave hope to the Chinese people. He achieved this through building US, European and Japanese stakes in the Chinese economy through technology transfer and market access. The economic and technological revolution in China ushered under Deng Xiaoping was based on reforms, modernization and open door policy and the rich Confucian philosophy of ‘sharing and caring’. Economic reforms based on the free market principles introduced in 1979 were carried out in two stages. In the first stage from the late 1970s and early 1980s the government emphasized de-collectivization of agriculture, opening the economy to foreign investment and encouraging entrepreneurs to start businesses. Most industries, however, were still under state control. The second stage from the late 1980s privatization, lifting of price controls, protection and regulations, while state monopolies in banking and petroleum remained.

The most important thing to bear in mind is that these structural reforms were not foreign driven, but home grown based on comparative advantage, creation of industrial parks and special economic zones. Since the beginning of reforms China’s GDP increased tenfold, and 40 % of this was attributable to Total Factor Productivity (TFP). Major sources of growth in China are on account of increase in grain production, industrial growth, high speed railway construction and 5G technologies, creating additional 11.86 million new jobs. China has the world’s largest online market with a turnover of 1.5 trillion USD and the world’s largest film market with box office turnover at 8 billion USD. China is the world’s largest renewable energy producer and has the world’s largest electric automobile market with more than a million cars, which is 60 % of the world share [Javed, 2021].

Per capita incomes grew by 6.6 % per year, average wages increased six fold between 1978 to 2005 and absolute poverty declined from 41 % to 5 % of the population between 1978 to 2001 with only 30 million people living below the poverty line in 2018. Javed [2020] states that this was mainly on

account of Deng Xiaoping's philosophy of wealth creation as against the policy of poverty redistribution in the 1949–79 era. The lifting of millions of people out of poverty was on account of the 'Four Point Modernization' program starting with agriculture, industry, science and technology and defense, which emphasized agricultural development and rural industrialization. The farmers had to pay a quota to the state and sell the rest at market prices, increasing agricultural production and raising the living standards of millions of farmers. Agriculture Household Responsibility System allowed the farmers to grow crops, vegetables and flowers and sell them in the free market after contributing to the government quota. This resulted in releasing surplus labour which was absorbed in Township Village Enterprises, making small scale consumer and light industrial products initially for the home market and eventually for the export market. The priority of Chinese leadership that followed Deng also made sure "the country is rich, strong and successful, and that has meant focusing on the economy. Elite leaders from 1978 onwards have all stated their number one priority is economic" [Brown, 2017].

In more recent times under the dynamic leadership of President Xi Jinping China has made great strides in different spheres as a result of pragmatic policies. This has elevated China's stature at the global level, earning the envy of rich and powerful countries. Chinese economy grew at almost 10 % per year for nearly three decades, lifting nearly a billion people out of poverty in the shortest period of time. Chinese GDP at US\$ 15.4 trillion in 2020 was about 17 % of global GDP, increasing to 18.48 % in 2023. Unlike western economies where growth comes from permanent arms [Kidron, 1967] and permanent war economy [Sard, 1944], in China growth and prosperity is on account of 'forever reforms, forever innovation, forever development' leading to the establishment of 'forever peace' and 'forever prosperity' [Javed, 2021].

2. China at the Global Level

Belt and Road initiative (BRI) was inaugurated by President Xi Jinping in 2013 during state visits to Kazakhstan and Indonesia. BRI involving almost 140 countries will add 4 trillion USD to the GDP of member countries. The major objectives behind the BRI are: "to construct a unified large market and make full use of both international and domestic markets, through cultural exchange and integration, to enhance mutual understanding

and trust of member nations, resulting in an innovative pattern of capital inflows, talent pools, and technology database.”¹

BRI projects entail investment in roads, motorways, railways, energy, ports, agriculture, industry, trade, SEZs, finance, banking, education, health, poverty alleviation, environment, forestry, water resource development, etc. The project tries to fill the “infrastructure gap” for increasing economic growth in Asia, Africa, Central and Eastern Europe and Asia-Pacific. The BRI builds on old trade routes that connected China to the west, Marco Polo and Ibn Battuta routes in the north, Ming Dynasty and Zheng He routes. At present the BRI includes the entire geographical area of the historic Silk Road trade routes [Wizarat, 2021, p. 143].

When present International Economic Order formulated by Europe and the US is compared with the Belt and Road Initiative (BRI), we find that the present world order is based on creation of conflicts resulting in increasing the demand for armaments, increasing GDP in rich armament producing countries, but causing decline in economic activity, flight of capital, instability, death and destruction in the developing world. What is the gain of one is the loss of the other. The present order ensures that the status quo is maintained and corroborates Gunder Frank's [2023] theory that rich countries develop by under developing the rest of the world. It also corroborates Marxist theory that death and destruction in the developing countries brings prosperity to rich countries. And this explains the strong reaction of the west and India to the BRI. The BRI is bestowing a more ethical, harmonious and peaceful World Order. It is increasing global wealth without inflicting casualties in the poor countries in order to bring prosperity to rich countries. That is why it is called a win-win model. China Pakistan Economic Corridor (CPEC) which is BRI's 'flagship' project is divided into three phases. Phase one emphasized infrastructure and energy development projects. In Phase two the emphasis is on industrial development and creation of Special Economic Zones (SEZ). While Phase three will complete Railways Mainline-1 and also operationalize the SEZs [Wizarat, Talat, 2023]. Even before CPEC started China had invested in hydro-electric dams, coal fired power projects, civil nuclear projects, etc. [Small, 2015] and [Wizarat, 2022].

China and Muslims had harmonious relations apart from minor clashes during the Qing dynasty. It is interesting to note that the Tang dynasty and the Muslims started reconciliation as early as 751 AD at Talas near Samar-

¹ Belt and Road Initiative, *This Day (Lagos)*. URL: <https://www.thisdaylive.com/index.php/2019/01/20/chinas-belt-and-road-initiative-bri-and-nigerias-memorandum-of-understanding-on-the-bri/> (accessed: 05, May, 2023).

kand. Muslims always enjoyed great respect during the Tang, Song, Yuan, Ming and Qing dynasties. In-fact Muslims in North West China became the strongest allies of the Red Army after the Long March reached Shaanxi province in 1934. The Red Army also showed sensitivity to religious and cultural practices of the local Muslim population in Shaanxi, Ningxia, Gansu and Qinghai. China's development experience gives a lot of hope to similarly placed developing countries like Pakistan where the problems are very similar to what they were like in China in the past. Pakistan and other developing countries have a lot to learn from the Chinese development model.

4. Conclusion

The fantastic transformation of China from the “sick man of Asia” to a formidable economic, technological and political power is not less than a miracle. This spectacular performance is attributed to hard work, homegrown reforms, good governance and great leadership in the form of Chairman Mao, Deng Xiaoping, President Xi Jinping and others who should be a role model for the developing world. The most important aspect of this transformation is that China did not try to bring prosperity to its people by snatching prosperity from others. And that China's behavior over the 8000 years of recorded history has been consistent. Even during the Tang, Yuan and Ming dynasties China did not try to subjugate weaker nations and occupy them. China is thus a role model for the rich western countries, India and Israel as well who have been using brute force to occupy alien lands and resources.

The same difference comes out when the present world order given by the west is compared with the New World Order inherent in the BRI. The present World Order given by the colonial powers when they reluctantly decolonized in the aftermath of the Second World War brings prosperity to rich countries by inflicting death and destruction in the rest of the world. Whereas, the BRI brings prosperity to both the host and the investing countries through infrastructural development. It truly is a win-win model. This is why there is so much opposition to it in the west and its surrogates like India.

Библиографический список / References

Brown, Kerry (2017). What Does China Want? *China's World*, London: *I.B.Tauris & Co. Ltd.*

Frank, Andre Gunder. The World Capitalist System. URL: <https://rrojasdatabank.info/agfrank/feudalism.html> (accessed: 09 May, 2023).

Hillman, Jonathan E. (2021). *The Digital Silk Road: China's Quest to Wire the World and Win the Future*, HarperCollins B and Blackstone Publishing.

Javed, Hasan (2020). *China's Model of Development: Lessons for Pakistan*, New Fakhri Printing Press, Karachi.

Javed, Hasan (2021), *China as No 1*, New Fakhri Press, Karachi.

Kidron, M. (1967). The Permanent Arms Economy, *International Socialism (1st series)*: 28: 8—12. URL: <https://web.archive.org/web/20110224052054/http://www.anu.edu.au/polsci/marx/contemp/pamsetc/perm/perm.htm> (accessed: 09 May, 2023).

Sard, Edward L. (Oakes, Walter J.) (1944). Permanent War Economy, *Politics, February*. URL: <https://www.marxists.org/history/etol/writers/vance/1944/02/pwe.htm> (accessed: 15 May, 2023).

Small, Andrew (2015). *The China-Pakistan Axis, Asia's New Geopolitics*, C. Hurst & Co (Publishers), U.K.

Wizarat, Shahida (2021). Major Challenges to Belt and Road Initiative (BRI) in 2020—2021, *Kitaj v mirovoj i regional'noj politike. Istoriya i sovremennost' [China in World and Regional Politics. History and Modernity]*, Moscow, Institute of Far Eastern Studies (IFES RAS), Vol. 26: 140—150. URL: https://chinainworld.ru/release/China_in_world_politics_26_2021.pdf DOI: 10.24412/2618-6888-2021-26-140-150.

Wizarat, Shahida (2022). *Alternative to the IMF and Other Out of the Box Solutions*, Singapore: Partridge Publishing.

Wizarat, Talat Ayesha (2023). *Belt and Road Initiative Emerging World Order*, Singapore: Partridge Publishing.

А.О. Виноградов, М.А. Христофорова

ТЕКУЩИЕ ОТНОШЕНИЯ КИТАЯ И ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА И ПЕРСПЕКТИВЫ ВСЕОБЪЕМЛЯЮЩЕГО ИНВЕСТИЦИОННОГО СОГЛАШЕНИЯ «ЕС—КНР»

Аннотация. Отношениям КНР с Европейским союзом присуща двойственность и нелинейная динамика развития. Нельзя не признать, что довольно долгое время, несмотря на отдельные, местами существенные разногласия, стороны исходили из ориентации на привлечение долгосрочных выгод от сотрудничества. Однако по мере возрастания геополитической конкуренции и расхождения интересов отдельных членов ЕС в выстраивании стратегии отношений с Китаем баланс китайско-европейских отношений очевидно изменился в сторону противостояния.

Проблемы, существующие в отношениях Китая и ЕС, обусловлены различными интересами и приоритетами сторон и вытекают из опыта двустороннего взаимодействия. Однако при прогнозировании дальнейшего развития событий нельзя не учитывать особенности нынешней международной обстановки. ЕС продолжает ужесточать свой подход к Китаю, однако Пекин также не «стоит в стороне» и на попытки давления со стороны ЕС, во многом подпитываемые геополитическими амбициями США, отвечает ужесточением своего внешнеполитического курса.

ЕС и Китай, как известно, — одни из мировых лидеров по объемам торговли и инвестиций в мире. В связи с чем для них сохранение и расширение имеющихся объемов сотрудничества представлялось бы наиболее логичным даже в условиях нарастающего политического противостояния. Однако излишняя политизация диалога с Китаем со стороны ЕС, стремительно продвигающаяся в антикитайском фарва-

тере американской политики, общее ухудшение ситуации на европейском континенте и усиление критики в адрес Китая за отказ однозначно осудить российскую операцию на Украине и поддержать санкции в отношении РФ приводит к тому, что торгово-инвестиционное партнерство оказывается под угрозой.

В центре внимания авторов статьи — особенности инвестиционного сотрудничества КНР и ЕС и перспективы возобновления всеобъемлющего инвестиционного сотрудничества, соглашение о котором было заключено в последний день 2020 г., но так и не было ратифицировано европейской стороной.

Ключевые слова: Китай, КНР, Европейский союз (ЕС), США, стратегическое партнерство, торгово-инвестиционное сотрудничество, диалог, интересы.

Авторы: *Виноградов Андрей Олегович*, кандидат исторических наук, доцент Школы востоковедения факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ; ведущий научный сотрудник Института Китая и современной Азии РАН.

ORCID: 0000-0003-0067-2168. E-mail: vinandr@mail.ru

Христофорова Маргарита Андреевна, бакалавр Школы востоковедения НИУ ВШЭ. E-mail: makhristoforova@edu.hse.ru

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации в Институте Китая и современной Азии РАН.

А.О. Vinogradov, M.A. Khristoforova

Current relations between China and the European Union and the prospects for the Comprehensive Investment Agreement «EU—PRC»

Abstract. Relations of the PRC with the European Union are characterized by duality and nonlinear dynamics of development. One cannot but admit that for quite some time, despite some significant differences in places, the parties proceeded from a focus on extracting long-term benefits from cooperation. However, as geopolitical competition increases and the interests of individual EU members diverged in building a strategy for relations with China, the balance of Sino-European relations has obviously changed towards confrontation.

The problems existing in relations between China and the EU are determined by the various interests and priorities of the parties and stem from the experience of bilateral cooperation. However, when forecasting further developments, one cannot ignore the peculiarities of the current international situation. The EU continues to tighten its approach to China, but Be-

ijing is also not «aloof» and EU pressure attempts, largely fueled by US geopolitical ambitions, are in line with the tightening of its foreign policy.

The EU and China are known to be among the world leaders in terms of trade and investment. In this regard, for them, the preservation and expansion of the available volumes of cooperation would seem to be the most logical even in the context of growing political confrontation. However, the excessive politicization of the dialogue with China by the EU, which is rapidly advancing in the anti-Chinese fairway of American politics, the general deterioration of the situation on the European continent and increased criticism of China for refusing to unequivocally condemn the Russian operation in Ukraine and support sanctions against the Russian Federation leads to that trade and investment partnerships are at risk.

The focus of this article is on the specifics of China-EU investment cooperation and the prospects for resuming Comprehensive Agreement on Investment that was concluded on the last day of 2020, but has not yet been ratified by the European side.

Keywords: China, PRC, European Union (EU), United States, strategic partnership, trade and investment cooperation, dialogue, interests.

Authors: Andrey O. VINOGRADOV, Ph.D. (History), Associate Professor of the School of Oriental Studies of the Higher School of Economics; Leading Research Fellow, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences. ORCID: 0000-0003-0067-2168.
E-mail: vinandr@mail.ru

Margarita A. KHRISTOFOROVA, Bachelor's degree student of the Higher School of Economics. E-mail: makhristoforova@edu.hse.ru

Conflict of interest. The authors declare that there is no conflict of interest.

Support. The article was prepared at the Institute of China and Contemporary Asia of the RAS within the framework of the State assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation.

Отношения Китая со странами Европы и с Европейским союзом переживали разные времена, о чем было достаточно подробно рассказано в работах российских исследователей (см. в частности [Виноградов А.О. 2016, 2018, 2019]). При этом нельзя не признать, что какое-то время руководители Китая и ЕС старались выстраивать свой диалог на базе стратегического партнерства, пытались продвигать взаимовыгодное торгово-экономическое и инвестиционное сотрудничество. Однако сегодня, несмотря на иногда просматривающееся с обеих сторон желание «выправить» резко ухудшившиеся за последние годы отношения, конфронтационная составляющая в контактах КНР и ЕС постепенно берет верх.

Основной причиной этого являются возросшие агрессивность и конкурентность международной среды, порождающие новые вызовы в сфере китайско-европейского торгово-инвестиционного сотрудничества. Такие факторы, как пандемия COVID-19, геополитическое противостояние США и Китая, украинский кризис способствовали углублению противоречий между двумя сторонами и создали ощутимые препятствия для развития взаимодействия КНР и ЕС. В частности, из-за напряженности в отношениях между ЕС и Китаем на неопределенный срок была заморожена ратификация Всеобъемлющего соглашения об инвестициях — одной из наиболее амбициозных сделок в двусторонних связях. Отсутствие консенсуса между государствами — членами ЕС по вопросам отношений с Китаем отражает существующий общий экономический дисбаланс на мирохозяйственной арене.

Если говорить непосредственно про инвестиционную повестку сотрудничества Китая и стран ЕС, то здесь прежде всего нужно отметить ряд моментов, относящихся к общим принципам инвестиционного сотрудничества и существу выгод, которые получают стороны от такой кооперации. А также более подробно рассмотреть позиции сторон по проблеме подготовки Всеобъемлющего инвестиционного соглашения (ВИС).

Как известно, главный интерес инвестора (независимо от того, являются ли инвестиции государственными или частными) — это получение дивидендов от вложений. При этом они могут быть как материальными (доходы, прибыль), так и нематериальными (имидж, статус, политическое влияние на процессы в государстве-реципиенте, лояльность отдельных политиков, позитивное отношение со стороны определенных целевых аудиторий). Дополнительным фактором выступает расширение как рынков сбыта, так и присутствия бизнеса определенной страны на территории страны-контрагента либо регионе в целом.

Принимающая сторона (реципиент инвестиций) в идеале получает новые технологии и производственные мощности, а также возможность использовать преимущества от участия в международном разделении труда и международной кооперации [Юзвович, Пятин и др.]. Однако при этом возникает необходимость четкой детализации условий предоставления доступа на собственный рынок, а также сфер, в которых зарубежные инвестиции могут быть нежелательными. В случае абстрактности либо размытости данных условий, наличия пробелов в законодательстве, избыточности сфер доступа зарубежные инвестиции несут скорее негативный эффект. Это может быть представлено случаями экономической экспансии, злоупотреблением монопольным положением, демпингом товаров и т. п. (это именно

то, в чем ЕС последние годы постоянно обвиняет Китай). В отдельных случаях негативные последствия могут быть выражены в деиндустриализации, превращении страны в сырьевой придаток (наиболее яркий пример здесь — Украина).

Заметим, что большинство соглашений о защите инвестиций, заключенных в настоящее время странами ЕС со своими партнерами, направлены на защиту активов именно европейских компаний от действий принимающей страны. Они нацелены на минимизацию для европейского бизнеса различных дискриминационных и/или рестриктивных мер, например, экспроприации либо национализации без предоставления реальной (с точки зрения европейцев) компенсации. При этом европейская сторона уверена, что существующая правовая система самого ЕС обеспечивает достаточно высокий уровень защиты для всех компаний, которые присутствуют на европейском рынке, включая иностранные. А вот зарубежные государства, являющиеся в большинстве случаев «развивающимися», не могут гарантировать инвесторам такой же уровень защиты, поскольку их система обеспечения прав иностранных инвесторов «находится в процессе развития». В этом представители стран ЕС видят асимметрию, преодоление которой нуждается в новом типе соглашений, таких как ВИС, в том числе и для случая «КНР—ЕС».

Однако в силу ограниченности применения многостороннего подхода ЕС не исключает и двустороннего регулирования инвестиций в пострановом, индивидуальном формате, поскольку общий механизм регулирования инвестиций на наднациональном уровне пока находится на стадии разработки. Дополняется это работой по оформлению и закреплению новых правил инвестирования в контексте соглашений о свободе торговли или соглашений об ассоциации (примером может служить Всеобъемлющее экономическое и торговое соглашение — СЕТА¹) либо может находить свое выражение в виде дополнений к уже существующим соглашениям (например, в соглашениях ЕС с Японией, Сингапуром и Вьетнамом).

Усилия профильных структур ЕС по реформированию существующей системы договоров направлены на создание единых правил, стандартов обеспечения инвестиционной деятельности, включая вопросы соблюдения прав инвесторов. При этом некоторые новеллы, в которых детализируются права сторон, относятся к сферам безопасности, общественной морали, культуры, здравоохранения и т. д. Привлечение инвестиций в данные сферы обуславливается соблюдением

¹ Соглашение о свободной торговле между ЕС и Канадой.

экологических норм, трудовых стандартов, защиты прав человека, принципов ответственного ведения бизнеса или соблюдения принципов «устойчивого развития».

В целом новый тип соглашений, которые ЕС стремится заключить со странами-партнерами, направлен на объединение и систематизацию механизмов уже существующих форматов, упрощение и унификацию доступа на рынки инвестиций. При этом изменение системы регулирования доступа на рынок предполагает прекращение действия соглашения «предыдущих версий» (так называемого старого образца), то есть двусторонних соглашений стран ЕС со своими партнерами, которые сохраняют силу лишь до момента вступления в действие документов «нового уровня» [Killick]. Впрочем, в ВИС предусматривается двухлетний «переходный период», а также возможность его гипотетического продления.

Данный подход со стороны ЕС предполагает создание единой правовой базы в отношениях между ЕС и КНР с последовательной заменой 26 двусторонних инвестиционных договоров старого образца, которые КНР и члены ЕС (кроме Ирландии), заключали до вступления в силу Лиссабонского договора¹. Предполагалось, что новое всеобъемлющее инвестиционное соглашение будет отражать новые условия инвестиционного сотрудничества с Китаем, переведя компетенции по большинству инвестиционных вопросов на наднациональный уровень. При этом одновременно с передачей на наднациональный уровень, то есть органам ЕС, компетенций и регуляторных функций планировалось исправить существующие, по мнению европейской стороны, диспропорции, на которые страны-члены и Европейская комиссия постоянно указывали в контексте сотрудничества с Китаем — высокая степень открытости рынка ЕС для китайских компаний по сравнению с более жесткими условиями для европейских компаний на китайском рынке [Egger].

С точки зрения ЕС, именно отсутствие взаимности в плане условий доступа европейского бизнеса на китайский рынок создает проблемы в сфере инвестиций². Поэтому основным инструментом по исправлению ситуации, по мнению европейцев, должно стать принятие Китаем общеевропейской системы защиты инвестиций, которая соз-

¹ Лиссабонский договор был подписан странами — членами ЕС в декабре 2007 г. как некий паллиатив так и не подписанной Конституции ЕС.

² Executive summary of the impact assessment report on the EU China investment relations // European Commission. 23 May 2013. URL: https://ec.europa.eu/smartregulation/impact/ia_carried_out/docs/ia_2013/swd_2013_0184_en.pdf (accessed: 19.01.2023).

даст правовую определенность и более благоприятные условия для предоставления виз и разрешений на работу для европейских инвесторов¹.

Для Китая достижение соглашений, касающихся инвестиционно-го сотрудничества, является составной частью экономической дипломатии, которая поощряет иностранные инвестиции с самого начала политики реформ и открытости. С 1980-х годов Китай заключил более 124 двусторонних соглашений с зарубежными государствами, касающихся инвестиционной сферы. С 2006 г. КНР регулярно заключает преференциальные и торговые соглашения, содержащие также инвестиционную составляющую. Это расширяет корпус соглашений, насчитывающий несколько «поколений» таких документов, которые имеют различное содержание в зависимости от специфики страны-партнера. При этом подход Китая к регулированию доступа на китайский рынок тех или иных стран является в высшей степени индивидуальным — условия предоставления доступа на китайский рынок существенно отличаются для развитых и развивающихся стран.

Приоритетные направления инвестиционной политики Китая находят свое отражение в пятилетних планах КНР. Так, в рамках 12-й пятилетки (2011—2015 гг.) подчеркивалась нацеленность страны на развитие стратегии открытости, включая изучение новых сфер и учета интересов всех сторон в инвестиционном сотрудничестве с последовательным предотвращением рисков в данной сфере. В планы 13-й и 14-й пятилеток (2016—2020 и 2021—2025) также включены разделы, касающиеся инвестиций. Официально декларируемая Китаем стратегия направлена на последовательное улучшение инвестиционного климата; сокращение ограничений на привлечение иностранных инвестиций в экономику КНР; внедрение полномасштабного национального режима для зарубежных инвесторов (имеется в виду, что в правах они будут приравнены к местным компаниям); переход от использования «положительного списка» к использованию «отрицательного списка»²; дальнейшее открытие сектора услуг для иностран-

¹ European Commission services' Position Paper on the Sustainability Impact Assessment in support of negotiations of an Investment Agreement between the European Union and the People's Republic of China // European Commission. May 2018. [Electronic resource] URL: https://trade.ec.europa.eu/doclib/docs/2018/may/tradoc_156863.pdf (accessed: 19.01.2023).

² При использовании «положительного списка» указываются те отрасли, в которых иностранные инвестиции разрешены. При использовании «отрицательного списка» указываются только те отрасли, в которые привлечение иностранных инвестиций запрещено. То есть Китай декларирует постепенный переход к политике «все, что не запрещено — разрешено».

ных инвестиций, в том числе тех, где сохраняется государственная монополия (коммуникации, высокие технологии). Кроме того, в 14-м пятилетнем плане отмечена важность «создания регуляторной среды для иностранных инвесторов», «повышение роли иностранных инвесторов в совершенствовании производственных цепочек и в цепочках поставок»¹.

Отдельно в Плане отражены цели Китая в отношении укрепления его позиций на европейских рынках, при этом особо подчеркивается стремление к установлению общей для всех стран ЕС системы защиты инвестиций из КНР, повышение правовой определенности. Это звучит очевидным ответом на изменение инвестиционной политики ЕС в последнее время, связанное с ухудшением отношений с Китаем, усилением контроля над инвестиционной активностью КНР на европейском рынке и отменой ряда сделок по политическим соображениям. Правительство КНР, в свою очередь, провело анализ работы китайских инвесторов за рубежом и пришло к выводу о нецелесообразности и неэффективности ряда заключенных сделок, о необходимости корректировки собственной инвестиционной политики в условиях ухудшения китайско-европейских отношений и изменения целей и задач китайской экономической политики в целом.

Таким образом, пересмотр инвестиционной политики со стороны КНР привел к дополнительным ограничениям китайских инвестиций за рубежом. При этом ужесточение контроля над зарубежными инвестициями связано с крупномасштабным оттоком китайского капитала из КНР, имевшим место ранее, в связи с чем китайское правительство решило снизить как темпы вывоза капитала за рубеж, так и возможные финансовые риски, обусловленные резким ухудшением общей мирохозяйственной ситуации.

Все это привело к изменению динамики инвестиционного сотрудничества КНР и ЕС в последние три года. Если до того (в 2000—2019 гг.) наблюдался последовательный рост объема взаимных инвестиций, то начиная с 2020 г. происходит его снижение. Официально оно объяснялось пандемией коронавируса, однако в действительности причины более глубоки. Еще в марте 2019 г. ЕС предложил так

¹ 中共中央关于制定国民经济和社会发展第十四个五年规划和二〇三五年远景目标的建议 (Чжунгун чжунъян гуаньюй чжидин гоминь цзинцзи хэ шэжухуэй фачжань ди шицзы гэ у нянь гуйхуа хэ эр лин саньу нянь юаньцзин мубяо ди цзяньи; Предложения ЦК КПК по формулированию четырнадцатого пятилетнего плана национального экономического и социального развития и долгосрочных целей на 2035 год) / Госсовет КНР. 03.11.2020. URL: http://www.gov.cn/zhengce/2020-11/03/content_5556991.htm (дата обращения: 02.06.2023).

называемый план Десять действий в отношении Китая, который должен был сбалансировать отношения с КНР в инвестиционной сфере [Маслов, с. 219]. В частности, планировалось «полностью устранить искажающие эффекты от иностранной государственной собственности и иностранного государственного финансирования на внутреннем рынке ЕС путем заполнения существующих пробелов в законодательстве ЕС» [Там же]. При этом имелись в виду китайские инвестиции в различные проекты на территории ЕС, в первую очередь государственные.

Долгое время основными инвесторами в Европу со стороны Китая являлись прежде всего государственные компании и предприятия, что отражало общую политику руководства Китая, рассматривавшего европейский рынок как одно из наиболее перспективных направлений госинвестиций КНР. В ответ на усиливающееся противодействие со стороны Брюсселя, расценивавшего данные инвестиции в европейскую экономику как «экспансию» КНР в европейские страны, китайская сторона сменила тактику, и уже в 2019 г. доля государственных инвестиций в страны ЕС со стороны Китая снизилась до 10 % по сравнению с 41 % в 2018 г. и 71 % годом ранее [Там же, с. 224].

Примечательно утверждение европейских авторов о том, что в период пандемии Китай ускорил темпы так называемой национализации промышленных цепочек создания стоимости, сконцентрировав свои усилия на инвестициях в «технологии будущего» [Fuest С.; Hugger F.; Sultan]. Они объясняют это соображениями, связанными с укреплением национальной безопасности Китая.

Именно по этим соображениям Китай старается внедрять в инвестиционной сфере «новые» регуляторные механизмы, например, поощрение иностранных компаний к передаче Китаю передовых технологий, расширение практики замещения иностранных компаний китайскими (к примеру, за счет слияния и поглощения)¹. В качестве примера данные авторы приводят план «Сделано в Китае — 2025», в частности предусматривающий государственную поддержку передовых и развивающихся секторов экономики. По мнению европейских специалистов, эта китайская стратегия может создать проблемы для европейского бизнеса, работающего в Китае, поскольку снижает его общую конкурентоспособность по сравнению с местными компаниями, которые получают налоговые льготы на НИОКР и облегченный доступ к кредитам, земельным участкам и т. д.

¹ На взгляд авторов статьи, эти механизмы не являются «новыми».

Попутно отметим, что в отношении США подобные обвинения не выдвигаются, хотя на американском рынке европейский бизнес испытывает аналогичные проблемы, поскольку поддержка местного бизнеса путем стимулирования и дотаций очевидным образом снижает конкурентоспособность европейских компаний.

Итак, и ЕС в целом, и его отдельные страны-члены сохраняют «сложносоставной» подход к Китаю, который сочетает восприятие КНР одновременно как партнера, как экономического конкурента и как системного соперника. При этом Евросоюз продвигает нарратив о том, что Китай «бросает серьезные вызовы Европе, затрагивая ее фундаментальные ценности и интересы» [Chimist], подрывая (к примеру, за счет введения санкций в отношении Литвы в ответ на игнорирование принципа «единого Китая» и открытие представительства Тайваня) целостность единого европейского рынка и эффективность торговой политики ЕС. С позиции Евросоюза, именно действия Китая создают проблемы в инвестиционном сотрудничестве между ЕС и КНР. Поэтому с точки зрения возможной «разморозки» ВИС ключевым является геополитический фактор, влияющий на принципиальные позиции сторон в отношении двустороннего сотрудничества.

Главным лоббистом соглашения в ЕС выступала, как известно, Германия, чьи компании наиболее активно инвестируют в КНР. ФРГ вместе с Францией и Нидерландами образуют пул крупнейших выгодополучателей от Соглашения¹. Почувствовав угрозу своим позициям и перспективам на китайских рынках со стороны американских конкурентов (которые получили ряд преференций в рамках соглашения о первой фазе урегулирования торгового спора между США и Китаем, заключенного в начале 2020 г.), лидеры ЕС активизировали и мобилизовали свои усилия. Именно Германия, пользуясь своим председательством в Совете ЕС во второй половине 2020 г., приложила максимум усилий для финализации Соглашения, несмотря на критику со стороны Италии, Польши, Бельгии и Испании².

Китай выступает за продолжение переговоров по ВИС. Так, в декабре 2022 г. новый посол Китая при ЕС Фу Цун предложил «реанимировать» Соглашение как средство расширения доступа европей-

¹ German Investment in China Changing Opportunities and Trends, 2019 / FDI Center. May 2020. URL: <http://fdi-center.com/wpcontent/uploads/2020/05/German-Investment-in-China-English-Version.pdf> (accessed: 22.02.2023).

² Vela J., Leali G., Moens B. Germany's drive for EU-China deal draws criticism from other EU countries // Politico. 1 January, 2021. URL: <https://www.politico.eu/article/german-ys-drive-for-eu-china-deal-drawscriticism-from-other-eu-countries/> (accessed: 22.02.2023).

ских компаний на китайский рынок¹. Китай предложил всем сторонам рассмотреть вопрос об одновременной отмене санкций, подтвердив готовность изучить предложения ЕС, которые позволили бы продвинуться к ратификации ВИС. Однако подвижек в деле возобновления переговоров по-прежнему не видно, поскольку Европа продолжает придерживаться эклектичной позиции по отношению к Китаю (который одновременно рассматривается как партнер, конкурент и системный противник).

Подписание Соглашения в конце 2020 г. во многом было обусловлено особенностями динамики развития ЕС, а также нюансами в его отношениях с США. Немаловажную роль в том, что оно не было ратифицировано, сыграло окончание срока председательства ФРГ в Совете ЕС, а также уход правительства А. Меркель, относительно лояльного Китаю (роль канцлерин была решающей в «продавливании» на уровне ЕС идеи завершения сделки). ФРГ, проталкивая идею оперативного заключения ВИС с Китаем, пыталась таким образом застраховаться от негативного влияния на Соглашение со стороны новой администрации США во главе с Дж. Байденом, которая вновь заинтересовалась европейскими делами.

При этом нужно учесть, что ряд государств Центральной Европы, Скандинавии, а также Литва, Латвия и Эстония продолжают считать США главным «гарантом» своей безопасности как в контексте европейской безопасности, так и в свете противодействия внешним угрозам — так называемой российской, а также китайской угрозе. В связи с чем эти страны выступают за согласование с США вопросов заключения ВИС. В частности, Польша выступала с критикой ВИС, говоря о необходимости проведения консультаций с США перед принятием решения [Szcudlik].

К этому нужно добавить и общее ухудшение ситуации на европейском континенте и усиление критики в адрес Китая за отказ однозначно осудить российскую операцию на Украине и поддержать санкции в отношении РФ.

Все это явным образом не предполагает ратификации ВИС в обозримой перспективе как в силу отсутствия солидарности внутри ЕС по китайскому вопросу, так и ввиду стремления ряда государств согласовать данный шаг с Вашингтоном. К тому же усиление акцента во внешнеполитической риторике ряда стран на традиционном «букете»

¹ Transcript of Ambassador Fu Cong's Interview with the South China Morning Post // Mission of the People's Republic of China to the EU. 23 December 2022. URL: http://eu.chinamission.gov.cn/eng/mh/202212/t20221224_10994641.htm (accessed: 07.03.2023).

обвинений в адрес КНР (использование принудительного труда, притеснение оппозиции, нарушения прав человека и т. п.) также не способствует ратификации Соглашения.

Ряд стран заинтересован в укреплении антикитайского курса и отказе от прагматичного подхода ЕС в отношении КНР, сформированного усилиями А. Меркель, что выражается, например, в затягивании согласования ВИС со стороны Франции и в смещении внимания Европы на вмешательство в украинский конфликт.

При этом длительная «заморозка» ВИС, несмотря на ее относительные риски в виде общего ухудшения отношений, играет на руку Китаю, который даже при сохранении текущих тенденций сможет развивать связи с отдельными государствами ЕС на двусторонней основе, точно укрепляя свое влияние и откладывая решение ряда вопросов его диалога с ЕС на лучшие времена.

Библиографический список

Маслов А. Китай 2020. Пандемия, общество, глобальные альтернативы. М., 2020. 388 с.

Виноградов А.О., Борумбей Е.К. Отношения Китая со странами Вышеградской группы // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2018. № 23. С. 200—214.

Виноградов А.О. «Один пояс, один путь»: европейское измерение // Новый Шелковый путь и его значение для России. М.: ИДВ РАН, 2016. С. 189—206.

Виноградов А.О. КНР — страны Европейского союза // Проблемы Дальнего Востока. 2019. № 5—1. С. 139—142.

Кашин В.Б., Шейн С.А., Красикова Л.В., Мельникова Ю.Ю., Поташев Н.А. Европейский Союз и Китайская Народная Республика: (не) стратегическое партнерство? М.: Российский совет по международным делам, 2022. 42 с.

Юзович Л.И., Пятин А.Н., Истомина Ю.В., Юдина Е.А. Особенности реального инвестирования в условиях интеграции капитала: международный и российский аспекты. М.: ИД АКАДЕМИИ ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ, 2014. 302 с.

References

Maslov, A.A. (2020). Kitay 2020. Pandemia, obshestvo, globalnii alternativy [China 2020. Pandemic, society, global alternatives]: 388 p. (In Russian).

Kashin, V.B.; Shein, S.A.; Krasikova, L.V.; Melnikova, Y.Y.; Potashev, N.A. (2022). Evropeyskiy Soyuz i Kitayskaya Narodnaya Respublika: (ne) strategicheskoye partnerstvo? [European Union and the People's Republic of China: (Not) Strategic Partnership?], Moscow: Rossiyskiy sovet po mezhdunarodnym delam [Moscow: Russian International Affairs Council]: 42 p. (In Russian).

Vinogradov, A.O.; Borumbay, E.K. (2018). Otnosheniya Kitaya so stranami Vyshegradskoy gruppy [China's Relations with the Visegrad Group Countries], *Kitay v mirovoy i regionalnoy politike. Istoriya i sovremennost [China in World and Regional Politics. History and Modernity]*: 23: 200—214. (In Russian).

Vinogradov, A.O. (2016). «Odin poyas. odin put»: evropeyskiye izmereniye [One Belt, One Road: European Dimension], *Novyy Shelkovyy put i ego znachenkiye dlya Rossii [The New Silk Road and its significance for Russia]* — Moscow: IFES RAS: 189—206. (In Russian).

Vinogradov, A.O. (2019). KNR — strany Evropeyskogo Soyuzha [PRC — European Union countries], *Problemy Dalnego Vostoka [Far Eastern Studies]*: 5-1: 139—142. (In Russian).

Yuznovich, L.I.; Pyatin, A.N.; Istomina, Y.V.; Yudina, E.A. (2014). Osobennosti realnogo investirovaniya v usloviyakh integratsii kapitala: mezhdunarodnyy i rossiyskiy aspekty [Peculiarities of Real Investment under Capital Integration: International and Russian Aspects] — Moscow: *Academy of Natural Sciences Publishing House*: 302 p. (In Russian).

* * *

Szczudlik, J. (2022). Poland's stance on CAI: no need for haste, *Asia Europe Journal*: 20: 1—38.

Chimist, F. (2021). Chasing the Ghost of Transatlantic Cooperation to Level the Playing Field with China: Time for Action, *MERICs*, October 19. URL: <https://meric.org/en/report/chasing-ghost-transatlantic-cooperation-level-playing-field-china-time-action> (accessed: 16.02.2023).

Fuest, C.; Hugger, F.; Sultan, S. (2019). What Drives Chinese Overseas M&A Investment? Evidence from Micro Data, *EconPol Working Paper*. URL: https://www.ecopol.eu/sites/default/files/2019-11/EconPol_Working_Paper_33_Chinese_Overseas_Investment.pdf.

Egger, P. (2021). Putting the China-EU comprehensive agreement on investment in context, *China Economic Journal*: 14: 2: 187—199.

Killick, J. (2020). EU-China Investment Agreement Expected to Give EU Companies Unprecedented Market Access, *White & Case*. 19 January. URL: <https://www.whitecase.com/insight-alert/eu-china-investment-agreement-expected-give-eu-companies-unprecedented-market-access> (accessed: 02 March, 2023).

А.О. Виноградов, С.А. Данилюк

ОТНОШЕНИЯ КНР С ТРЕМЯ ПРИБАЛТИЙСКИМИ СТРАНАМИ — ЭСТОНИЕЙ, ЛАТВИЕЙ И ЛИТВОЙ — В КОНТЕКСТЕ КИТАЙСКО-ЕВРОПЕЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Аннотация. Статья посвящена анализу динамики отношений КНР с тремя прибалтийскими странами, которые в последнее время находятся на острие в целом противоречивой политики стран Европейского союза по отношению к Китаю. В первую очередь это относится к Литве, не только инициировавшей выход из формата «17+1», но и занявшей особую позицию в отношении так называемой тайваньской проблемы. Решение литовского руководства открыть в Вильнюсе торговое представительство Тайваня привело в 2021 г. к резкому обострению отношений Литвы с КНР, отзыву послов и понижению уровня связей до самого низкого за все время существования официальных дипломатических отношений между двумя странами.

Соседние страны — Латвия и Эстония — решение Литвы об открытии тайваньского представительства не поддержали, заявив о своей приверженности принципу «одного Китая». Однако обострение отношений Литвы с Китаем привело, на взгляд авторов, к дополнительным проблемам в отношениях с КНР не только этих двух стран, но и всего Европейского союза в целом.

Летом 2022 г. Латвия и Эстония также вышли из формата «17+1», объяснив свой шаг реакцией на действия Китая относительно ситуации вокруг Украины, то есть отказ Пекина осудить специальную военную операцию России. Несмотря на довольно сдержанную ответ-

ную реакцию со стороны Китая, этот шаг дополнительно осложнил отношения всех трех прибалтийских стран с КНР.

По мнению авторов статьи, активная роль прибалтийских стран в нагнетании противостояния с Китаем объясняется их сравнительно малой экономической заинтересованностью в сотрудничестве с КНР. С другой стороны, их враждебная политика по отношению к РФ и республике Беларусь привела к нарушению логистических цепочек и торгово-хозяйственных связей в этом регионе и потере интереса к этим странам как транспортному узлу в торговле Китая со странами Европейского союза.

Проводя активную политику, направленную на обострение отношений с Китаем, прибалтийские страны, прежде всего Литва, рассчитывают на определенные дивиденды со стороны США и негласную поддержку от той части руководства ЕС, которая также нацелена на обострение отношений с КНР.

Ключевые слова: Китай, КНР, Литва, Латвия, Эстония, Прибалтика, сотрудничество, инвестиции, Тайвань.

Авторы: *Виноградов Андрей Олегович*, кандидат исторических наук, доцент Школы востоковедения факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ, ведущий научный сотрудник Института Китая и современной Азии РАН.

ORCID: 0000-0003-0067-2168. E-mail: vinandr@mail.ru

Данилюк София Артемовна, бакалавр Школы востоковедения НИУ ВШЭ. E-mail: sadanilyuk@edu.hse.ru

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации в Институте Китая и современной Азии РАН.

A.O. Vinogradov, S.A. Danilyuk

China's relations with the three Baltic States — Estonia, Latvia and Lithuania — in the context of Sino-European relations

Abstract. The article analyzes the dynamics of China's relations with the three Baltic states, which have recently been on the cutting edge of the European Union's controversial policy towards China. First of all, this applies to Lithuania, which not only initiated its withdrawal from the "17+1" format, but also has taken a special position on the so-called Taiwan problem. The decision of the Lithuanian government to open a trade mission of Taiwan in Vilnius in 2021 led to sharp deterioration of relations between Lithuania and China, recalling ambassadors and lowering the level of relations to the lowest in the history of official diplomatic relations between the two countries.

The neighboring countries — Latvia and Estonia — did not support the decision of Lithuania to open the Taiwan representative office, having declared their commitment to the principle of “one China”. However, the aggravation of Lithuania's relations with China has led, in the authors' opinion, to additional problems in relations with China, not only for these two countries, but for the European Union as a whole.

In summer 2022, Latvia and Estonia also withdrew from the “17+1” format, explaining their step by their reaction to China's actions regarding the situation around Ukraine, that is, Beijing's refusal to condemn the Russian special military operation. Despite a rather restrained response from China, this step further complicated relations of all three Baltic countries with China.

According to the authors of the article, the active role of the Baltic countries in the escalation of confrontation with China is explained by their relatively low economic interest in cooperation with China. On the other hand, their hostile policy towards Russia and the Republic of Belarus has led to the disruption of logistics chains and trade and economic ties in the region and loss of interest in these countries as a transport hub for China's trade with the European Union.

While pursuing an active policy aimed at aggravating relations with China, the Baltic countries, particularly Lithuania, count on certain dividends from the USA and a tacit support from the EU leaders, who are also aimed at aggravating relations with China.

Keywords: China, China, Lithuania, Latvia, Estonia, the Baltics, cooperation, investment, Taiwan.

Authors: Andrey O. VINOGRADOV, Ph.D. (History), Associate Professor of the School of Oriental Studies of the Higher School of Economics; Leading Research Fellow, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences. ORCID: 0000-0003-0067-2168. E-mail: vinogradov_ao@iccaras.ru

Sofia A. DANILYUK, Bachelor's degree student of the Higher School of Economics. E-mail: sadanilyuk@edu.hse.ru

Conflict of interest. The authors declare that there is no conflict of interest.

Support. The article was prepared at the Institute of China and Contemporary Asia of the RAS within the framework of the State assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation.

Китайско-европейские отношения в последнее время переживают не лучшие времена. Обострение китайско-американских отношений, усиление уровня противостояния США и КНР, также давления со стороны США на Китай, эпидемия COVID-19, а затем начало российской специальной военной операции — все эти факторы серьез-

нейшим образом повлияли на состояние отношений Китая с европейскими партнерами. При этом отношения КНР с тремя прибалтийскими странами испытали это влияние, наверное, в наибольшей степени. Поскольку эти государства (прежде всего Литва) наиболее активно выступают в русле политики, нацеленной на конфронтацию с Китаем, вне зависимости от усилий руководства Европейского союза и отдельных крупных европейских стран, направленных на поддержание приемлемого уровня китайско-европейских отношений. В связи с этим анализ динамики развития отношений Китая с тремя прибалтийскими странами представляет особый интерес в контексте развития отношений КНР с ЕС и европейскими странами в последние три года.

Официальная история отношений КНР с данными тремя странами насчитывает чуть более 30 лет — с сентября 1991 г., когда после признания Верховным Советом СССР независимости Эстонии, Латвии и Литвы Китай также признал эти страны и установил с ними дипломатические отношения.

Однако с самого начала отношения КНР с данными странами находились в довольно неустойчивом состоянии по причине наличия в политическом руководстве этих стран сторонников преимущественного развития отношений с «демократическим» Тайванем. Который в тот момент пытался воспользоваться ситуацией на постсоветском пространстве, чтобы расширить свою международную поддержку (в том числе используя экономические рычаги)¹.

Прежде всего это касается руководства Латвии, которое в 1992 г. даже пошло на открытие в Риге консульства Китайской Республики (Тайвань). Это было квалифицировано КНР как нарушение принципа «одного Китая» и повлекло за собой отзыв посла КНР и фактическое закрытие посольства КНР в Риге. Нормальные дипломатические отношения были восстановлены лишь в 1994 г. после подтверждения со стороны Латвии признания принципа «одного Китая».

Впрочем, и соседние страны тоже достаточно долго рассматривали КНР как второстепенное направление в своей внешней политике. Например, посольство Литвы в Китае было открыто лишь в 1995 г., а посол приехал в Пекин только в 1997 г. [Володькин, Син Цзе]. Эстонское посольство в КНР открылось и того позже — в 1997 г. При этом посол приступил к своим обязанностям лишь в 2002 г., то есть 5 лет

¹ Заметим, что в первые годы после распада СССР даже в российском руководстве МИД были люди, выступавшие за преимущественное развитие отношений с Тайванем. — *А.В.*

Эстонию в Китае представлял временный поверенный в делах [Виноградов И.С.].

Другим политическим фактором, осложняющим отношения прибалтийских государств с КНР, стала последовательная поддержка их руководством тибетской оппозиции во главе с Далай-ламой и движения в защиту «прав человека» в Тибете. Далай-ламу неоднократно принимали во всех трех странах, что каждый раз вызывало резкие протесты со стороны МИД КНР и обострение политических отношений. И, естественно, препятствовало полноценному развитию отношений торгово-экономических.

В 2004 г. Литва, Латвия и Эстония стали членами НАТО и Европейского союза. С одной стороны, это внесло дополнительный элемент политизации в отношения этих стран с Китаем. Но, с другой, заставило их придерживаться в отношении КНР более-менее согласованной позиции.

В 2012 г. все три страны вошли в состав созданного Китаем формата «16+1», объединившего Китай и 16 стран Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ) в независимую от руководства ЕС структуру.

Однако, несмотря на это, уровень диалога между Китаем и странами Прибалтики, по мнению некоторых экспертов [Володькин, Син Цзе], уже в это время начал снижаться: встречи по большей части проходили в рамках многосторонних форумов, таких как саммиты формата «16+1», форум «Азия—Европа», так называемые летние Давосские форумы, проходящие в Китае. Непосредственно в страны Прибалтики из высшего китайского руководства приезжал лишь вице-премьер Чжан Гаоли (визит Ли Кэцзяна в Латвию в ноябре 2016 г. совпал с саммитом «16+1»).

На наш взгляд, это связано с тем, что руководство трех прибалтийских стран, после вступления в ЕС в ходе встреч с китайскими коллегами активно заявлявшее о том, что они хотят играть активную роль в развитии отношений КНР и ЕС, хотят быть связующим звеном, неким хабом, через который Китай вел бы торговлю с ЕС, на практике мало что делало для воплощения данной концепции в жизнь.

Относительная важность прибалтийских стран для Китая связана прежде всего с их географическим положением — выходом к морю и наличием морских портов. Однако эти порты имеют значение только в условиях нормальных отношений между ЕС и Россией, поскольку тесно завязаны на сухопутные торговые пути, проходящие по территории РФ. В условиях санкций против РФ и нарушения логистики между РФ и прибалтийскими странами, эти порты, по сути, становятся

ся бесполезными. Соответственно, теряют смысл инвестиции в транспортную инфраструктуру этих стран, превращая их в отдаленную и захудалую провинцию Европы. При этом собственное значение этих стран как рынка сбыта китайских товаров довольно незначительно — небольшое население в сочетании с низкой покупательной способностью и высокой стоимостью логистических цепочек делает этот рынок низкорентабельным.

В 2010-х годах руководство Литвы, Латвии и Эстонии пыталось использовать географическое положение этих стран и выдвигало различные программы развития транспортной инфраструктуры, в частности, модернизации Рижского, Таллинского и Клайпедского портов, причем рассчитывало это сделать с участием Китая [Воротников, Киреева]. Однако реализовать эти проекты не удалось по причине ухудшения отношений с Россией.

Не получили Латвия, Литва и Эстония инвестиций и в рамках форума «16+1», хотя китайская сторона неоднократно обещала странам ЦВЕ кредиты на развитие инфраструктуры и технопарков [Виноградов А.О. «Один пояс, один путь»...]. По мнению экспертов, Китай посчитал, что Латвия, Литва и Эстония в рамках ЦВЕ являются «слабым звеном», экономическое сотрудничество с которым подвержено политическим рискам [Шамахов, Межевич, Го Шухун]. Так, например, попытки КНР приобрести крупный пакет Клайпедского порта не удалось из-за противодействия со стороны США под предлогом якобы угрозы национальной безопасности.

В 2016 г. во время пятого форума «16+1» в Риге был создан Секретариат логистического сотрудничества ЦВЕ—КНР [Виноградов А.О. «Один пояс, один путь»...]. Помимо этого, все три страны подписали меморандумы о присоединении к инициативе «Один пояс, один путь» (ныне — «Пояс и путь», ИПП), однако не вошли в АБИИ [Цвык].

Тем не менее, вплоть до 2016 г. представители прибалтийских компаний проявляли интерес к китайским инвестициям в модернизацию своих транспортных систем, однако до реализации конкретных проектов дело так и не дошло. Литовские железные дороги в 2015 г. подписали соглашение с *China Merchants Logistics Holding* о создании совместного предприятия. В 2016 г. был даже отправлен первый пробный поезд по маршруту Иу — Вильнюс [Nikers, Tabuns]. Пять пробных контейнерных поездов было отправлено из Китая в Ригу через Россию, Казахстан и Беларусь [Виноградов И.С.]. Несколько соглашений, касавшихся развития железнодорожных перевозок, было подписано и эстонскими компаниями. Они также не были реализованы [Там же].

Наиболее известным проектом является строительство магистральной железнодорожной линии *Rail Baltica*, которая должна была соединить Финляндию с Эстонией, Латвией, Литвой и Польшей, а также все эти страны с транспортным коридором Восток—Запад [Nikers, Tabuns]. Предполагалось построить двухколейную ветку с европейской шириной колеи для пассажирских и грузовых перевозок, а также логистические центры в Каунасе и Клайпеде и контейнерный терминал в Клайпеде. Общая стоимость проекта должна была составить около 15 млрд долл., но он тоже застрял на стадии разработки.

В целом по накопленным инвестициям из Китая лидирует Литва (сообщалось о том, что примерно три четверти инвестиций поступало в Литву), однако точные цифры указать достаточно сложно по причине политизации этой области и включения в статистику соглашений, представлявших на самом деле протоколы о намерениях. Кроме того, нужно учесть, что резкое обострение отношений с КНР было инициировано именно Литвой и привело к выводу китайских инвестиций из этой страны, однако информации об этом в открытом доступе мало.

Отдельно стоит упомянуть о программе частных инвестиций в недвижимость в Латвии, которая позволяла (по примеру программы, существующей в Венгрии) получить вид на жительство и Шенгенскую визу. Однако эти инвестиции со стороны китайцев (в отличие от инвестиций в Венгрию) не стали значительными, хотя они и заняли второе место после российских [Там же].

По подсчетам специалистов, инвестиции в Балтийский регион составляют примерно 5 % от всего объема китайских инвестиций в европейские страны [Голубкин, Яковлев].

При этом торговые отношения КНР со странами Прибалтики вплоть до 2022 г. продолжали развиваться: объем торговли всех трех стран с Китаем растет, но в целом продолжает оставаться незначительным в силу ограниченности рынка сбыта китайских товаров в этих странах и общего торгового дефицита прибалтийских стран в торговле с Китаем. При этом стоит отметить, что везде, несмотря на относительный рост, торговля с КНР не превышает 5 % (кроме Эстонии, где она составляет более 8 %) ¹. Основным торговым партнером данных стран является ЕС.

¹ Годовая статистика международной торговли товарами (HS): Латвия, импорт и экспорт, весь мир, 2010—2021 гг. URL: <https://trendeconomy.ru/data/h2/Latvia/TOTAL> (дата обращения: 27.03.2023).

Тем более невелико место прибалтийских стран в общем товарообороте Китая: даже в объеме китайского экспорта в страны ЦВЕ доля Прибалтики составляет не более 7,5 % [Голубкин, Яковлев].

На наш взгляд, этим и объясняется тот факт, что именно прибалтийские страны выступили инициаторами обострения отношений с Китаем. В 2019 г. различные политические силы в прибалтийских странах заговорили о том, что участие в китайской инициативе «Один пояс, один путь» угрожает их экономической безопасности и усиливает экономическую (а, следовательно, и политическую) зависимость от Китая [Steinbuka, Kuznieks]. Одновременно изменилось и отношение руководства стран Прибалтики к формату «17+1» (число стран — участников формата увеличилось в связи с присоединением к нему Греции).

В апреле 2019 г. состоялась последняя очная встреча участников формата «17+1», которая прошла в Дубровнике (Хорватия)¹. Основным событием этого саммита стало присоединение Греции, а также запуск центра Глобального партнерства Китая и ЦВЕ и старт строительства Пелешацкого вантового моста, на котором присутствовали Ли Кэцян и премьер-министр Хорватии А. Пленкович². В том же году в Риге открылся координационный центр формата «17+1» в области финансовых технологий и прошла конференция формата «17+1» по сотрудничеству в сфере туризма (с началом пандемии в 2020 г. координационный центр закрылся)³.

В 2020 г. из-за эпидемии коронавируса саммит «17+1» не проводился вообще, а в 2021 г. был проведен в онлайн формате (в феврале)⁴. К собравшимся по видеосвязи обратился лично Си Цзиньпин, что позволило заявить об участии в форуме Председателя КНР (на предыдущих саммитах Китай представлял, как известно, премьер Госсовета). Однако Литва, Латвия, Эстония, а также Болгария, Румыния и Словения, в отличие от других стран — участниц формата «17+1», которые были представлены на высшем уровне (например, страны Вышеградской группы — Польшу, Чехию, Словакию, Венгрию — представляли президенты), ограничились участием министров

¹ News about summit Dubrovnik 2019. URL: <https://goo.su/qBcY> (дата обращения: 02.04.2023).

² Chinese, Croatian PMs visit Peljesac Bridge project amid rain. URL: <https://goo.su/XwaVP> (accessed: 02.04.2023).

³ The Sofia Guidelines for Cooperation between China and Central and Eastern European Countries. URL: <https://goo.su/8PT6t> (accessed: 02.04.2023).

⁴ Litaowan weisheme tuichu “17+1” hezuo jizhi. [Why Lithuania withdrew from the “17+1” cooperation mechanism?]. URL: <https://goo.su/evMwQk> (accessed :02.04.2023).

иностранных дел¹. Что уже можно было расценить как открытую демонстрацию изменения отношения этих стран к формату.

Тогда же Латвия отказалась от участия в представительной выставке *China International Import Expo* в Шанхае [Steinbuka, Kuznieks], а в марте 2021 г. литовское телевидение объявило о решении Комитета по иностранным делам парламента Литвы инициировать выход из формата «17+1»².

20 мая 2021 г. Европарламент заморозил ратификацию Всеобъемлющего инвестиционного соглашения между ЕС и Китаем³, с большим трудом подписанного в последний день 2020 г. Это фактически означало остановку многих инвестиционных проектов, в том числе и в рамках формата «17+1», а также дальнейшее обострение отношений Китая со странами ЕС. Причем страны Прибалтики оказались на переднем крае этого обострения.

21 мая Литва уже официально — устами министра иностранных дел, объявила о своем выходе из формата «17+1» и призвала другие страны-участницы последовать ее примеру⁴. По мнению литовских политиков, формат «17+1» нацелен на раскол европейского единства, а потому должен быть заменен на формат «27+1» (то есть все страны ЕС плюс один Китай). Китайская ответная реакция была довольно сдержанной — 24 мая 2021 г. представитель МИД КНР Чжао Лицзянь, комментируя выход Литвы из формата «17+1», заявил, что «формат нацелен на глубокое сотрудничество» и что «Китай готов продолжить делиться своим опытом и результатами»⁵.

Десятый саммит, который должен был пройти в 2022 г., не состоялся, а в августе 2022 г. о своем выходе из формата «17+1» заявили Эстония и Латвия, указав, что будут «развивать диалог с Китаем» либо в рамках двухсторонних отношений, либо в рамках ЕС [Derek]. При этом министр иностранных дел Эстонии подчеркнул, что на ре-

¹ Poland external relations briefing: President Duda's participation in the 17+1 summit. URL: <https://goo.su/2pND4p> (accessed: 14.04.2023).

² Litaowan dazhe “tuanjie” huangzi tuichu zhongguo zhongdongou “17+1”, zhongfang bochi: Liji jiuzheng cuowu! [Lithuania withdrew from China-CEE “17+1” under the guise of “unity”. China refuted: Correct the mistake immediately!]. URL: <https://goo.su/vTMU0sy> (accessed: 30.03.2023).

³ Litaowan tuichu zhongguo zhongdongou “17+1” hezuo [Lithuania withdraws from China-CEE 17+1 cooperation]. URL: <https://goo.su/qQOq> (accessed: 02.04.2023).

⁴ Литва вышла из блока «17+1» с Китаем. URL: <https://goo.su/9wUB8> (дата обращения: 02.04.2023).

⁵ Litaowan tuichu zhongguo zhongdongou “17+1” wajiaobu huiying [Lithuania's withdrawal from China's Central and Eastern Europe “17+1” Ministry of Foreign Affairs Response]. URL: <https://goo.su/F1glNmM> (accessed: 02.04.2023).

шение о выходе из формата повлияли действия Китая относительно ситуации вокруг Украины, то есть отказ Пекина осудить специальную военную операцию России¹. Правда, он одновременно отметил, что участие Эстонии в формате «17+1» не принесло ей никаких результатов.

Заметим, что никаких совместных заявлений о выходе прибалтийских стран из формата «17+1» не было — каждая из них в одностороннем порядке объявила о завершении своего участия в формате. Однако сразу после объявления о выходе Эстонии и Латвии из формата «17+1» в августе 2022 г. этому шагу выразил поддержку Госдепартамент США (замруководителя его пресс-службы Ведант Пател заявил, что США «поддерживают суверенные решения Латвии и Эстонии»)².

Понятно, что основной причиной выхода стран Прибалтики из формата «17+1» явилась неудовлетворенность этих стран объемом инвестиций со стороны Китая в прибалтийскую транспортную инфраструктуру и отсутствие реализации подписанных проектов модернизации морских портов и железнодорожных путей в Прибалтике. Основная часть инвестиций в рамках формата «17+1» шла в Грецию и страны Вышеградской группы [Виноградов, Борумбей]. При этом товарооборот Китая со странами Балтийского моря, как мы упоминали выше, незначительный. Соответственно, выход этих стран из формата «17+1» существенно не меняет инвестиционный климат в странах Прибалтики и не влияет на их экономику. Однако вносит серьезные изменения в политические отношения данных стран с Китаем, что позволяет им надеяться на определенные преференции в отношениях с руководством ЕС и, особенно, с США и Великобританией.

Для США страны Балтийского моря являются важным плацдармом в рамках НАТО, поскольку они граничат с Россией. При этом Литва, Латвия и Эстония критично зависят от США в вопросах национальной безопасности и обороны. Ввиду этого с возрастанием китайско-американского глобального противостояния страны Прибалтики вынуждены менять свою позицию по отношению к Китаю и его проектам даже вопреки своим экономическим интересам (которые, как мы показали, и так не очень велики). В этом плане примечательно, что Эстония и Латвия объявили о своем выходе из формата

¹ Estonia will no longer participate in the cooperation format of Central and Eastern Europe and China. URL: <https://goo.su/m0IPiq> (accessed: 02.04.2023).

² Госдеп поддержал решения Латвии, Эстонии выйти из формата сотрудничества с КНР «16 плюс 1». URL: <https://goo.su/V5ZziYQ> (дата обращения: 02.04.2023).

«17+1» сразу после визита спикера палаты представителей Конгресса США Нэнси Пелоси на Тайвань, явившегося пиком противостояния США и Китая в прошлом году.

Заметим, что еще до выхода прибалтийских стран из формата «17+1» многие европейские политики выражали свое возмущение по поводу членства стран ЦВЕ в проекте Китая, который был создан вне рамок ЕС. Это не позволяло Евросоюзу влиять на развитие отношений ряда стран — членов Европейского союза с Китаем, к которому с некоторых пор стали относиться не как к партнеру, а как к конкуренту и геополитическому противнику. По их мнению, формат был призван расколоть Европейский союз и разрушить единство европейских государств [Калюга, Олейников]. И в этом плане прибалтийские государства лишь инициировали процесс, на котором настаивали США и сторонники «атлантического единства» в Европе.

Разумеется, китайская сторона утверждает, что выход прибалтийских стран существенно не повлияет на общее развитие формата «17+1», нужно лишь пересмотреть некоторые положения и способствовать большему сотрудничеству в рамках проекта¹. Однако на самом деле это довольно серьезный удар по интересам Пекина в ЦВЕ. Тем более, что он может повлечь за собой цепную реакцию, которая будет, несомненно, поддержана со стороны США.

Дополнительную остроту отношениям стран Прибалтики с Китаем придаст изменение позиции Литвы по «тайваньскому вопросу», который Пекин обоснованно считает «красной линией» в отношениях с партнерами на международной арене. Хронология событий здесь выглядит следующим образом.

Еще в марте 2021 г. Литва заявила, что собирается открыть у себя бизнес-представительство Тайваня². В мае 2021 г. парламент Литвы принял резолюции, в которых осуждались действия Китая в отношении уйгурских мусульман, подвергался критике Закон о национальной безопасности в Гонконге, принятый Пекином за год до этого, и содержался призыв к властям Китая допустить международных наблюдателей в Тибет [Derek]. В ответ официальный представитель МИД КНР Чжао Лицзянь заявил, что вопросы, связанные с Тибетом и Синьцзяном, являются внутренним делом КНР и другие государст-

¹ Litaowan dazhe “tuanjie” huangzi tuichu zhongguo zhongdongou “17+1”, zhongfang bochi: Liji jiuzheng cuowu! [Lithuania withdrew from China-CEE “17+1” under the guise of “unity”. China refuted: Correct the mistake immediately!]. URL: <https://goo.su/vTMU0sy> (accessed: 30.03.2023).

² Эксперты: Китай может попытаться наказать Литву за Тайвань, но крупного ущерба не будет. URL: <https://goo.su/UFlmW> (дата обращения: 02.04.2023).

ва здесь не вправе вмешиваться. В противном случае последует жесткий ответ со стороны Китая¹.

6 июня правительство Литвы приняло решение открыть на своей территории «представительство Тайваня», о чем сообщили тайваньские СМИ.

20 июля 2021 г. Китай выразил официальный протест против плана Литвы по созданию «представительства Тайваня». Официальный представитель Канцелярии Госсовета КНР по делам Тайваня Чжу Фэнлян указала, что Китай выступает против установления любых официальных связей между Тайванем и странами, уже установившими дипломатические отношения с Китаем, и призвала литовскую сторону придерживаться принципа «одного Китая»².

10 августа 2021 г. представитель МИД КНР объявил, что Китай отзывает своего посла из Литвы в связи с ее решением открыть у себя «представительство Тайваня» и требует от литовской стороны отозвать своего посла из Пекина³. Министерство иностранных дел Литвы в ответ на решение Пекина отозвать своего посла выразило «сожаление», заявив, что Литва, как и остальные государства — члены ЕС и многие другие страны мира, стремится развивать «взаимовыгодные связи с Тайванем» и при этом уважает принцип «одного Китая»⁴. В ответ на это официальный представитель МИД КНР Хуа Чуньин отметила, что Литва искажает принцип «одного Китая»: «На словах все страны поддерживают Китай в его принципе, на практике открыто устанавливают официальные связи с Тайванем». Китай всегда уважал суверенитет и территориальную целостность Литвы, а действия Литвы по открытию «представительства Тайваня» наносят ущерб суверенитету КНР и нарушают принцип «одного Китая»⁵.

По поводу ситуации высказался Госдепартамент США, заявивший, что все страны вправе самостоятельно выбирать направление проводимой политики. Хуа Чуньин 13 августа ответила, что США не

¹ Litaowan tuichu zhongguo zhongdongou “17+1” hezuo [Lithuania withdraws from China-CEE 17+1 cooperation]. URL: <https://goo.su/qQQo> (accessed :02.04.2023).

² Континентальная часть Китая выразила решительный протест против плана создания тайваньского «представительства» в Литве. URL: <https://goo.su/IyL8x> (дата обращения: 04.04.2023).

³ Китай решил отозвать своего посла в Литве. URL: <https://goo.su/kbQN8> (дата обращения: 04.04.2023).

⁴ «Сожаления о шаге». Что будет делать Литва после ссоры с Китаем. URL: <https://goo.su/cw4KMlx> (дата обращения: 04.04.2023).

⁵ МИД КНР прокомментировал отзыв посла Китая из Литвы. URL: <https://goo.su/6z2UnT9> (дата обращения: 04.04.2023).

должны вмешиваться в принятые Китаем меры и давать указания, как реагировать¹.

Не заставили себя ждать и экономические санкции со стороны Китая. В августе и сентябре 2021 г. Китай отменил отправку контейнерных поездов в Литву². Новые железнодорожные маршруты, запущенные в рамках инициативы «Один пояс, один путь», были приостановлены.

30 августа КНР от лица официального представителя Комиссии по иностранным делам ВСНП Ю Вэньцзэ призвала парламентариев стран Европы соблюдать принцип «одного Китая». Ю Вэньцзэ подчеркнул, что КНР имеет право принимать любые меры для отстаивания и защиты своих интересов³.

18 ноября 2021 г. МИД КНР вновь выразило решительный протест против согласия Литвы открыть «представительство Тайваня». В заявлении указывалось, что вся ответственность за дальнейшие действия будет лежать на руководстве Литвы⁴.

21 ноября КНР официально понизила уровень отношений с Литвой до поверенных в делах⁵. А 22 ноября официальный представитель МИД КНР Чжао Лицзянь после объявления о снижении уровня отношений с Литвой выступил с обращением, указав, что ответственность за все происходящее несет Литва, потому что именно она нарушила обязательства, закрепленные в Совместном коммюнике 1991 г.⁶

Со 2 по 3 декабря 2021 г. по приглашению Тайбэя десять парламентариев из Эстонии, Латвии и Литвы посетили Тайвань для участия в парламентском форуме. Этот визит китайская сторона осудила⁷.

¹ МИД КНР прокомментировал замечания США и ЕС по поводу отзыва посла Китая из Литвы. URL: <https://goo.su/FLe8QY4> (дата обращения: 04.04.2023).

² Китай отменяет грузовые поезда в Литву на август и сентябрь. URL: <https://goo.su/MbI57c> (дата обращения: 04.04.2023).

³ КНР призывает парламентариев соответствующих стран соблюдать принцип одного Китая. URL: <https://goo.su/o9Dnz19> (дата обращения: 04.04.2023).

⁴ МИД КНР прокомментировал согласие Литвы на открытие так называемого представительства Тайваня в Литве. URL: <https://goo.su/ipRjU> (дата обращения: 04.04.2023).

⁵ Китай решил понизить уровень дипломатических отношений с Литвой. URL: <https://goo.su/XSoY> (дата обращения: 04.04.2023).

⁶ Литва открыто нарушила политические обязательства и должна нести ответственность за все вытекающие из этого последствия — МИД КНР. URL: <https://goo.su/iONdx> (дата обращения: 04.04.2023).

⁷ Пекин осудил предстоящее посещение Тайваня парламентариями из Прибалтики. URL: <https://goo.su/BZNOH> (дата обращения: 04.04.2023).

3 декабря 2021 г., по информации литовских СМИ, Китай исключил Литву из своей таможенной системы. Литовские компании лишились возможности растаможить свои товары в Китае¹, а значит, экспортировать в Китай.

15 декабря 2021 г. МИД Литвы отозвало из КНР своего уже поверенного в делах (уровень дипломатических отношений был снижен до поверенных в делах после решения Китая от 21 ноября 2021 г.)². Госсекретарь США Блинкен выразил поддержку Литве [Derek].

17 декабря Ван Вэньбинь, представитель МИД КНР, опроверг обвинения Литвы в нарушении Китаем Венской конвенции о дипломатических сношениях (ранее министр иностранных дел Литвы обвинил Китай в том, что он не продлил срок действия удостоверений личности литовских дипломатов в Китае), назвав эти обвинения клеветой³.

30 декабря 2021 г. поверенный в делах КНР в Литве Цюй Байхуа назвал действия Литвы ошибкой и призвал страну отказаться от выбранного пути. Он также указал, что Литва портит свой имидж и вредит экономическому сотрудничеству с Китаем. Более того, действия Литвы сказываются на Европейском союзе, который придерживается единого мнения — признания принципа «одного Китая», и на развитии отношений ЕС с Китаем.

В декабре 2021 г. Китай ввел торговое эмбарго против Литвы и европейских фирм, которые импортируют продукцию из Литвы [Derek].

3 января 2022 г. президент Литвы заявил, что правительство Литвы допустило ошибку, открыв «представительство Тайваня в Литве»⁴. 5 января 2022 г. Ван Вэньбинь ответил на это заявление в том смысле, что нужно не оправдываться за свои действия, а принять действенные меры по нормализации отношений с Китаем⁵.

17 января 2022 г. Ван И провел встречу по видеосвязи с главой МИД Эстонии Эвой-Марией Лийметс, которая заявила, что Эстония

¹ Китай вычеркнул Литву из своих таможенных систем. URL: <https://goo.su/kJbqZ> (дата обращения 04.04.2023)

² МИД Литвы отзывает из Китая своего поверенного в делах для консультаций. URL: <https://goo.su/zU4Ez6> (дата обращения: 04.04.2023).

³ Китай опроверг обвинения Литвы в нарушении условий Венской конвенции о дипломатических сношениях. URL: <https://goo.su/vmIxpE> (дата обращения: 04.04.2023).

⁴ Литва должна предпринять шаги для исправления ошибки — представитель МИД КНР. URL: <https://goo.su/CMRTJ8> (дата обращения: 04.04.2023).

⁵ Там же.

поддерживает принцип «одного Китая» и стремится развивать отношения¹.

В январе 2022 г. ЕС инициировал процедуру о торговом споре во Всемирной торговой организации (ВТО) в отношении Китая и начал разрабатывать инструменты, которые бы сдерживали страны, в особенности КНР, от использования экономического принуждения против третьих государств [Derek].

В начале 2022 г. Тайвань объявил об инвестировании в Литву 200 млн долл. и предоставлении ей кредитного фонда в 1 млрд долл. на финансирование совместных проектов [Там же]. В ответ КНР в феврале 2022 г. ввела ограничения на импорт говядины, молочных продуктов и пива из Литвы (продуктовое эмбарго). Импорт был остановлен².

В начале марта 2022 г. в Китае прошла 5-й сессия ВСНП 13-го созыва, на которой обсуждался принцип «одного Китая» и ситуация с Литвой. Официальный представитель Чжан Есуй отметил, что этот принцип является основой для развития отношения с иностранными государствами³.

В июне Тайвань посетили вице-министр экономики и инноваций Литвы Йовита Нелюпсене и вице-министр сельского хозяйства Эгидиус Гедрайтис⁴.

В июле 2022 г. состоялся визит тайваньской делегации в Литву. Представитель делегации встретился с главой сейма Литвы Викторией Чмилите-Нильсен и обсудил развитие связей с Литвой. От встречи с тайваньской делегацией отказались президент Литвы Гитанас Науседа и премьер-министр Ингрида Шимоните⁵.

В сентябре 2022 г. заместитель министра экономики и инноваций Литвы Каролис Жемайтис вместе с делегацией посетила Тайвань [Там же].

¹ Ван И провел по видеосвязи встречу с главой МИД Эстонии. URL: <https://goo.su/9mfK09> (дата обращения: 04.04.2023).

² Китай официально сообщил об остановке импорта литовской говядины, молочных продуктов и пива. URL: <https://goo.su/wY9dtLv> (дата обращения: 04.04.2023).

³ Принцип одного Китая — политическая основа отношений Китая со всеми странами мира — представитель сессии ВСНП. URL: <https://goo.su/d9OLnPI> (дата обращения: 04.04.2023).

⁴ Делегация из Литвы прибыла на Тайвань. URL: <https://iz.ru/1376073/2022-08-07/delegatciia-iz-litvy-pribyla-na-taivan> (дата обращения: 04.04.2023).

⁵ Остров нестабильности: зачем Литва портит отношения с Китаем. Прибалтийская республика взяла курс на Тайвань. URL: <https://goo.su/LKiQw8> (дата обращения: 04.04.2023).

13 сентября должно было состояться официальное открытие представительства Литвы на Тайване, однако этого не произошло¹. А 15 сентября «Литовские железные дороги» (ЛЖД) объявили, что закроют свое представительство в Китае².

С 7 по 11 ноября 2022 г. Тайвань посетила делегация во главе с заместителем министра транспорта и коммуникаций Литвы Агне Вайчюкявичюте³. В ответ МИД КНР ввело санкции против А. Вайчюкявичюте и заявил о прекращении всех обменов и сотрудничества с Министерством транспорта и коммуникаций Литвы и в сфере международных автомобильных перевозок⁴.

15 ноября 2022 г. технологический центр Тайваня объявил об инвестировании в сферу полупроводников в Литве в размере 10 млн евро⁵.

26 ноября 2022 г. президенты Литвы, Польши и Румынии приняли совместное заявление о региональной безопасности и евроатлантической интеграции⁶.

7 декабря 2022 г. ЕС инициировал в ВТО процедуру создания двух специальных арбитражных комиссий по спорам ЕС с Китаем⁷. 22 декабря КНР заблокировала запрос ЕС о создании комиссии в связи с ограничениями, введенными Пекином на импорт из Литвы⁸.

Заметим, что Эстония и Латвия не поддержали действия Литвы по тайваньскому вопросу и заявили, что не стремятся развивать связи с островом. Более того, Эстония и Латвия не одобрили открытие в Литве «представительства Тайваня» и подтвердили приверженность принципу «одного Китая». А также подчеркнули, что в 2022 г.

¹ Остров нестабильности: зачем Литва портит отношения с Китаем. Прибалтийская республика взяла курс на Тайвань. URL: <https://goo.su/LKiQw8> (дата обращения: 04.04.2023).

² Там же.

³ Китай осудил визит литовской делегации на Тайвань. URL: <https://goo.su/hstB6yR> (дата обращения: 04.04.2023).

⁴ МИД КНР объявил о санкциях Китая в отношении замминистра транспорта и коммуникаций Литвы. URL: <https://goo.su/j9fm15r> (дата обращения: 04.04.2023).

⁵ Полупроводники раздора: Китай вновь угрожает Литве. URL: <https://goo.su/RMZNEY> (дата обращения: 04.04.2023).

⁶ Президенты Латвии, Литвы, Польши и Румынии обсудили региональную безопасность. URL: <https://goo.su/OIhr3o> (дата обращения: 04.04.2023).

⁷ Министр финансов: Китай никогда не был важным экономическим партнером Литвы. URL: <https://goo.su/wMzp> (дата обращения: 04.04.2023).

⁸ Спор Пекина и Вильнюса затянется? Китай заблокировал создание комиссии ВТО. URL: <https://goo.su/3NXoIC> (дата обращения: 04.04.2023).

Эстония и Латвия вышли из формата «17+1» не из-за тайваньского вопроса и не из-за ухудшения отношений между Китаем и Литвой¹.

Тем не менее позиция Литвы по Тайваню, несомненно, еще больше осложняет отношения КНР как с прибалтийскими странами, так и с ЕС в целом. Руководство ЕС вынуждено принимать дополнительные меры в попытках противодействовать экономическим санкциям КНР против Литвы. При этом действия Литвы выглядят вполне осознанной провокацией в отношении Китая, инициированной со стороны США в рамках глобального противостояния с КНР на международной арене. Именно США поддерживают Литву в противостоянии с Китаем по тайваньскому вопросу [Кортунов].

При этом собственно экономические издержки от резкого ухудшения отношений с Китаем для Литвы в сложившейся ситуации невелики. Разрыв отношений с Россией и соседней Беларусью в любом случае лишает Литву инвестиционной привлекательности для Китая и возможности реализации совместных проектов, связанных с созданием свободной экономической зоны Каунаса, с модернизацией транспортных путей и морского порта Клайпеды. При этом руководство Литвы, видимо, рассчитывает привлечь дополнительное финансирование и инвестиции в экономику страны из США и Тайваня.

Очевидно, что Литва сегодня является лидером противостояния Китаю на европейском континенте. Однако в случае дальнейшего обострения отношений стран Евросоюза с Россией и Китаем, именно Литва как страна, первой пошедшая на разрыв отношения с КНР, может рассчитывать на определенные дивиденды от ЕС как в политическом, так и экономическом плане, в то время как издержки от такого противостояния относительно невелики.

Пока остальные страны Европы, в том числе соседние прибалтийские страны, не стремятся поддерживать позицию Литвы по тайваньскому вопросу, не желая дополнительно обострять отношения с КНР. Тайваньский вопрос для Китая является принципиальным, это «красная линия», в пересечении которой Китай видит нарушение своего суверенитета, территориальной целостности и вмешательство в его внутренние дела. И он всячески демонстрирует свою решимость и возможности максимально жесткого ответа. К подобному ответу,

¹ Li guanyuan cuan tai zai zao zhongfang fanzhi, la, ai jinji chengqing: tuichu 16+1 yu taiwan wuguan [Lithuania officials rushed to Taiwan and were rebuffed by the Chinese side. Latvia and Estonia urgently clarified: Withdrawing from 16+1 has nothing to do with Taiwan]. URL: <https://goo.su/5xhA3i> (accessed: 07.04.2023).

который, очевидно, затронет все аспекты взаимодействия Китая с ЕС и другими странами Европы, европейские страны на данный момент не готовы.

Библиографический список

Виноградов А.О. «Один пояс, один путь»: европейское измерение // Новый Шелковый путь и его значение для России. 2016. С. 189—206.

Виноградов А.О. КНР — страны Европейского союза // Проблемы Дальнего Востока. 2019. № 5 (1). С. 139—142.

Виноградов А.О., Борумбей Е.К. Отношения Китая со странами Вышеградской группы // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2018. Т. 23. № 23. С. 200—214.

Виноградов И.С. КНР и страны Балтии. Проблемы сотрудничества // Восточная Азия: настоящее, прошлое, будущее. 2022. С.71—81.

Володькин А.А., Син Цзе. Развитие двусторонних отношений Эстонии, Латвии и Литвы с Китаем в 1991—2018 гг. // Журнал международного права и международных отношений. 2021. № 2 (97). С. 28—37.

Воротников, В.В., Киреева А.А. Страны Балтии и Восточной Азии: история взаимоотношений и перспективы сотрудничества // Мир перемен. 2011. № 3. С. 153—164.

Голубкин А.В., Яковлев А.А. Экономические механизмы проникновения Китайской Народной Республики в постсоветские страны Балтийского региона // Economics: Yesterday, Today and Tomorrow. 2018. Vol. 8. Iss. 8A. P. 284—297.

Калюга А.А., Олейников И.В., Балансирование и сотрудничество: страны Вышеградской группы и КНР в реализации механизма «17+1» // Известия Иркутского государственного университета «Политология. Религиоведение». 2021. Т. 36. С. 49—56.

Кортунов А. Чего же все-таки добивается Литва? // Российский совет по международным делам. Аналитика и комментарии. 2021. URL: <https://goo.su/Ejpt> (дата обращения: 08.04.2023).

Цык А.В. «Один пояс, один путь»: взгляд из Европы // Современная Европа. Евразийское пространство. 2019. № 1. С. 104—112.

Шамахов В.А., Межевич Н.М., Го Шухун. Некоторые замечания к оценке потенциальной роли транзита из КНР через государства Прибалтики // Управленческое консультирование. 2021. № 12. С. 10—16.

References

Golubkin, A.V., & Yakovlev, A.A. (2018). Ekonomicheskie mekhanizmy proniknoveniya Kitajskoj Narodnoj Respubliki v postsovetskie strany Baltijskogo regiona [Economic mechanisms of the People's Republic of China penetration into post-Soviet

countries of the Baltic region]: *Ekonomika: vchera, segodnya i zavtra [Economics: Yesterday, Today and Tomorrow]*: 8A: 284—297. (In Russian).

Kalyuga, A.A., & Oleynikov, I.V. (2021). Balansirovanie i sotrudnichestvo: strany Vyshegradskoj grupy i KNR v realizacii mekhanizma «17+1» [Balancing and Cooperation: the Visegrad Group Countries and the PRC in the Implementation of the Mechanism “17+1”], *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta «Politologiya. Religiovedenie» [Izvestiya Irkutsk State University “Politologiya. Religion Studies]*: 36: 49—56. (In Russian).

Kortunov, A. (2021). Chego zhe vse-taki dobivaetsya Litva? [What does Lithuania seek?] / *RIAC, Analitika i komentarii [Analytics and comments]*. (In Russian).

Tsvyk, A.V. (2019). «Odin poyas, odin put»: vzglyad iz Evropy [“One Belt, One Way”: a view from Europe], *Sovremennaya Evropa. Evrazijskoe prostranstvo [Modern Europe. Eurasian space]*: 1: 104—112. (In Russian).

Vinogradov, A.O. (2016). Odin poyas, odin put': Evropejskoe izmerenie [One Belt, One Road: European Dimension], *Novyj Shelkovyj put' i ego znachenie dlya Rossii [The New Silk Road and Its Significance for Russia]*: 189—206. (In Russian).

Vinogradov, A.O. (2019). KNR — strany Evropejskogo soyuza [PRC — European Union countries], *Problemy Dal'nego Vostoka [Far Eastern Studies]*: 5 (1): 139—142. (In Russian).

Vinogradov, A.O., Borumbey, E. K. (2018). Otnosheniya Kitaya so stranami Vishegradskoy gruppi [China's relations with the Visegrad Group countries], *Kitaj v mirovoj i regional'noj politike. Istoriya i sovremennost'. Vyp. XXIII [China in World and Regional Politics. History and Modernity. Iss. 23]* / ed. E.I. Safronova. Moscow: IFES RAS, 23: 200—214. (In Russian). DOI: 10.24411/2618-6888-2018-10015

Vinogradov, I.S. (2022). KNR i strany Baltii. Problemy sotrudnichestva [PRC and the Baltic states. Problems of cooperation], *Vostochnaya Azija: nastoyashchee, proshloe, budushchee [East Asia: present, past, future]*: 71—81. (In Russian).

Volodkin, A.A.; & Xing Jie. (2021). Razvitie dvustoronnih otnoshenij Estonii, Latvii i Litvy s Kitaem v 1991—2018 [Development of Bilateral Relations of Estonia, Latvia and Lithuania with China in 1991—2018], *Zhurnal mezhdunarodnogo prava i mezhdunarodnyh otnoshenij [Journal of International Law and International Relations]*: 2 (97): 28—37. (In Russian).

Vorotnikov, V.V. & Kireeva, A.A. (2011). Strany Baltii i Vostochnoj Azii: istoriya vzaimootnoshenij i perspektivy sotrudnichestva [The Baltic States and East Asia: History of Relations and Prospects for Cooperation], *Mir peremen [The World of Changes]*: 3: 153—164. (In Russian).

* * *

Derek, E. M. (2022). Estonia, Latvia, and Lithuania: Background and U.S.-Baltic Relations, *Congressional Research Service*, (4): 1—19.

Kante, J. (2022). Latvia and China: Entering the Post-Optimism Period, *Rīga Stradiņš University: China in the Baltic States — from a Cause of Hope to Anxiety*: 32—54.

Nikers, O. & Tabuns, O. (2022). Between Brussels and Beijing. The Transatlantic Response to the Chinese Presence in the Baltic sea Region, *The Jamestown Foundation*: 233.

Shamakhov, V.A., Mezhevich, N.M. & Guo Shuhun (2021). Some Comments on the Assessment of the Potential Role of Transit from China through the Baltic States, *Management Consulting*, 12: 10—16.

Steinbuka, A., & Kuznieks, A. (2020). Cooperation between China, EC and the Baltic states — Economic benefits and risks, *University of Latvia: New Challenges in Economic and Business Development — 2020: Economic Inequality and Well-Being*: 464—474.

Sun Shuang, & Cheng Xiao (2020). «17+1 hezuo» jizhi xia zhongguo dui zhongdongou de touzi [China's investment in Central Eastern Europe under the "17+1 Cooperation" mechanism], *Haiwai touzi yu chukou zindai [Overseas investment and export credits]*. (In Chinese).

Я.В. Лексютина

КИТАЙ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В «ПОСТПАНДЕМИЙНЫЙ» ПЕРИОД: К НОВОМУ КАЧЕСТВУ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Аннотация. Наблюдавшееся в 2020 г. — первой половине 2022 г. резкое сокращение дипломатической и внешнеэкономической деятельности Китая в Центральной Азии, со второй половины 2022 г., когда интенсивность исходящей от пандемии COVID-19 угрозы спала, сменилось активизацией усилий Пекина, направленных на восстановление и укрепление позиций Китая в Центральной Азии. Особенностью «постпандемийного» этапа взаимодействия Китая с регионом стал поиск им новых подходов и инструментария проникновения в Центральную Азию, продиктованный стремлением не потерять темп и инициативу в разворачивающейся региональной «Большой игре» великих держав, адаптироваться под меняющийся политический региональный ландшафт (обусловленный сменой политических элит и национальных стратегий стран Центральной Азии), снять остроту синофобных настроений в регионе как затрудняющих реализацию китайских интересов, содействовать решению стоящих перед Китаем на текущем этапе магистральных задач в области экономического развития (обеспечение энергетической и продовольственной безопасности, стабильности глобальных цепочек поставок, развитие альтернативных международных транспортных коридоров и пр.). Статья нацелена на выявление новых акцентов, приоритетов и инструментария в политике Пекина в Центральной Азии, а также выделение нового содержания, которым стали наполняться дипломатические и торгово-экономические отношения Китая и стран Центральной Азии в «постпандемийный» период (период со второй половины 2022 г.).

Ключевые слова: Китай, Центральная Азия, торгово-экономическое сотрудничество, природный газ, газопроводы, «Большая игра».

Автор: Лексютина Яна Валерьевна, доктор политических наук, профессор РАН, профессор Санкт-Петербургского государственного университета (адрес: 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7—9). ORCID: 0000-0001-6766-1792. E-mail: lex yana@ya.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Ya. V. Leksyutina

China's political and economic engagement with Central Asia in the "post-pandemic" period: towards a new quality

Abstract. The sharp decline in China's diplomatic and economic activities in Central Asia in 2020 — the first half of 2022 has been replaced since the second half of 2022 — when the intensity of the threat posed by the COVID-19 pandemic subsided — by an intensification of Beijing's efforts aimed at restoring and strengthening China's position in Central Asia. China's "post-pandemic" interaction with the region is featured by Beijing's search for new approach and tools to engage with Central Asia, dictated by the desire not to lose the initiative and pace in the regional "Great Game", to adapt to the changing political regional landscape (due to the change of political elites and national strategies of Central Asian countries), to soften Sinophobic sentiments in the region as impeding the promotion of Chinese interests, to meet the demands of China's economic development (such as ensuring energy and food security, stability of global supply chains, development of alternative international transport corridors etc.). The article is aimed at identifying new priorities and instruments in Beijing's policy in Central Asia, as well as new features in China's engagement with Central Asia in the "post-pandemic" period.

Keywords: China, Central Asia, trade and economic cooperation, natural gas, gas pipelines, "Great Game".

Author: Yana V. LEKSYUTINA, Doctor of Sciences (Political Science), Professor of the Russian Academy of Sciences; Professor of Saint-Petersburg State University (address: 7/9, Universitetskaya Emb., Saint-Petersburg, Russian Federation, 199034). ORCID: 0000-0001-6766-1792. E-mail: lex yana@ya.ru

Conflict of interests. The author declares the absence of the conflict of interests.

Для периода с начала 2020 г. до середины 2022 г. было характерно значительное снижение внешнеполитической и внешнеэкономической активности Китая в Центральной Азии. Самоизоляция китай-

ских дипломатических работников в стенах диппредставительств, систематические закрытия пограничных пунктов пропуска с китайской стороны при осуществлении грузоперевозок¹, отзыв китайской рабочей силы из региона и прочие ограничительные меры Китая ввиду чрезвычайных обстоятельств развития пандемии COVID-19 способствовали временному «простоя» во взаимодействии Китая с Центральной Азией. Дипломатическая активность Китая снизилась до исторического минимума. Китай фактически «проглядел» январские события 2022 г. в Казахстане, упустил стратегическую инициативу, не сумев оказать какой-либо поддержки руководству Казахстана. Были почти полностью приостановлены людские обмены и встречный туризм. Так называемая масочная и вакцинная дипломатия Китая в регионе имела очень неоднозначные результаты. В 2020 г. упал объем торговли Китая с Центральной Азией: с 46 млрд долл. в 2019 г. до 39 млрд долл. в 2020 г.² Увеличение размера товарооборота до 50 млрд долл. в 2021 г. и 70,2 млрд долл. в 2022 г. скорее свидетельствует о восстановлении товарных потоков до допандемийного уровня, нежели об их росте. Стоимостные показатели торговли выросли во многом ввиду высокого уровня глобальной инфляции.

Как только опасность, исходящая от пандемии, стала ослабевать, а также объективно назрела необходимость подтверждения своего присутствия в регионе, Пекин с особым напором интенсифицировал активность в Центральной Азии. При этом проявился целый ряд новых аспектов вовлеченности Китая в дела региона, китайский подход к региону начал меняться, отношения Китая и стран Центральной Азии стали наполняться новым содержанием. Эти изменения, равно как и интенсификация региональной активности Китая, были обусловлены целым рядом факторов, неполный перечень которых включает: а) наличие в регионе синофобных настроений, которые, согласно оценкам некоторых экспертов, умышленно подогреваются внеш-

¹ Во время пандемии COVID-19 распространенной практикой, призванной предотвратить попадание из-за рубежа и распространение внутри страны COVID-19, было введение Китаем различных ограничительных мер против импортируемой из соседних стран продукции и временные закрытия пограничных переходов и портов. Такие ограничения вводились не только против импорта из Центральной Азии, но и, например, из России. Однако в Казахстане отдельные казахстанские эксперты такие меры китайских властей ошибочно интерпретировали как намеренное наказание Пекином Казахстана за неспособность его властей сдерживать синофобные настроения и следовать в русле китайской политики.

² 中国统计年鉴2022 (Чжунго тунцзи наньцзянь) [Китайский статистический ежегодник 2022]. URL: <http://www.stats.gov.cn/sj/ndsj/2022/indexch.htm> (дата обращения: 28.04.2023).

ними силами [Грозин, с. 46; Каукенов] и затрудняют продвижение интересов Китая; б) трансформации в самих странах Центральной Азии, изменение их национальных стратегий и приоритетов, смена политических элит; в) фактор пандемии, а именно временная «заморозка» активности Китая в регионе (что нашло свое проявление как в политико-дипломатической, экономической, так и культурной сфере, туризме и пр.); г) новый контекст развивающегося американо-китайского стратегического соперничества и американской политики сдерживания Китая, потенциально способной выйти на уровень сдерживания Китая в Центральной Азии; д) новый виток украинского кризиса с февраля 2022 г. и изменения геополитического ландшафта на постсоветском пространстве; е) остро вставший после вывода американских войск из Афганистана в августе 2021 г. афганский вопрос и приход талибов к власти в соседнем Китае Афганистане.

Резкий рост активности Китая в Центральной Азии, мотивированный стремлением Пекина компенсировать невнимание к региону в 2020 г. — первой половине 2022 г., наблюдается с осени 2022 г. Первый с начала развития пандемии COVID-19 зарубежный визит Председателя КНР Си Цзиньпина пришелся именно на Центральную Азию и включал посещение Казахстана и Узбекистана (в рамках участия в самаркандском саммите ШОС). В ходе визита в Казахстан отношения Китая и Казахстана были официально названы «вечным» всесторонним стратегическим партнерством. Повышение уровня отношений, кстати, затронуло не только Казахстан, но, например, и другое постсоветское государство, имеющее тесные отношений с Россией, — Беларусь. Отношения Китая с этим государством в сентябре 2022 г. были названы «всепогодными»¹. Смена официальной терминологии при характеристике двусторонних отношений, по-видимому, была направлена на демонстрацию повышения значимости этих государств в системе внешнеполитических приоритетов Пекина.

Вероятно, значимым фактором всплеска активности Пекина в регионе могли быть опасения, вызванные тем, что ввиду взятого Вашингтоном курса на сдерживание Китая и острой конфронтации между Россией и Западом в Центральной Азии как регионе — подбрюшье и России, и Китая может развернуться так называемая Большая игра 2.0 [Притчин, с. 112—123], а именно интенсифицироваться деятельность США и европейских стран по расширению их регионального присутствия. Более того, могли быть и опасения в связи с

¹ Ранее формулы «всепогодные отношения» удаивались только отношения Китая с Пакистаном.

тем, что у России, вовлеченной в украинскую ситуацию и преодоление финансово-экономических санкционных угроз, может не хватить сил и ресурсов на Центральную Азию, и это создаст определенный вакуум, который поспешат заполнить США и их союзники, что очевидно не отвечает интересам Пекина.

В подходе Пекина к региону проявились определенные изменения. Так, меняется модель взаимодействия Китая с Центральной Азией: на смену двустороннему лучевому взаимодействию с каждой страной региона по отдельности приходит многосторонний формат «Китай + пять стран Центральной Азии». Возникнув по инициативе Пекина в 2020 г., этот формат приобретает мультивекторный характер и практическое наполнение. К настоящему моменту он не ограничивается лишь встречами шести министров иностранных дел (в апреле 2023 г. в г. Сиань состоялась уже 4-я встреча глав внешнеполитических ведомств), но уже создан механизм саммитов «Китай — Центральная Азия» (1-й саммит был запланирован на май 2023 г.). В апреле 2023 г. прошло первое совещание министров, ответственных за внешнеэкономическую и внешнеторговую деятельность в шестистороннем формате. Также создаются специализированные многосторонние механизмы практического взаимодействия: Форум торгово-экономического сотрудничества «Китай—Центральная Азия», Форум по промышленному и инвестиционному сотрудничеству, нацеленный на расширение сотрудничества в цифровой экономике, энергетике и сельском хозяйстве (первый форум состоялся в феврале 2023 г. в г. Циндао). Узбекистан предложил создать координационный совет «Китай — Центральная Азия» по транспортной взаимосвязанности.

Многосторонний формат встреч министров иностранных дел «5+1» не нов, и в этом смысле инициатива Пекина носит догоняющий характер. Такого рода механизмы были ранее созданы между странами Центральной Азии и Японией (действует с 2004 г., но на нерегулярной основе), Южной Кореей (с 2007 г.), США (с 2015 г.), Индией (с января 2019 г.), Россией (с 2019 г.). Формат специализированных многосторонних механизмов сотрудничества Китая с группой стран отдельного региона («Китай + несколько стран региона») используется Пекином уже давно, но по какой-то причине он не был востребован при взаимодействии с Центральной Азией¹. У Китая уже

¹ Возможных объяснений этому может быть несколько: для многостороннего взаимодействия со странами Центральной Азии Пекин мог использовать формат ШОС (куда входят четыре центральноазиатских государства за исключением Туркменистана), при этом взаимодействие в рамках ШОС снимало опасения Пекина относительно воз-

есть такие механизмы, как Форум китайско-африканского сотрудничества, Форум Китай—СЕЛАС для взаимодействия с латиноамериканскими и карибскими государствами, платформа «14+1» для сотрудничества с Центральной и Восточной Европой и пр. Появление механизма саммитов «Китай—Центральная Азия» в этом контексте — закономерное и вполне ожидаемое событие, в том числе отвечающее получившему не так давно развитие тренду на сплачивание региона Центральной Азии.

На фоне растущей обеспокоенности Пекина западными антиросийскими санкциями, дезорганизацией мировой логистики и американской политикой сдерживания Китая (которая потенциально может принять формы попыток ограничения морской торговли Китая) значительно возрос интерес КНР к транзитному потенциалу Центральной Азии и разработке новых транспортно-логистических коридоров. Китай и заинтересованные центральноазиатские страны объединили усилия по увеличению грузовой пропускной способности железнодорожных и автомобильных магистралей в регионе и пограничных переходов между Китаем и Казахстаном, Киргизией и Таджикистаном. В частности, в Казахстане было начато строительство вторых путей участка Достык—Мойынты, открытие которого позволит увеличить пропускную способность участка до 5 раз, способствуя наращиванию объемов транзитных перевозок Китай—Европа. В 2022 г. была достигнута договоренность о создании 3-го железнодорожного перехода на китайско-казахстанской границе¹ в районе автомобильного пункта пропуска Бахты (Казахстан) — Чугучак (Китай), могущего увеличить пропускную способность на китайско-казахстанской границе на 20 млн тонн грузов ежегодно.

После почти двух десятилетий бездействия наметилась положительная динамика вокруг проекта железной дороги Китай—Киргизия—Узбекистан. В середине сентября 2022 г. было подписано трехстороннее соглашение о сотрудничестве по проекту строительства железной дороги Китай—Киргизия—Узбекистан по участку на территории Киргизии. Техничко-экономическое обоснование проекта строительства железной дороги по участку маршрута Торугарт—Арпа—Кош-Добо—Макмал—Джалал-Абад протяженностью 280 км было запланиро-

можной реакции Москвы на активность Китая в регионе «естественного влияния» России; ранее создаваемые Пекином многосторонние форумы включали гораздо более масштабные по количеству входящих в них стран региона.

¹ Ныне на границе Китая и Казахстана функционируют только два железнодорожных пограничных перехода: Достык—Алашанькоу и Алтынколь—Хоргос.

вано подготовить к 1 июня 2023 г.¹ Заметен также рост интереса Пекина к Транскаспийскому международному транспортному коридору.

В целом, усилия Китая в регионе в контексте торгово-экономического сотрудничества сконцентрированы на трех основных векторах: развитие транспортных коридоров и логистической инфраструктуры, связывающей Китай и Центральную Азию; энергетическое сотрудничество (интерес Китая к наращиванию импорта природного газа и развитие сотрудничества в области гидроэнергетики) и кооперация в области сельского хозяйства.

В 2022 г. Китай столкнулся с рядом неблагоприятных обстоятельств в области импорта трубопроводного газа из Центральной Азии в связи со сложившимся дефицитом газа для нужд ряда центральноазиатских стран (Узбекистана и Казахстана). На сегодняшний день трубопроводные поставки газа в Китай обеспечиваются тремя трансграничными трубопроводными системами: три ветки газопровода из Туркменистана через Узбекистан и Казахстан «Центральная Азия—Китай», газопровод «Мьянма—Китай» и газопровод из России «Сила Сибири». Несмотря на то, что преобладающей формой китайского газового импорта выступает СПГ², снижение поставок трубопроводного газа даже в незначительных количествах способно поставить под угрозу энергетическую безопасность Китая.

Поступление газа по трубопроводной системе «Центральная Азия—Китай», являющейся на текущий момент крупнейшим каналом экспорта трубопроводного газа в Китай и имеющей суммарную пропускную способность в 55 млрд куб.м, обеспечивается силами трех государств: основные объемы поставок приходятся на Туркмению (примерно 35—40 млрд куб.м в год), экспортные квоты узбекистанского и казахстанского газа составляют 10 и 5 млрд³ куб. м газа ежегодно. Однако в 2022 г. наблюдалась нестабильность поставок газа по этому газопроводу и недозагруженность газотранспортного маршрута. В 2022 г. по газопроводу «Центральная Азия—Китай» в Китай было

¹ В Самарканде подписано Соглашение о сотрудничестве по проекту строительства железной дороги «Китай—Кыргызстан—Узбекистан» на участке на территории КР // Президент Кыргызской Республики. 14 сентября 2022. URL: https://www.president.kg/ru/sobytiya/23329_v_samarkande_podpisano_soglashenie_o_sotrudnichestve_po_proektu_stroitelstva_gheleznoy_dorogi_kitay_kirgizstan_uzbekistan_na_uchastke_na_territorii_kr (дата обращения: 26.04.2023).

² Так, доля СПГ в общем объеме импорта природного газа Китаем составила в 2021 г. 65 %, тогда как доля трубопроводного газа — только 35 % [Лексютина, с. 44].

³ В 2018 г. между Казахстаном и Китаем было достигнуто соглашение об увеличении экспорта казахстанского газа в Китай до 10 млрд куб.м газа в год в период 2019—2023 гг.

поставлено 43,2 млрд куб. м природного газа¹ (в то время, как пропускная способность газопровода достигает 55 млрд куб. м), и в отдельные месяцы заявленные поставки газа срывались, вызывая нервозность Пекина. Так, на протяжении 2022 г. Узбекистан неоднократно временно прекращал экспорт газа в Китай (например, о прекращении поставок было заявлено в январе, ноябре, декабре 2022 г.). Оценочно, в 2022 г. Узбекистан сократил поставки газа в 3 раза относительно объемов 2021 г., и объемы экспорта природного газа составили только 3,3 млрд куб. м² (против 10 млрд куб. м экспортной квоты).

В 2022 г. Казахстан также временно приостанавливал экспортные поставки газа (преимущественно в зимние месяцы) и недобирает свою экспортную квоту в Китай. Экспорт газа составил около 4,6 млрд куб. м газа, что на 36 % меньше, чем в 2021 г.³

Проявившаяся в 2022 г. крайняя нестабильность экспортных поставок газа в Китай и курс Узбекистана и Казахстана на прекращение экспорта газа не может не беспокоить Пекин (особенно на фоне непредсказуемой ситуации на мировых энергетических рынках после начала СВО России на Украине). В течение 2020—2022 гг. было сделано несколько заявлений официальных лиц Узбекистана и Казахстана и представителей отрасли о планах этих государств сократить или вовсе прекратить экспорт газа в целях удовлетворения растущих внутренних потребностей. Премьер-министр Узбекистана А. Арипов, в частности, еще в 2020 г. объявил о намерении прекратить экспорт газа и перейти на полную переработку газа к 2025 г.⁴ Освободившиеся объемы газа планируется направить на производство дополнительной электроэнергии и развитие газохимического производства в Узбекистане. В Казахстане происходит постепенное сокращение добычи газа при стремительном росте внутреннего спроса на него, что обостряет вопрос о перенаправлении экспортных поставок на удовлетворение

¹ China-Central Asia gas pipeline transports 43.2 bln cubic meters of gas in 2022 // Xinhua. January 7, 2023. URL: <https://english.news.cn/20230107/be12f0fcb2e84a289a376ef205cc2249/c.html> (accessed: 25.04.2023).

² Узбекистан даже полностью прекратил экспорт газа, настолько не хочет газотранспортного союза с РФ и РК? // Neftegaz.RU. 8 декабря 2022. URL: <https://neftegaz.ru/news/gazoraspreделение/762088-uzbekistan-polnostyu-prekratil-eksport-gaza/?ysclid=lh0dya7hrd83128991> (дата обращения: 26.04.2023).

³ Казахстан не будет экспортировать газ зимой 2023/2024 гг. из-за роста потребления // Neftegaz.RU. 28 февраля 2023. URL: <https://neftegaz.ru/news/transport-and-storage/771599-kazakhstan-ne-budet-eksportirovat-gaz-zimoy-2023-2024-gg-iz-za-rosta-potrebleniya/> (дата обращения: 26.04.2023).

⁴ Узбекистан планирует прекратить экспорт газа к 2025 году // Газета.uz. 18 января 2020. URL: <https://www.gazeta.uz/ru/2020/01/18/gas-export/> (дата обращения: 20.04.2023).

внутренних нужд. Весной 2022 г. глава Минэнерго Казахстана Б. Акчулов предупредил, что к 2025 г. Казахстан начнет испытывать дефицит газа¹, если не прекратит его экспорт.

Ситуация с Туркменистаном, на сегодняшний день крупнейшим наряду с Россией поставщиком газа в Китай, также в некоторой степени неопределенная. С одной стороны, Туркменистан предпринимает меры по диверсификации своего газового экспорта. Если несколько лет назад Китай был единственным покупателем туркменского газа, то сейчас на туркменский газовый рынок снова вернулись Россия и Иран, прорабатываются проекты газовых свопов с участием Ирана (с 2022 г. уже реализуется газовый своп с Азербайджаном через Иран), газопровода «Туркменистан—Афганистан—Пакистан—Индия» (хотя здесь есть определенные сложности в связи с положением в Афганистане, а также Транскаспийского газопровода. В декабре 2022 г. Туркменистан подписал с Узбекистаном первый прямой, хотя и краткосрочный контракт на поставку газа². С другой стороны, в 2022 г. между Туркменистаном и Китаем были возобновлены ведущие уже, по меньшей мере, на протяжении десятилетия [Грозин, с. 43—44] переговоры относительно строительства четвертой ветки газопровода «Центральная Азия—Китай» пропускной способностью 30 млрд куб. м в год, способной вывести объем поставок туркменского газа в Китай на уровень, достигающий 65 млрд куб.м ежегодно. Пока еще остается интригой то, сумеет ли Китай договориться с Туркменистаном о строительстве четвертой ветки газопровода «Центральная Азия—Китай» ввиду современной ориентации Туркменистана на диверсификацию его газового экспорта.

Помимо энергетической безопасности, достаточно остро для Пекина стоит вопрос обеспечения продовольственной безопасности, что также находит отражение во взаимодействии Китая с Центральной Азией. Постепенно, хотя не так быстро, как хотелось бы центральноазиатским государствам, китайский рынок открывается для продукции растениеводства и животноводства из Центральной Азии. Снятие различных фитосанитарных ограничений на доступ соответствующей продукции в Китай требует сложной кооперации между Китаем и странами региона. Важным направлением также стало на-

¹ Казахстан не будет экспортировать газ зимой 2023/2024 гг. из-за роста потребления // Neftegaz.RU. 28 февраля 2023. URL: <https://neftgaz.ru/news/transport-and-storage/771599-kazakhstan-ne-budet-eksportirovat-gaz-zimoy-2023-2024-gg-iz-za-rosta-potrebleniya/> (дата обращения: 17.04.2023).

² Ранее Узбекистан покупал туркменский газ опосредованно у Газпрома.

учно-техническое сотрудничество в сельскохозяйственном секторе. Китай, чьи северо-западные регионы (в том числе СУАР и пров. Ганьсу) климатически близки странам Центральной Азии, демонстрирует готовность передавать свой опыт, знания и технологии в области развития сельского хозяйства. В фокусе усилий Китая сейчас находится вопрос организации производства удобрений в Центральной Азии с участием китайских инвесторов (в частности, такие переговоры ведутся с Киргизией и Узбекистаном).

И, наконец, повышенное внимание Пекин уделяет улучшению имиджа Китая в Центральной Азии, и в этой сфере также заметна смена акцентов. Продолжая сталкиваться с синофобными настроениями среди населения стран Центральной Азии (особенно сильно они проявляются в Казахстане и Киргизии), иногда приводящими к срыву китайских проектов в регионе, Пекин совершенствует инструментарий своей публичной дипломатии. В дополнение к Институтам Конфуция в регионе создаются китайские культурные центры. Новым трендом стало создание специализированных центров профессионального обучения — мастерских Лу Баня. Такие центры, призванные содействовать профессиональному обучению местного населения преимущественно стран — участниц Инициативы «Пояс и путь» и соответственно способствовать созданию новых рабочих мест для местного населения, стали открываться Китаем с 2016 г. По состоянию на сентябрь 2022 г. было создано 20 мастерских в 19 странах. Первая мастерская Лу Баня в Центральной Азии была создана в Таджикистане — при Таджикском техническом университете. В октябре 2022 г. мастерская открылась в Ташкентском государственном транспортном университете в Узбекистане. В сентябре 2022 г. принципиальная договоренность о создании мастерской была достигнута с Казахстаном. Договоренности об открытии мастерской Лу Баня были достигнуты даже с Туркменистаном (на базе Международного университета нефти и газа имени Ягшыгелди Какаева, МУНиГ), в котором, кстати, не представлены Институты Конфуция. Высоким символизмом обладает достигнутая Китаем и Казахстаном договоренность о взаимном безвизовом режиме и расширении дипломатической сети (открытие генеральных консульств в Сиане и Актобе). Отмена визовых требований облегчит обмен кадрами, работу бизнеса, ориентированного на встречное взаимодействие, и пр.

В целом, со второй половины 2022 г., по мере снижения опасности со стороны пандемии COVID-19, Китай форсированно приступил к укреплению своих позиций в Центральной Азии. При этом достаточно четко прослеживается поиск Пекином новых подходов и инструментария проникновения в регион, продиктованный стремлением

не потерять темп и инициативу в разворачивающейся «Большой игре» великих держав в Центральной Азии, адаптироваться к меняющемуся политическому региональному ландшафту (обусловленному сменой политических элит и национальных стратегий стран Центральной Азии), снять остроту синофобных настроений в регионе как затрудняющих реализацию китайских интересов, содействовать решению стоящих перед Китаем на текущем этапе магистральных задач в области экономического развития (обеспечение энергетической и продовольственной безопасности, стабильности глобальных цепочек поставок, развитие альтернативных транспортных коридоров и пр.).

Библиографический список

Грозин А.В. Внешнеэкономическая политика Китая в Центральной Азии: достижения и проблемы в энергосекторе // *Геоэкономика энергетики*. 2022. № 2 (18). С. 34—61. DOI: 10.48137/26870703_2022_18_2_3

Каукенов А. Экономика казахстанской синофобии // ИАЦ МГУ. 28 марта 2021. URL: <https://ia-centr.ru/experts/adil-kaukenov/ekonomika-kazakhstanskoy-sinofobii/?ysclid=lh0ql66t1t860474256> (дата обращения: 24.04.2023).

Лексютина Я.В. Производство и экспорт российского СПГ: роль и место Китая // *Геоэкономика энергетики*. 2022. № 3 (19). С. 37—52. DOI: 10.48137/26870703_2022_19_3_37.

Притчин С.А. «Большая игра 2.0» в Центральной Азии на современном этапе // *Мировая экономика и международные отношения*. 2022. Т. 66. № 6. С. 112—123. DOI: 10.20542/0131-2227-2022-66-6-112-123.

References

Grozin, A.V. (2022). Vneshneekonomicheskaya politika Kitaya v Tsentral'noi Azii: dostizheniya i problemy v energosektore [China's Foreign Economic Policy in Central Asia: Achievements and Challenges in the Energy Sector], *Geoekonomika energetiki [Geoeconomics of Energetics]*, 2(18): 34—61. DOI: 10.48137/26870703_2022_18_2_3. (In Russian).

Kaukenov, A. (2021). Ekonomika kazakhstanskoi sinofobii, *IA-Centr.RU*. URL: <https://ia-centr.ru/experts/adil-kaukenov/ekonomika-kazakhstanskoy-sinofobii/?ysclid=lh0ql66t1t860474256>. (accessed: 24 April, 2023). (In Russian).

Leksyutina, Ya.V. (2022). Proizvodstvo i eksport rossiiskogo SPG: rol' i mesto Kitaya [Production and export of Russian LNG: the role and place of China], *Geoekonomika energetiki [Geoeconomics of Energetics]*: 3(19): 37—52. DOI: 10.48137/26870703_2022_19_3_37. (In Russian).

Pritchinn, S.A. (2022). “Bol'shaya igra 2.0” v Tsentral'noi Azii na sovremennom etape [The Grate Game 2.0 in Central Asia at the present stage], *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 6: 112—123. DOI: 10.20542/0131-2227-2022-66-6-112-123. (In Russian).

Е.В. Махмутова

О НОВОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ МЕХАНИЗМЕ КИТАЯ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Аннотация. Китай и страны Центральной Азии выходят на новый уровень взаимоотношений на фоне сохраняющейся международной напряженности и активизации американской дипломатии в регионе. 2022 год прошел под знаком празднования 30-летия установления дипломатических отношений между КНР и странами Центральной Азии (ЦА), в связи с чем был проведен онлайн-саммит на уровне глав государств. А в мае 2023 г. состоялся первый очный саммит Китай—Центральная Азия, ознаменовавший собой новый этап в отношениях между сторонами.

Ранее отношения между КНР и странами региона не были институционализированы в рамках особого форума: они развивались как в двустороннем формате в рамках китайской инициативы «Пояс и путь», так и в составе ШОС, куда также входят и другие крупные региональные «игроки», такие как Россия, Индия, Пакистан. Однако теперь стороны договариваются о создании нового прямого механизма кооперации, который призван стать регулярной диалоговой площадкой для прямого взаимодействия сторон. В связи с этим важным представляется изучить специфику взаимодействия на треке Китай—Центральная Азия, институциональный потенциал нового диалогового формата и его отличия от уже существующих площадок взаимодействия.

В статье анализируется текущее состояние отношений стран региона и Китая, отмечается все более растущая экономическая зависимость центральноазиатских государств от китайских инвестиций. Рассматривается динамика отношений на фоне растущего давления на КНР и на Центральную Азию со стороны западных политических

сил, опасаящихся обхода Китаем и странами ЦА антироссийских санкций. Автор отмечает актуальность новой переговорной площадки, однако полагает, что она не станет сопоставимой альтернативой уже существующим форматам. На среднесрочную перспективу ее ключевая задача — расширение существующих цепочек кооперации, углубление китайского проникновения в экономику Центральной Азии, а для центральноазиатских «игроков» — диверсификация международно-политических форматов, в которых они принимают участие, параллельное развитие нескольких переговорных треков.

Ключевые слова: Китай, Центральная Азия, интеграция, экономика, Инициатива «Пояс и путь», санкции, параллельный импорт, инвестиции, безопасность.

Автор: *Махмутова Евгения Викторовна*, кандидат политических наук, доцент Департамента политологии Факультета социальных наук и массовых коммуникаций Финансового университета при Правительстве РФ (адрес: Москва, Ленинградский проспект, 49). ORCID 0000-0002-9712-5023. E-mail: evmakhmutova@fa.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Ye. V. Makhmutova

About China's new political mechanism in Central Asia

Abstract. China and the Central Asian countries are entering a new level of relations against the backdrop of continuing international tensions and the intensification of American diplomacy in the region. The 2022 is marked by the celebration of the 30th anniversary of the diplomatic relations between China and Central Asian countries. An online summit at the level of heads of state was devoted to that, and in May 2023 the first China-Central Asia face-to-face summit was held, marking a new stage in relations between the parties. Previously, relations between the PRC and the countries of the region were not institutionalized within the framework of a special forum, they developed both in a bilateral format, within the framework of the Chinese Belt and Road Initiative, and as a part of the SCO, which also includes other major regional “players” such as Russia, India, and Pakistan. However, the parties agree on the new mechanism of cooperation to become a regular dialogue platform for direct interaction between the parties. In this regard, it is important to study the specifics of interaction on the China-Central Asia relations and the institutional capacity of the new dialogue format as well.

The article analyzes the current state of relations between the countries of the region and China, and notes the growing economic dependence of the Central Asian states on Chinese investments. The article examines the dynamics of relations against the background of growing pressure on

both China and Central Asia from Western political forces due to their fears of circumvention of anti-Russian sanctions. The article notes the relevance of the new negotiation platform. However, it is noted that it will not become a comparable alternative to existing formats. In the medium term, its key task is to expand existing cooperation chains, to deepen Chinese participation in the economy of Central Asia. And for Central Asian “players” it is important to diversify international political formats, in which they take part, along with already existing ones.

Keywords: China, Central Asia, integration, economy, Belt and Road Initiative (BRI), sanctions, parallel import, investments, security.

Author: Evgeniya V. MAKHMUTOVA, Ph.D. (Political Sciences), Associate Professor, Department of Political Science, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation (address: Moscow, Leningradsky Prospekt, 49). ORCID 0000-0002-9712-5023. E-mail: evmakhmutova@fa.ru

Conflict of interests. The author declares the absence of conflict of interests.

Введение

Страны Центральной Азии (ЦА) с момента обретения независимости стали объектом пристального внимания со стороны внешних игроков. И несмотря на то, что Центрально-Азиатский регион остается традиционной сферой влияния России, конкуренция за него со стороны других крупных акторов растет. Среди наиболее заметных внешних сил регионального политического поля — Китай и США. И если Китай реализует в целом последовательную политику в отношении центральноазиатской пятерки, а именно сохраняет стабильный интерес к региону, то США с момента начала СВО России на Украине заметно активизировали свою региональную дипломатию, не пренебрегая и угрозами применения вторичных санкций в отношении стран Центральной Азии.

Однако США делают ставку не только на возможное ослабление связи между Россией и странами региона, но и на снижение там влияния Китая, для которого Центральная Азия — не просто региональный сосед, но и важный элемент долгосрочной Инициативы «Пояс и путь».

Обострение геополитической ситуации, вызванное российской специальной военной операцией на Украине, и повлекшей за собой беспрецедентное политическое и экономическое давление на Россию со стороны стран Запада, обусловили рост глобального внимания к

политическим процессам на постсоветском пространстве и в Центральной Азии в частности.

Кейс Украины стал критичным, однако некоторые процессы, происходившие на Украине до 2022 г., можно наблюдать и в Центрально-Азиатском регионе. Трансформируется культурно-гуманитарная политика в этих странах, открываются возможности для более активного вхождения внешних игроков в экономическую, энергетическую, инвестиционную сферы [Великая, 2020, с. 237]. Одним из активных внешних игроков в Центральной Азии по-прежнему остается Китай, однако если до последнего времени его стратегия в отношении ЦА заключалась в реализации концепции «стран сообщества единой судьбы», ставшей идеологической рамкой для «Пояса и пути», то в 2022 г. уже можно говорить о запуске процесса формирования полноценной центральноазиатской стратегии КНР.

Несмотря на то, что Китай на протяжении всего 2022 г. держал некоторую политическую и информационную дистанцию относительно российско-украинского конфликта, его позицию по этой теме трудно назвать пассивной. Так, в частности, Пекин выступил с собственной мирной инициативой, в публичных выступлениях китайских официальных лиц неоднократно звучала мысль об ответственности стран Запада, и главным образом США, за подпитку милитаристского сценария. Поэтому значимость Центральной Азии в текущих напряженных геополитических условиях определяется не только транспортно-логистической составляющей в рамках «Пояса и пути», но и стремлением не допустить опасного для Китая расползания американского влияния по постсоветскому пространству и сближения ЦА с США.

Исследовательская задача статьи заключается в ответе на следующий вопрос: почему при существующих высоких темпах экономического проникновения Китая в регион, развитой сети проектов по добыче ресурсов, инфраструктурных и гуманитарных проектов, высокой динамике двусторонних контактов, активной кооперации по линии ШОС возникла потребность в создании нового кооперационного механизма по линии «Китай—Центральная Азия» и станет ли этот механизм альтернативой существующим региональным форматам?

Характеристика отношений Китая и стран Центральной Азии

Отношения Китая и стран Центральной Азии обусловлены главным образом экономическими интересами. Согласно данным национальной статистики КНР, товарооборот с центральноазиатской пя-

теркой за 2022 г. вырос на 40 %, а с января по апрель 2023 г. он увеличился еще на 22 %, что при сохраняющейся динамике позволяет прогнозировать выход на новый рекорд по годовому товарообороту¹. Для Центральной Азии Китай — один из ключевых торгово-экономических партнеров² помимо России. При этом доля стран ЦА во внешнеторговом обороте Китая настолько мала, что находится в пределах статистической погрешности, а сальдо их торгового баланса с КНР устойчиво отрицательное.

Структура центральноазиатского экспорта в Китай представлена, главным образом, нефтегазовыми ресурсами, а также золотом и алюминием. КНР, в свою очередь, поставляет на рынки региона продукцию с высокой добавленной стоимостью: автомобили, причем не только поддержанные марки американских и европейских производителей, как это было ранее, но и машины собственного производства, автозапчасти, оборудование, электронику, одежду [Рахимов, Парамонов, 2021, с. 60].

Китай остается одним из крупнейших инвесторов в экономику стран региона³. Согласно данным Евразийского банка развития, Китай опережает Россию по объемам прямых иностранных инвестиций. Причем основными направлениями как раз являются страны Центральной Азии: Казахстан (нефтегаз и трубопроводный сектор), Кыргызстан (золотодобыча и нефтепереработка), Таджикистан (золотодобыча, цементный бизнес).

В свою очередь, в самом Китае значимые инвестиции осуществляются только российскими ТНК. Как видно из статистики ЕАБР, Китай сохраняет заинтересованность преимущественно в добывающем секторе и энергоресурсах региона. Однако, как отмечает Я.В. Лексютина, одним из приоритетов КНР, особенно после запуска Инициативы «Пояс и путь», становится развитие инфраструктурного потенциала региона, сети авто- и железных дорог для транспортировки китайских товаров на Запад [Лексютина, 2022, с. 309].

Такая трансформация обусловлена не только запросами китайской Инициативы и ее транзитной составляющей, но и рядом сопут-

¹ Китай и страны Центральной Азии демонстрируют высокий уровень торговли — министр коммерции КНР. URL: <https://russian.news.cn/20230419/070e05e8815345e0a7fd0ca6b4269a80/c.html> (дата обращения: 01.05.2023).

² Согласно данным национальной статистики стран Центральной Азии, в 2022 г. удельный вес Китая в общем объеме товарооборота достигал в отдельных случаях 30 % (Кыргызстан). Наибольший рост демонстрировал также Туркменистан.

³ Мониторинг взаимных инвестиций ЕАБР-2022. URL: https://eabr.org/upload/iblock/85f/EDB_2022_Summary_Monitoring-of-Mutual-Investments_rus.pdf (дата обращения: 01.05.2023).

ствующих факторов — созданием Евразийского экономического союза и рестрикциями на ввоз китайских товаров в центральноазиатские страны ЕАЭС, отсутствием перспектив создания зон свободной торговли со странами Центральной Азии, а также невысокой покупательной способностью населения региона.

Тем не менее, в 2022—2023 гг. Китай активно развивал все отрасли, находящиеся в фокусе своих интересов, особенно в таких областях, как геологоразведка, добыча нефти и ее переработка, цифровые технологии. Продолжается реализация проектов в сфере строительства автомобильных и железных дорог. Так, на полях саммита ШОС в Самарканде (2022 г.) было подписано соглашение о сотрудничестве по флагманскому проекту железной дороги «Китай—Кыргызстан—Узбекистан».

Сохраняется и развивается сотрудничество между сторонами и в сфере безопасности. Одним из приоритетных направлений остается Таджикистан, обладающий самой протяженной из всех стран Центральной Азии границей с Афганистаном и потому выполняющий своего рода роль буферной зоны для КНР.

Китай участвует в модернизации старых и строительстве новых погранзастав вдоль таджикско-афганской границы, а также строит базу таджикского спецназа в Горно-Бадахшанской автономной области. Кроме того, страны региона активно взаимодействуют с Китаем в рамках многосторонних и двусторонних учений, отрабатывая борьбу с терроризмом. И для Китая, и для стран Центральной Азии в равной степени важны и актуальны вопросы, связанные с внутренней безопасностью и недопущением событий в духе «цветных революций». Об этом, в частности, Си Цзиньпин говорил в своем поздравительном обращении к главам Центральной Азии по случаю 30-летия установления дипотношений¹. Именно деполитизация двусторонних отношений определяет комплиментарный характер диалога между руководством КНР и элитами стран Центральной Азии. Китай публично не увязывает свою готовность сотрудничать с Центральной Азией с вопросами политического характера, как это делают западные страны (соблюдение прав человека, прозрачность выборов, снижение экономических контактов с Россией и другие похожие требования).

¹ Полный текст выступления Председателя КНР Си Цзиньпина на виртуальном саммите, посвященном 30-летию установления дипотношений между Китаем и 5 странами Центральной Азии. URL: <https://russian.cgtn.com/n/BfJIA-EA-GEA/EIbJAA/index.html> (дата обращения: 01.05.2023).

Китай активно продвигает свои культурные программы и языковые курсы в рамках якорного китайского проекта — Институты Конфуция; в Центральной Азии их сегодня насчитывается 13. Несмотря на то, что коронавирусные ограничения фактически привели к тому, что возможностей учиться в Китае для центральноазиатских студентов стало меньше, привлекательность китайского высшего образования по-прежнему сохраняется, особенно с учетом растущего в регионе числа китайских предприятий.

Однако, несмотря на то что «мягкая сила» на центральноазиатском треке занимает важное место во внешней политике Китая, она все еще остается только дополнением к китайской экономической «экспансии» и сталкивается с довольно ощутимыми внутренними барьерами. Среди таковых — ограниченное число китайских предприятий в Центральной Азии, где можно использовать китайский язык, разность менталитетов и культур, отдельные случаи синофобии [Махмутова, 2022, с. 273].

Перспективы китайского формата «С+С5»

Формат, предложенный Китаем для Центральной Азии, не является уникальным. В регионе уже существуют аналогичные группы контактов стран Центральной Азии с США, Японией, Индией. С 2022 г. можно говорить и о появлении подобного российского формата. 14 октября 2022 г. в Астане состоялся первый саммит «Россия—Центральная Азия», посвященный 30-летию установления дипломатических отношений России со странами региона.

Примечательно, что ранее Россия выстраивала отношения с центральноазиатской пятеркой на двусторонней основе, что упрощало коммуникацию и позволяло решать сложные вопросы тет-а-тет. Теперь же, когда конкуренция за регион снова активизируется, Россия выходит на новый этап отношений со своими традиционными партнерами.

В марте 2023 г. была принята новая Концепция внешней политики России, некоторые положения которой в определенной степени применимы и к ЦА, несмотря на то, что Центральная Азия не выделяется в документе в отдельное направление¹. В частности, в Концепции говорится о том, что Россия будет стремиться укреплять миро-

¹ Концепция внешней политики РФ от 31.03.2023. URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/> (дата обращения: 30.04.2023).

творческий и антикризисный потенциал ООН и ОДКБ. Именно в Центральной Азии уже сегодня существуют ситуации, в которых потенциально могут быть применены оперативные силы ОДКБ, например, пограничный конфликт между Кыргызстаном и Таджикистаном. В качестве приоритетного направления работы в ближнем зарубежье в Концепции выделяется пресечение инспирирования «цветных революций» и иных попыток вмешательства во внутренние дела союзников и партнеров России.

Таким образом, Россия фактически намерена сохранить за собой роль гаранта безопасности высокого уровня в Центральной Азии, тем более, что другие крупные игроки в регионе не создали сопоставимых по влиянию и наполнению форматов безопасности.

В 2022 г. страны Центральной Азии стали объектом особого информационного давления со стороны западных «игроков», прежде всего США, для которых тесное торгово-экономическое сотрудничество государств ЦА с Россией несет в себе угрозу обхода антироссийских санкций и, соответственно, снижения их эффективности. Американские власти неоднократно указывали на недопустимость параллельного экспорта в Россию подсанкционных товаров под угрозой вторичных санкций. За 2022—2023 гг. американские элиты неоднократно посещали страны региона для прояснения их позиции по текущей геополитической проблематике.

С февраля 2022 г. официальные лица США заметно активизировали контакты с руководителями центральноазиатских государств как в сфере экономики, так и в области военного сотрудничества. Так, например, осенью 2022 г. власти США объявили о том, что начинают работу со странами региона по поиску альтернативных маршрутов поставок товаров из Центральной Азии на внешние рынки в обход России и что цель американской региональной политики — помимо обещанного финансирования демократических преобразований — оторвать экономики стран Центральной Азии от России. В практическом плане это выражалось в разнообразных визитах американских высокопоставленных лиц в Центральную Азию, а формат C5+1 собирался с 2022 г. не один раз — сначала на полях Генассамблеи ООН в Нью-Йорке, а затем в Астане уже во время центральноазиатского турне госсекретаря США Э. Блинкена. Характерно, что американская сторона подчеркивала важность данного визита именно в годовщину начала СВО, с одной стороны, обозначая недопустимость обхода санкций, с другой — обещая выделить странам региона до 50 млн долл. в качестве компенсационных мер.

На этом фоне стремление Китая создать новую диалоговую площадку с Центральной Азией выглядит как фиксация существующего в регионе тренда. Однако можно предположить, что саммит «Китай—Центральная Азия» внесет свой вклад в поддержание региональной безопасности. В условиях глобальной турбулентности развитие контактов между Центральной Азией и Китаем имеет большое значение для мирного развития региона. На повестке дня в вопросах безопасности, обозначенных лидерами Китая и стран центральноазиатского региона, — борьба с тремя силами зла — терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом. Все эти угрозы в равной степени актуальны как для государств региона, так и для Китая, поэтому обсуждение их в более тесном формате — в целом логичное решение.

Для самих стран Центральной Азии китайская интеграционная политика имеет большее значение, нежели политика США. Тем более, что Вашингтон, в отличие от России и Китая, в рамках формата С5+1 ограничивается представительским уровнем госсекретаря и ниже, в то время как российский и китайский форумы состоялись на уровне глав государств. Это свидетельствует о большей значимости трека для региональной политики России и КНР, нежели для США, которые, судя по заниженному дипломатическому представительству, не намерены переходить к более глубокому принципиальному сближению с регионом.

В то же время можно отметить, что Россия и Китай выступают с близких позиций относительно региональной повестки, которая по большинству вопросов расходится с американским, а зачастую и турецким подходом [Притчин, 2022, с. 120]. Китай намерен концептуализировать свои отношения с Центральной Азией, придать им особые институциональные рамки. Тем более, что в планах Пекина — реализация крупных проектов в гуманитарной и туристической сферах, среди которых — создание «большой семьи» для расширения культурного общения, включение стран Центральной Азии в китайские программы выездного туризма, увеличение квот в китайских вузах для студентов из региона, а также готовность предоставить 500 млн долл. в течение трех лет для осуществления социально-значимых проектов в Центральной Азии¹.

Для России создание новой китайской диалоговой площадки в Центральной Азии в целом не является вызовом при условии усиления динамики взаимных контактов и дальнейшего развития торго-

¹ Полный текст выступления Председателя КНР Си Цзиньпина на виртуальном саммите...

во-экономических отношений. По-прежнему актуальными остаются такие форматы, как ЕАЭС, ОДКБ, ШОС, СВМДА (Совещание по взаимодействию и мерам доверия в Азии), где есть возможность согласовать насущные вопросы повестки в расширенном составе. В то же время Китай демонстрирует готовность «снять с паузы» свою региональную политику после пандемии COVID-19 и сложностей с реализацией отдельных инфраструктурных проектов [Гарбузарова, 2021, с. 62], и в год 10-летия Инициативы «Пояс и путь» обновить ее, придав ей более институционализированный характер на центральноазиатском треке. Тем более, что напряженная внешнеполитическая обстановка усиливает значение Центральной Азии для Китая как важного звена в решении глобальных экономических задач, особенно в контексте нарастающего противостояния с США.

Заключение

Итак, рассмотрев текущее состояние отношений между Китаем и странами Центральной Азии в контексте сохраняющейся международной напряженности, можно прийти к следующим выводам относительно нового диалогового формата КНР с государствами региона.

Во-первых, значение Китая в экономической жизни стран Центральной Азии растет, в отдельных случаях показатели по торговле и инвестициям превышают российские. Это демонстрирует взаимную заинтересованность и центральноазиатской пятерки, и КНР в сохранении тесной коммуникации, развитии проектов в рамках Инициативы «Пояс и путь», создании новых рабочих мест на предприятиях с китайским участием в странах региона, развитии культурно-гуманитарного и туристического сектора, что особенно актуально для Китая после продолжительной политики «нулевой терпимости к коронавирусу».

Во-вторых, важным фактором, стимулирующим встречное сближение и без того тесных партнеров, стало политико-информационное давление на Центральную Азию и Китай со стороны коллективного Запада главным образом США. Принимая во внимание вновь возросший интерес американского руководства к государствами ЦА (но не как к самостоятельным субъектам международных отношений, а лишь как к потенциальным «перевалочным пунктам» доставки подсанкционных товаров в Россию), Китай встречным образом активизирует свою региональную дипломатию в целях недопущения его вытеснения из Центральной Азии.

В-третьих, предложенный механизм «С+С5» не отменяет уже существующие форматы взаимодействия КНР со всеми пятью государствами Центральной Азии как в многосторонних форматах, так и на двусторонней основе. Создание нового механизма — это в том числе стремление соответствовать тренду, особенно с учетом того, что внутри самой Центральной Азии пусть и медленно, но уже ощутимо формируется собственное интеграционное начало, прежде всего, путем объединения усилий стран региона для решения старых проблем (в энергетике, некоторых приграничных споров, в транспортно-логистической сфере и др.).

Библиографический список

Великая А.А. Проблемы и перспективы развития гуманитарного сотрудничества на постсоветском пространстве // Постсоветские исследования. 2020. № 3(3). С. 235—241.

Гарбузарова Е. Внешняя политика стран Центральной Азии: итоги 30-летнего развития // Центральная Азия и Кавказ. 2021. Т. 24. Вып. 24. С. 52—65. DOI: <https://doi.org/10.37178/ca-c.21.4.05>.

Лексютина Я.В. Контуры экономического присутствия Китая в Центральной Азии // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2020. № 25(25). С. 305—320. DOI: 10.24411/2618-6888-2020-10018.

Махмутова Е.В. Китайская «мягкая сила» в Центральной Азии: перспективы и ограничители // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2022. № 27(27). С. 268—283. DOI: 10.48647/IFES.2022.14.85.014.

Притчин С.А. «Большая игра 2.0» в Центральной Азии на современном этапе // Мировая экономика и международные отношения. 2022. № 6(66). С. 112—123. DOI: 10.20542/0131-2227-2022-66-6-112-123.

Рахимов М.А., Парамонов В.В. Сравнение экономических отношений России и Китая со странами Центральной Азии // Россия и мир: научный диалог. 2021. № 1(1). С. 52—66. DOI: 10.53658/RW2021-1-1-52-66.

References

Garbuzarova, E. (2021). Vneshnyaya politika stran Central'noj Azii: itogi 30-letnego razvitiya [Foreign policy of the Central Asian countries: results of the 30 years of independence], *Central'naya Aziya i Kavkaz [Central Asia and the Caucasus]*, Vol. 24: 24: 52—65. DOI: <https://doi.org/10.37178/ca-c.21.4.05>. (In Russian).

Leksytina, Ya. V. (2020). Kontury ekonomicheskogo prisutstviya Kitaya v Central'noj Azii [Contours of China's economic presence in Central Asia], *Kitaj v mirovoj i regional'noj politike. Istoriya i sovremennost' [China in world and regional politics. History and modernity]*, Vol. 25:25: 305—320. DOI: 10.24411/2618-6888-2020-10018. (In Russian).

Mahmutova, E. (2022). Kitajskaya «myagkaya sila» v Central'noj Azii: perspektivy i ogranichiteli [Chinese soft power in Central Asia: perspectives and limits], *Kitaj v mirovoj i regional'noj politike. Istorija i sovremennost'* [China in world and regional politics. History and modernity], Vol. 27: 27: 268—283. DOI: 10.48647/IFES.2022.14.85.014. (In Russian).

Pritchins, S. (2022). «Bol'shaya igra 2.0» v Central'noj Azii na sovremennom etape [Big game 2.0. in Central Asia nowadays], *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [World economy and international relations], Vol. 6: 66: 112—123. DOI: 10.20542/0131-2227-2022-66-6-112-123. (In Russian).

Rahimov, M.; Paramonov, V. (2021). Sravnenie ekonomicheskikh otnoshenij Rossii i Kitaya so stranami Central'noj Azii [Comparing economic relations between Russia and China with Central Asia], *Rossiya i mir: nauchnyj dialog* [Russia and the world: scientific dialog], Vol. 1:1: 52—66. DOI: 10.53658/RW2021-1-1-52-66. (In Russian).

Velikaya, A. (2020). Problemy i perspektivy razvitiya gumanitarnogo sotrudnichestva na postsovetском prostranstve [Problems and perspectives of the development of humanitarian cooperation on the Post-Soviet area], *Postsovetskie issledovaniya* [Post-Soviet studies], Vol. 3:3: 235—241. (In Russian).

Т.М. Мамахатов

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ КИТАЯ СО СТРАНАМИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Аннотация. Сразу после обретения странами Центральной Азии независимости (в начале 1990-х годов) Китай начал развивать с ними отношения, основанные на принципах взаимного уважения, добрососедства, дружбы, взаимовыручки и взаимовыгодного сотрудничества.

На сегодняшний день китайская Инициатива «Пояс и путь» (ИПП) является крупнейшим проектом не только в азиатском регионе, но и во всем мире. ИПП охватывает как исторические регионы Шелкового пути, так и «новые» территории, соединяя огромное пространство через всю Евразию и далее. Ключевая роль в Инициативе отдана Центрально-Азиатскому региону (ЦАР) как началу Пути, маршруту прохождения китайских товаров и технологий на Запад.

Ныне Пекин расширяет свое влияние в регионе, действуя через национальные структуры, налаживая связи с местной политической элитой, приспосабливаясь к обстановке страны-реципиента, адаптируя и принимая на вооружение местные традиции, нормы и практики. Такой курс являет собой удачный пример тактического «наступления» Китая, одновременно служа механизмом достижения его стратегической цели в странах ЦАР, а именно — успешной реализации ИПП.

Существует ряд вопросов, требующих разрешения в интересах эффективности взаимодействия стран Центральной Азии и Китая.

Среди них на первом месте находится недостаточность транспортной и экономической инфраструктуры, а также проблема социального расслоения и межнациональной, межэтнической напряженности на территориях, наиболее отстающих в экономическом развитии, а также в приграничных, спорных районах.

В обмен на инвестиции и технологии и содействие в реализации инновационных проектов на своей территории страны региона предлагают природные и энергетические ресурсы, что весьма важно ввиду возрастающих ресурсных запросов Китая под натиском бурного экономического развития страны.

Включение ЦАР в Инициативу «Пояс и путь» является ключевым фактором для формирования двусторонних цепочек поставок товаров и ресурсов, особенно в энергетической сфере. Китай уже давно стал основным внешнеторговым партнером стран Центральной Азии с несбалансированностью структуры товарооборота, присущей экономически неравновесному партнерству.

Ключевые слова: Китайская Народная Республика, экономическое сотрудничество, экономика, Центральная Азия, Инициатива «Пояс и путь».

Автор: *Мамахатов Тлеш Муратович*, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Центра «Россия, Китай, мир» Института Китая и современной Азии РАН (адрес: 117977, Москва, Нахимовский пр-т, 32). ORCID 0000-0001-7212-6831.

E-mail: tmmamakhatov@gmail.com

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации в Институте Китая и современной Азии РАН.

T.M. Mamakhatov

Prospects of the development of China's relations with Central Asian countries

Abstract. Immediately after the declaration of the independence of the Central Asian countries (in the early 1990s), China began to develop relations with them based on the principles of mutual respect, good neighborliness, friendship, mutual assistance and mutually beneficial cooperation.

To date, the Chinese Belt and Road Initiative (BRI) is the largest project not only in the Asian region, but also around the world. The BRI covers both the historical regions of the Silk Road and the “new” territories, connecting a huge space across Eurasia and beyond. A key role in the Initiative is given to the Central Asian Region (CAR) as the beginning of the Road, the route for Chinese goods and technologies going to the West.

Now Beijing is expanding its influence in the region, acting through national structures, establishing ties with the local political elite, adapting to the situation of the recipient countries, adapting and adopting local traditions, norms and practices. Such a course is a good example of China's tactical “offensive”, while simultaneously serving as a mechanism for achi-

eving its strategic goal in the Central Asian countries, namely, the successful implementation of the BRI.

There are a number of issues that need to be resolved in the interests of effective interaction between the Central Asian countries and China.

Among them, in the first place is the deficit of transport and economic infrastructure, and at the same time, the problem of social stratification and interethnic tension in the regions most lagging behind in economic development, as well as those located in border and disputed regions.

In exchange for investments and technologies, the implementation of joint innovative projects on the territory of the CAR, the countries of the region offer their natural and energy resources, which are very important in the context of China's further increasing energy demands due to the country's intensive economic development.

The inclusion of the CAR in the Belt and Road Initiative is a key factor for building bilateral supply chains of goods and resources, especially in the energy sector. For a long time China has been the main trade partner of the Central Asian countries with an imbalanced trade turnover inherent in an economically unbalanced partnership.

Keywords: People's Republic of China, economic cooperation, economy, Central Asia, Belt and Road Initiative (BRI).

Author: Tlesh M. MAMAKHATOV, PhD (Economics), Senior Research Fellow, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences (address: 32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117997, Russian Federation). ORCID 0000-0001-7212-6831.

E-mail: tmmamakhatov@gmail.com

Conflict of interests. The author declares that there is no conflict of interests.

Support. The article was prepared at the Institute of China and Contemporary Asia of the RAS within the framework of the State assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation.

Сотрудничество Китая со странами Центральной Азии

Китайский капитал увеличивает свое участие в энергетических проектах в ЦАР практически во всех сферах, но особенно — в добыче и разведке углеводородного сырья. На сегодня можно выделить четыре основных направления сотрудничества Китая и стран Центральной Азии, а именно: энергетическая политика, экономическое сотрудничество, региональная безопасность и гуманитарное сотрудничество.

При интеграции стран Центральной Азии в ИПП в первую очередь речь идет о расширении и углублении сотрудничества в энергетической сфере, далее — о расширении торговли и в целом многоуровневого интеграционного взаимодействия.

Кроме углеводородов, можно отметить сотрудничество и в сфере иных энергоресурсов, таких как гидроэнергия и альтернативные источники энергии. В обмен на свои энергоресурсы страны ЦАР получают доступ к китайским высоким технологиям, а также возможность учреждения на их территориях совместных с китайской стороной предприятий.

Проект «Пояс и путь» предполагает расширение связуемости (*connectivity*) между азиатским, европейским и африканским континентами, а также развитие инфраструктуры в омывающих их морях для укрепления и совершенствования партнерских отношений между странами, включенными в проект.

Таким образом, участие центральноазиатских стран позволит расширить их торгово-экономические связи с основным коммерческим партнером Китая — Европой благодаря созданию нового торгового маршрута через регион, позволяющего сократить сроки доставки грузов по железной дороге из Китая через Синьцзян-Уйгурский автономный район в Восточную Европу до 11 дней.

Чтобы добиться поставленных целей, китайской стороне необходимо решить целый ряд задач, в число которых входит обеспечение инфраструктурной взаимосвязи стран — участниц ИПП и беспрепятственности их взаимной торговли, а также финансовая согласованность и политическая координация.

Государственная поддержка и финансирование — это первое, на что опираются китайские внешнеэкономические инстанции в деле обеспечения госкомпаниям из КНР благоприятных переговорных позиций, в том числе и по ценовой политике. За последние 10 лет потребность Китая в энергии выросла в 3 раза больше чем в среднем по миру, что, конечно же, обостряет вопрос энергоснабжения в стране, делая его ключевой проблемой национальной безопасности. Месторождения нефти и газа Каспия и Центральной Азии находятся в центре внимания Пекина, и диверсификация импорта энергоресурсов остается одним из надежных механизмов реализации стратегии энергобезопасности КНР [Аникин].

Благодаря общей границе протяженностью более 3300 км, Китай и страны ЦА являются близкими и давними соседями. С Запада к Китаю примыкают Казахстан, Кыргызстан и Таджикистан, а уже через их территории Китай соседствует с Туркменистаном и Узбекистаном, также играющими для Китая немаловажную роль.

Постоянное укрепление сотрудничества между Китаем и странами Центральной Азии в области строительства инфраструктуры выгодно не только в рамках двустороннего, но и многостороннего со-

трудничества, в котором выигрывают все стороны — и Китай, и страны Центральной Азии.

Заинтересованные в участии в Инициативе «Пояс и путь» страны Центральной Азии одна за другой наращивают с Китаем сотрудничество в области инфраструктуры. Так, Казахстан и Китай совместно возводят необходимую инфраструктуру для Инициативы «Пояс и путь». А Узбекистан и Китай подписали «Меморандум о взаимопонимании по укреплению сотрудничества в области строительства инфраструктуры» и «Соглашение о сотрудничестве по строительству малых и средних гидроэлектростанций в Республике Узбекистан», «Правительственное соглашение о международных автомобильных перевозках» и другие документы, направленные на постоянное содействие сотрудничеству предприятий из Китая и стран Центральной Азии в области инфраструктуры и гидроэнергетики на основе рыночных принципов. Судя по всему, Китай и государства ЦАР сделали свой стратегический выбор, направленный на наращивание сотрудничества, и потому можно утверждать, что взаимодействие сторон в области инфраструктуры имеет еще большие перспективы, а навязываемый Западом принцип «игры с нулевой суммой» будет заменен принципами взаимовыгодности и со-развития [Россия—Китай, с. 95].

Существует большая взаимная заинтересованность между Китаем и странами ЦА в налаживании сотрудничества также и в новых областях. В последние годы страны Центральной Азии проявляют пристальное внимание к развитию инновационных отраслей. Например, Узбекистан и Туркменистан намерены приложить серьезные усилия к развитию солнечной энергетики и электронной и IT-промышленности. Производственные масштабы и технический уровень Китая в таких передовых областях, как солнечная фотоэлектрическая энергия, информационные технологии и электронные коммуникации, являются ведущими в мире. Функционирует целый ряд китайских транснациональных компаний, которые уже занимают лидирующие позиции на рынках многих стран.

Географическая близость стран ЦАР и Китая благоприятствует транспортировке энергоресурсов как по трубопроводам, так и наземным путем. Это экономит время и снижает транспортные затраты. Таким образом, коммерческая выгода для всех сторон представляется очевидной.

Китай много лет является крупнейшим торговым партнером стран ЦАР: в 2022 г. объем торговли между Китаем и странами региона достиг максимальной отметки в более чем 70 млрд долл. А в первом

квартале 2023 г. китайско-центральноазиатский товарооборот вырос на 22 % по сравнению с соответствующим периодом прошлого года¹.

Центральная Азия является для Китая ценным поставщиком продуктов сельского хозяйства — пшеницы, соевых бобов, фруктов и сухофруктов, мясной продукции.

ЦАР важен для Китая и как транзитная территория. Так, в 2022 г. более 65 тыс. поездов из Китая проследовали в Европу, перевезя свыше 6 млн контейнеров с грузами общей стоимостью 300 млрд долл. Почти 80 % всех грузовых поездов из КНР проходили через территорию стран Центральной Азии.

Успешно развивается гуманитарное сотрудничество между Китаем и странами Центральной Азии. 62 города и ряд провинций Китая установили побратимские отношения с городами Центральной Азии. Сторонами планируется увеличить число городов-побратимов до 100 в ближайшие 10 лет. Также проводятся совместные форумы дружбы народов Китая и государств ЦАР.

Начиная с 2004 г. Китаем были открыты 13 Институтов Конфуция и 24 класса Конфуция в странах Центральной Азии, с количеством обучающихся свыше 18 тыс. человек. При этом постоянно увеличивается число студентов из ЦАР в самом Китае. Так, с 2010 по 2018 г. количество центральноазиатских студентов, обучающихся в Китае, увеличилось с 11 930 до 29 885 человек. КНР стала одной из ведущих стран получения образования для молодежи из стран Центральной Азии. Резкий рост числа центральноазиатских студентов произошел в Китае в 2022 г. после снятия ограничений на въезд, вызванных пандемией. Для борьбы с самой пандемией Китай предоставил странам региона на безвозмездной основе 57,1 млн доз вакцин.

Препятствия для интеграции стран Центральной Азии в проект «Пояс и путь»

На пути к успешной интеграции в проект ИПП страны Центральной Азии сталкиваются с рядом проблем, требующих разрешения. Одна из них — плачевное состояние транспортной и энергетической инфраструктуры в регионе.

¹ В фокусе внимания Китая / Сотрудничество Китая и стран Центральной Азии в цифрах. URL: <https://russian.news.cn/20230517/cf9102fdc6bb4de7b2498f100df1f3ac/c.htm> 1 (дата обращения: 15.05.2023).

В настоящее время страны ЦАР сформулировали стратегии развития и энергично принялись за реформирование транспортного сектора, также они при помощи Китая расширяют активность по сооружению инфраструктуры, включая строительство новых дорог и модернизацию старых, а также создание вспомогательных объектов обслуживания.

Государства региона ведут строительство и новой энергетической инфраструктуры — тепловых электростанций, ГЭС и насосных станций. Модернизируются телекоммуникационные и водоснабженческие сети [Mamakhatov, Mallah, p. 660].

Следующая проблема обусловлена фактором многонациональности региона, а именно связанными с ней проявлениями этнического и религиозного экстремизма. Это подвергает серьезному риску безопасность ЦАР и его соседей. Различные экстремистские и террористические силы в Центральной Азии создают угрозу дестабилизации и на глобальном уровне. Неустойчивость социально-экономической обстановки в регионе оказывает неблагоприятное влияние на состояние сотрудничества стран ЦАР с Китаем. Немалое значение здесь имеет так называемый уйгурский вопрос в КНР.

Следующая проблема — это серьезный разрыв в уровне социально-экономического развития между странами ЦАР, а также между ними и Китаем. Этот разрыв с годами только углубляется, чему способствует неравномерное с географической точки зрения распределение региональных и трансрегиональных ресурсов.

Взаимодействие Китая со странами Центральной Азии позволит региону изыскать дополнительные средства и возможности развития их экономик, в частности энергетики. Энергетическое сотрудничество Китая с государствами ЦАР, а также кооперация в области транспортной инфраструктуры, способствуют достижению более высоких темпов роста центральноазиатской экономики, поскольку страны региона получают доступ к капиталам и передовым знаниям, а также обретают в лице Китая новый вектор для диверсификации их энергоэкспорта.

Важной целью страны Центральной Азии ставят выработку свода правил сотрудничества, базирующегося на соблюдении экологических стандартов и разумного баланса природоохранных интересов и экономических выгод и т. д. То есть, сотрудничество стран в Центральной Азии может благоприятствовать активному развитию энергетических возможностей в регионе и вокруг него. Именно поэтому все большее число стран вовлекается в развитие кооперации по линии Экономического пояса Шелкового пути (проект ЭПШП).

«Водная проблема» в отношениях между странами ЦАР, периодически обостряясь, тоже является средоточием противоречий, требующих разрешения. Урегулирование соответствующих вопросов должно проходить на путях укрепления доверия между заинтересованными странами, а также расширения их экономической взаимодополняемости. Отсутствие прогресса на данном направлении способно «раскачать» конфликтогенность в регионе.

Кроме всего перечисленного, к проблемам, требующим решения, следует отнести разногласия между странами ЦАР, связанные с приграничными и межэтническими конфликтами (например, на кыргызско-таджикской границе). Необходима совместная выработка государствами региона концепции разрешения подобных конфликтов на основе открытости и сотрудничества, в частности путем создания в странах ЦАР особо благоприятных условий для взаимных инвестиций.

Далее, должны быть решены проблемы в сфере трудовых лицензий, управления и организации экономической деятельности с участием зарубежных компаний, включая китайские.

Особым, международно-политическим, вопросом является взвешенный учет роли в регионе США и других внерегиональных «игроков», например, Турции, которые усматривают в Китае жесткого конкурента. Соперничество третьих держав на центральноазиатском поле повышает риски раскачивания ситуации в ЦАР.

Заключение

На сегодняшний день Центральная Азия прочно входит в орбиту интересов КНР, новым свидетельством чего является прошедший в конце мая 2023 г. саммит «Китай—Центральная Азия» (г. Сиань, КНР), которому придается большое значение и Пекином, и центральноазиатскими столицами. На нем стороны подтвердили приверженность созданию китайско-центральноазиатского сообщества единой судьбы.

Во время проведения этого двухдневного саммита было подписано более 20 двусторонних и многосторонних документов, обсуждены механизмы сотрудничества и совместного решения международных и региональных проблем. Последнее обстоятельство представляется особо важным в свете того, что осуществление проекта ИПП и успех социально-экономического развития ЦАР и его отношений с Китаем так или иначе связаны с урегулированием группы конфликтов, прошлых и даже новых, очаги которых лежат на линии прохождения

«Пояса и пути». Разрядка напряженности, совершенствование диалога между странами — участницами Инициативы видятся мощным инструментом ее реализации.

Библиографический список

Аникин В. И. О роли и возможностях России, ЕАЭС, Китая в реализации проекта «Большого евразийского партнерства» // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. 2019. № 2-2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-roli-i-vozmozhnostyah-rossii-eaes-kitaya-v-realizatsii-proekta-bolshogo-evraziyskogo-partnerstva> (дата обращения: 29.07.2022).

Россия—Китай: отношения на рубеже 20-летия «Большого договора» / отв. ред. А.С. Давыдов, С.В. Уянаев; Рос. акад. наук; Ин-т Китая и совр. Азии РАН. М.: ИКСА РАН, 2022. 208 с.

References

Anikin, V. I. (2019). On the role and opportunities of Russia, the EAEU, and China in the implementation of the “Greater Eurasian Partnership” project // Greater Eurasia: development, security, cooperation: 2-2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-roli-i-vozmozhnostyah-rossii-eaes-kitaya-v-realizatsii-proekta-bolshogo-evraziyskogo-partnerstva> (accessed: 29 July, 2022). (In Russian).

Russia — China: Relations at the turn of the 20th anniversary of the “Big Treaty” / ed. A.S. Davydov, S.V. Uyanayev; *Russian Academy of Sciences; Institute of China and contemporary Asia RAS, Moscow: ICCA RAS*, 2022: 208 p. (In Russian).

* * *

Mamakhatov, T.M.; Mallah, J.M. (2021). The role of the SCO countries in ensuring China's energy security, *RUDN Economic Journal*: 29: 4: 653—663.

В.Я. Портяков

СЛЕДУЮЩАЯ ЗА КИТАЕМ — ИНДИЯ? (СТАНЕТ ЛИ ИНДИЯ ТРЕТЬИМ ПОЛЮСОМ ТРЕХПОЛЮСНОГО МИРА?)

Аннотация. Специальная военная операция России в Украине дала толчок активным рассуждениям о возможных переменах в нынешнем мироустройстве. Очевидно, что США стремятся укрепить свое доминирование в мире за счет открытой конфронтации с Китаем в геополитике и технологиях и укрепления сплоченности с союзниками по НАТО и другими. Китай продолжает наращивать свою мощь, в том числе благодаря укреплению военного сотрудничества с Россией, продвигая при этом идею об активном формировании многополярной структуры международных отношений. Россия, указывающая на неизбежность скорого перехода к многополярности, по мнению некоторых наблюдателей, может столкнуться с риском ослабления своей комплексной национальной мощи по причине сложности ее международного положения. Место РФ в будущем миропорядке, как, впрочем, и место большинства других стран, особенно развивающихся, пока не выглядит определенным. В этой ситуации стала весьма активно обсуждаться идея о готовности Индии к роли третьего полюса грядущего трехполюсного мироустройства — Китай—США—Индия. В представленном материале рассмотрены аргументы за и против реализации подобных индийских притязаний, в том числе через призму китайского фактора.

Ключевые слова: Индия, Китай, трехполюсный мир, мировые лидеры.

Автор: *Портяков Владимир Яковлевич*, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Центра политических исследований и прогнозов Института Китая и современной Азии РАН (адрес: 117977, Москва, Нахимовский пр-т, 32).
ORCID 0000-0001-9188-2341. E-mail: p481nov@mail.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации в Институте Китая и современной Азии РАН.

V. Ya. Portyakov

India: next to China?

(Will India become the third pole of a three-pole world?)

Abstract. Russia's special military operation in Ukraine has given rise to active discussions about possible changes in the current world order. It is obvious that the United States seeks to strengthen its dominance in the world through open confrontation with China in geopolitics and technology and strengthening cohesion with NATO allies and others. China continues to increase its power (might), including through strengthening military cooperation with Russia, and promoting the idea of an active formation of a multipolar structure of international relations. It may seem, that Russia, which points to the inevitability of an imminent transition to multipolarity, faces the risk of weakening its comprehensive national power due to the complication of its international position. Its place in the future world order, as well as that of most other countries, especially in the global South, still looks uncertain. In this situation, the idea of India's readiness for the role of the third pole of the future three-pole world order has become very actively discussed. The presented material examines the arguments for and against the implementation of such claims in practice, including through the prism of the Chinese factor.

Keywords: India, China, tripolar world, world leaders.

Author: Vladimir Ya. PORTYAKOV, Dr.Sc. (Economics), Professor, Chief Research Fellow, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences (address: 32, Nakhimovskiy Av., Moscow, 117997, Russian Federation). ORCID 0000-0001-9188-2341.

E-mail: p481nov@mail.ru

Conflict of interests. The author declares the absence of the conflict of interests.

Support. The article was prepared at the Institute of China and Contemporary Asia of the RAS within the framework of the State assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation.

В ситуации неопределенности относительно характера формирующегося будущего миропорядка заметный интерес представляют рассуждения известного сингапурского дипломата Кишора Махбубани *о готовности Индии к роли третьего полюса грядущего трехполюсного мироустройства*, обнародованные в газете *India Today* 14 января

2023 г., а затем размещенные в материалах Национального университета Сингапура [Mahbubani]. О месте России Махбубани умалчивает, но, похоже, он намеренно не рассматривает ее в составе «ядра системы международных отношений» (в такое ядро, согласно популярному в изданиях МГИМО тезису, в последние 20—30 лет наряду с США и Китаем входит и Россия) (см., например [Политический атлас современности, 2007, с. 186]).

По мнению Махбубани, ныне Индия находится в наиболее выигрышном геополитическом положении за все 75 лет ее независимости и вполне может позиционировать себя в качестве единственной по-настоящему независимой глобальной силы. И именно в такой силе сегодня нуждается мир, и именно этот выбор должна предпочесть Индия, а не становиться союзником США, хотя внешне это и выглядит более легким выбором, якобы не имеющим плохих последствий.

Индия, полагает сингапурский дипломат, имеет абсолютно законное право стать еще одним постоянным членом Совета Безопасности ООН. Поддержка ее членства в СБ ООН со стороны все большего числа стран станет еще более интенсивной, если Индия будет расцениваться как независимая держава. По его мнению, сегодня именно Индия является достаточно сильной и компетентной, чтобы претендовать на роль неприсоединившегося — ни к Китаю, ни к США — третьего полюса мира.

Действительно, на протяжении последних лет Нью-Дели достаточно стойко противостоит давлению Вашингтона, который без конца «обхаживает» Индию. В этом контексте подчас демонстрируемую готовность Нью-Дели к взаимодействию с форматом *QUAD* можно расценить как его тактическую уступку запросам Вашингтона, позволяющую стране оставаться самостоятельной в стратегических вопросах.

На пользу Нью-Дели играют сегодня даже прохладные отношения с Китаем: чтобы служить ориентиром для многих стран, особенно в колеблющемся развивающемся мире, Индия должна иметь собственную систему ценностей. Возможно, именно по этим соображениям Нью-Дели не стал форсировать сближение с Китаем и Россией в формате РИК. Более того, после неподдельного интереса к взаимодействию в рамках РИК в первые годы его становления Нью-Дели в последнее время явно охладел к этой структуре.

Вместе с тем, *Индия четко демонстрирует готовность играть весомую роль в тех форматах, которые позволяют подчеркнуть значимость страны во всей системе международных отношений.* Так, в январе 2023 г. Индия провела онлайн-саммит «Голос глобального Юга»,

открывший год председательства страны и в «Большой двадцатке». В целях повышения роли страны в международной жизни Индия взяла на вооружение новый механизм — линию на все более широкое участие в различных альянсах и структурах (см. [Шедров]). Возможно, и этим обстоятельством также можно объяснить присоединение Индии к *QUAD*.

Индия не только выходит в авангард мировой политики, но и является одним из лидеров по темпам экономического роста (в последние два года — 6,8 и 6,7 %) и занимает 5-е место по абсолютным размерам ВВП (вслед за США, Китаем, Японией и Германией). Объявлено и о выходе Индии на позиции мирового лидера по численности населения. Серьезным аргументом индийской «мягкой силы» является многочисленная зарубежная индийская диаспора, нередко занимающая ключевые позиции в административном управлении, финансах и торговле тех или иных государств.

Не следует недооценивать и экономический потенциал самой Индии, ее модернизаторский и инновационный настрой. Еще в начале нынешнего века экономисты-индологи констатировали, что привычная для традиционной модели развития картина меняется на глазах: «если раньше критерием успеха в индийской промышленности было получение лицензии через знакомство с Радживом Ганди, взятки бюрократам или связи в Дели, то теперь, как и во всем мире, успех приходит в результате более эффективного производства лучшей продукции. Индийская промышленность становится нормальной» [Economic Policy Reforms and the Indian Economy, p. 158].

Судя по параметрам последнего по времени проекта бюджета страны, Индия всерьез ориентируется на поступательное преодоление своих инфраструктурных и социальных слабостей, что необходимо для достижения поставленной цели — стать к 2047 г. развитым государством [Колгушкина].

Для жителей Индии всех социальных слоев и религиозных верований типичны высокий уровень самоуважения, массовый характер представлений о своей стране как о великой державе с богатым историческим наследием [Лунев, 2002]. Цивилизационные претензии Нью-Дели на лидерство подпитываются тем обстоятельством, что Индия, наряду с Китаем, открыто считает себя интеллектуальной столицей древнего мира, а значит, и претчей современной цивилизации.

Дополнительную опору претензиям Индии на статус великой державы и, возможно, третьего полюса трехполюсного мира, создаст активизация ее сотрудничества с США в высоких технологиях. Перво-

начально об этом договорились Н. Моди и Дж. Байден в мае 2022 г., а в начале 2023 г. конкретное соглашение было достигнуто¹. США все-рез рассчитывают перенести «мастерскую мира» из Китая в Индию.

В пользу Индии говорит и ее продвижение в табели ведущих торговых держав, где ранее она занимала достаточно слабые позиции. В 2021 г. экспорт товаров Индией составил 375 млрд долл. (1,8 % мирового экспорта), а импорт — 573 млрд долл. (2,5 % мирового импорта). Показатели России были, соответственно, 494 млрд долл. (2,2 %) и 304 млрд долл. (1,31 %)².

В 2022 г. с введением новых санкций против России разрыв в объемах внешней торговли между РФ и Индией увеличился еще больше: экспорт товаров Россией составил 532 млрд долл., а импорт — 240 млрд долл. У Индии эти показатели были соответственно 453 и 723 млрд. Кратный перевес в пользу Индии сохранился в торговле услугами: экспорт 313 млрд у Индии и 51 млрд долл. у России; импорт — 263 млрд у Индии и 71 млрд долл. у России³.

Все это делает претензии Дели на превращение страны в «третий полюс» трехполюсного мира достаточно основательными. Похоже, что за эту позицию Индия будет соперничать в обозримом будущем прежде всего с Россией. Возможно, именно в данном контексте некоторые индийские политологи открыто высказывают сомнения в способности России играть позитивную роль в региональном балансе в Азии, указывая на ее экономические слабости и недостаточную проработанность российской стратегии в регионе [Капур].

Впрочем, прежде чем **соперничать** с Россией за **геополитическое влияние в АТР и Азии**, Индии необходимо усилить свои позиции в Южной Азии и Индо-Тихоокеанском регионе. Похоже, что по комплексной мощи Индия уверенно превзошла своего долговременного соперника и ближайшего соседа — Пакистан. Ее ВВП примерно вчетверо больше чем у Исламабада, а военные расходы всемеро выше (54,2 и 7,5 млрд долл. соответственно) [Basur].

Китай — основной и традиционный геополитический соперник Индии за влияние в Индо-Тихоокеанском регионе расширяет свое присутствие в Индийском океане, используя механизмы финансово-

¹ *Скосырев В.* США вовлекают Индию в информационную войну против Китая // Независимая газета. 01.02.2023.

² World Trade Statistical Review 2022. URL: World Trade Organization, wtsr_2022_e.pdf (accessed: 02.04.2023).

³ WTO stats. Dashboard. URL: https://stats.wto.org/dashboard/merchandise_en.html (accessed: 15.05.2023).

го стимулирования региональных контрагентов и опираясь на своего проверенного партнера — Пакистан.

Несмотря на то, что Китай пока превосходит Индию по большинству показателей, Нью-Дели предпринимает серьезные шаги, чтобы догнать Пекин в ряде ключевых сфер. Прежде всего речь идет о военно-морском флоте. Пока превосходство Китая здесь заметно, но Индия подтягивается быстрыми темпами. В частности, ответом Индии на вызовы со стороны Пекина стал спуск на воду второго авианосца. Индия поставила в строй (после купленного у России бывшего «Адмирала Горшкова») собственный авианосец *Vikrant*, способный разместить на своей палубе 30 истребителей. Ныне Индия располагает 10-ю эсминцами, 12-ю фрегатами и 20-ю корветами. Китай же строит свой третий авианосец и имеет 48 эсминцев, 43 фрегата и 61 корвет¹.

Сдерживающее воздействие на развитие Индии будет оказывать ее застарелый пограничный спор с Китаем. Его современная фаза берет отсчет с 1959 г. и памятна столкновениями 1962 г. и менее масштабными стычками недавних лет (на плато Доклам и в долине Галван). Китай и Индия держат солидные воинские контингенты в зоне спорной границы. Индия осуществляет меры по улучшению системы слежения за линией фактического контроля, заменяющей границу в Гималаях².

По китайским данным, спорными считаются 33 тыс. кв. км в районе Ладакха (Аксай-Чин, западный участок), 90 тыс. кв. км (индийский штат Аруначал-Прадеш, восточный участок) и 2 тыс. кв. км на центральном участке, который редко попадает в поле зрения и о котором мало что известно [Zhonghua renmin gongheguo waijiao shi, p.64].

Многолетние переговоры о решении пограничного вопроса между Китаем и Индией пока ни к чему не привели, хотя одно время (в 2006 г.) казалось, что соглашение на условиях «каждый владеет тем, что у него есть», близко. В настоящее время главное, что мешает сторонам пойти на уступки, — боязнь потерять лицо и тем самым нанести ущерб своему имиджу великой державы.

Строго говоря, при более тщательном рассмотрении идея Махбубани о логичности претензий Индии на третью позицию в мировой таблице о рангах оказывается не столь уж новаторской. В коллективном сборнике «Мир через 100 лет», подготовленном и изданном Российским советом по международным делам в 2016 г., известный рос-

¹ Скосырев В. США пытаются подорвать связи Индии с РФ. Вашингтон пугает Дели сближением Москвы и Пекина // Независимая газета. 05.09.2022.

² Там же.

сийский индолог Сергей Лунев характеризовал Индию как наиболее вероятного — вместе с США и Китаем — претендента на статус глобального центра влияния, полагая, что «будущее мира будет определяться развитием отношений в треугольнике США—Китай—Индия» [Лунев 2016, с. 137].

Однако не учитывать фактор России в глобальном соревновании за статус мировой державы, что делает Махбубани, — недальновидно. Несмотря на все трудности, переживаемые Россией, нельзя сбрасывать со счетов ее стратегический потенциал и исторически подтвержденную жизнестойкость, включая умение восстанавливать международные позиции. Поэтому похоже, борьба за третье место в рейтинге мировых держав в ближайшие десятилетия предстоит нешуточная.

Библиографический список

Капур Ниведита. Индийская дилемма России. Почему буксует «Большая стратегия» Москвы в регионе // Россия в глобальной политике. 2023. № 2. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/indijskaya-dilemma-rossii> (дата обращения: 30.04.2023).

Колгушкина И.А. Бюджет Индии на 2023—24 финансовый год: курс на «Большую Медведицу» / ИМЭМО РАН. URL: <https://www.imemo.ru/publications/policy-briefs/text/byudzhnet-indii-na-202324-finansoviy-god-kurs-na-bolyshuyu-medveditsu> (дата обращения: 30.04. 2023).

Лунев С.И. От нищего Бхарата к Великой Индии // Мир через 100 лет. Сборник статей. М.: НП РСМД, 2016. С. 132—137.

Лунев С.И. Социально-экономическое развитие крупнейших стран Евразии: цивилизационный контекст // Восток—Запад—Россия. Сборник статей. М.: Прогресс-Традиция, 2002. С. 161—185.

Политический атлас современности. М.: МГИМО-Университет, 2007. 272 с.

Щедров И.Ю. «Эхо» глобального Юга? Индия проводит саммит развивающихся стран / ИМЭМО РАН. URL: <https://www.imemo.ru/publications/relevant-comments/text/echoes-of-the-global-south-india-hosts-developing-countries-summit> (дата обращения: 08.02.2023).

References

Kapur, Nivedita (2023). *Indiyskaya dilemma Rossii. Pochemu buksuet “Bol’shaya strategiya” Moskvy v regione* [The Indian dilemma of Russia. Why Moscow’s “Grand Strategy” in the region is stalling], *Rossiya v global’noi politike [Russia in Global Affairs]*. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/indijskaya-dilemma-rossii> (accessed: 30 April, 2023). (In Russian).

Kolgushkina, I.A. (2023). Biudzhët Indii na 2023—2024 finansovyi god: kurs na “Bol’shuiu Medveditsu” [India’s budget for fiscal year 2023—24: heading for the “Big Dipper”], *MEMO RAS*. URL: <https://www.imemo.ru/publications/policy-briefs/text/byudzhët-indii-na-202324-finansoviy-god-kurs-na-bolyshuyu-medveditsu> (accessed: 30 April, 2023). (In Russian).

Lunev, S.I. (2002). Social’no-ekonomicheskoe razvitie krupneishih stran Evrasii: tsivilizatsionnyi kontekst [Socio-economic development of the largest countries of Eurasia: a civilizational context], *Vostok-Zapad-Rossija. Sbornik statei [East-West-Russia. Collection of articles]*. Moscow: Progress-Tradition: 161—185. (In Russian).

Lunev, Sergey (2016). Ot nishchego bhārata k Velikoi Indii — Mir cherez 100 let. Sbornik statei [From beggar Bharat to Great India — The world in 100 years. Collection of articles]. Moscow: *RSMD [Russian Council for International Affairs]*: 132—137. (In Russian).

Politicheskii atlas sovremennosti [Political Atlas of Modernity]. *Moscow: MGIMO-Universitet*, 2007. 272p.

Shchedrov, I.Yu. (2023). “Ekho” global’nogo Iuga? Indiya provodit sammit razvivaiushchihsia stran [“Echo” of the global South? India hosts Developing Countries Summit], *MEMO RAS*. URL: <https://www.imemo.ru/publications/policy-briefs/text/echoes-of-the-global-south-india-hosts-developing-countries-summit> (accessed: 08 February, 2023). (In Russian).

* * *

Basrur, Rajesh (2023). India and Pakistan: prospect for peace, *IDSS paper: Institute of Defence and Strategic Studies, Rajaratnam School of International Studies, Nanyang Technological University, Singapore*: 18/2023, 28 February.

Economic Policy Reforms and the Indian Economy / ed. by Anne Krueger, *New Delhi: Oxford University Press*, 2002: 377 p.

Mahbubani, Kishore. India can emerge as a third pole. URL: <https://www.indiato day.in/magazine/cover-story/story/20230123-india-can-emerge-as-a-third-pole-kishore-mahbubani-on-geopolitics-in-india2023-2321057-2023-01-13> (accessed: 31 March, 2023).

Zhonghua renmin gongheguo waijiao shi [Diplomatic history of the People’s Republic of China] — Beijing, *Dangdai Zhongguo chubanshe [Contemporary China publishing house]*, 2021: 250 p. (In Chinese).

Muhammad Asif Noor

A HISTORICAL REVIEW OF PAKISTAN'S TIES WITH CHINA UNDER THE FRAMEWORK OF THE 1973 CONSTITUTION

Abstract. Pakistan commemorates the 50th anniversary of promulgating its 1973 Constitution, which symbolizes the country's unwavering commitment to democracy, peace, harmony, and development. This research paper seeks to evaluate the effectiveness of Pakistan's foreign policy over the past 50 years, focusing on its relationship with China within the framework of its 1973 Constitution. The Constitution sets clear foreign policy guidelines, including fostering brotherly ties with Muslim nations, maintaining cordial relationships with neighboring countries, and contributing to global peace and development. Pakistan has been actively engaged in various international initiatives, such as the Organization of Islamic Cooperation (OIC), peace efforts in Afghanistan, and signing international treaties that advance global protocols for peaceful engagement with countries. The Constitution places a high priority on protecting the rights of minorities and prioritizing domestic development while maintaining collaboration with other nations. Pakistan and China have enjoyed a multifaceted and close relationship since 1973, with shared interests in promoting regional stability, economic development, and strategic cooperation. The 1973 Constitution's foreign policy guidelines have played a crucial role in shaping Pakistan's relationship with China. By assessing the successes and challenges of Pakistan-China relations within the context of the Constitution, this paper will provide insights into how Pakistan can continue to strengthen this essential partnership in the coming years.

Keywords: Pakistan, China, the 1973 Constitution, foreign policy, comprehensive and strategic partnership.

Author: Muhammad Asif Noor, Director of the Institute of Peace and Diplomatic Studies (IPDS) (Islamabad, Pakistan) (address: House 387, Street 64, I-8/3, Islamabad, Pakistan); Secretary-General of the Pakistan-SCO Friendship Forum. E-mail: ipd.pakistan@gmail.com

Conflict of interests. The author declares that there is no conflict of interests.

М. Азиф Нур

Отношения Пакистана с Китаем в свете Конституции 1973 года: исторический обзор

Аннотация. Пакистан отмечает 50-летие принятия своей Конституции в 1973 г., которая символизирует непоколебимую приверженность страны демократии, миру, гармонии и развитию. В данной статье предпринимается попытка оценить эффективность внешней политики Пакистана за последние 50 лет и уделяется особое внимание пакистано-китайским отношениям в свете Конституции 1973 г. Конституция устанавливает четкие направления внешней политики страны, включая укрепление братских связей с мусульманскими народами, поддержание дружественных отношений с соседними странами и содействие глобальному миру и развитию. Пакистан активно участвует в различных международных инициативах, таких как Организация исламского сотрудничества, мирные усилия в Афганистане и международные договоры, продвигающие глобальные протоколы мирного межгосударственного взаимодействия. Конституция уделяет первостепенное внимание защите прав меньшинств и отдает приоритет внутреннему развитию при поддержании сотрудничества с другими странами. С 1973 г. Пакистан и Китай поддерживают многогранные и тесные отношения; они разделяют общие интересы по содействию региональной стабильности, экономическому развитию и стратегическому сотрудничеству. Принципы внешней политики Конституции 1973 г. сыграли решающую роль в формировании отношений Пакистана с Китаем. Оценивая успехи и проблемы пакистано-китайских отношений в контексте Конституции, данная статья дает представление о том, каким образом Пакистан может продолжать укреплять это важное партнерство в ближайшие годы.

Ключевые слова: Пакистан, Китай, Конституция 1973 г., внешняя политика, всеобъемлющее стратегическое партнерство.

Автор: Мухаммад АЗИФ НУР, директор Института мира и дипломатических исследований (Исламабад, Пакистан) (адрес: House 387, Street 64, I-8/3, Islamabad, Pakistan); генеральный секретарь Форума дружбы Пакистана и ШОС. E-mail: ipd.pakistan@gmail.com

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Introduction

Pakistan's 1973 Constitution is a significant milestone in its history, marking 50 years since its promulgation and celebrating the federation's success. The Constitution provides a framework for the country's foreign policy, guiding the parliament and executive to pursue domestic and international peace. It reflects the aspirations of the Pakistani public, allowing the government to cultivate positive relationships with its immediate neighbors, Muslim nations across the world, and the global community at large. Over the past five decades, Pakistan has faced numerous challenges, including political instability, economic crises, martial laws, and Constitutional hurdles. Despite these obstacles, the country has diligently sustained its foreign relations, maintaining its commitment to international partners and sending a message to the public that Pakistan is a reliable and credible actor on the world stage, even amidst internal challenges.¹ As we mark the 50th anniversary of the Constitution, it is an opportune time to evaluate the effectiveness of Pakistan's foreign policy under this Constitutional framework over the past half-century and to evaluate the relationship with the People's Republic of China and its engagement in Shanghai Cooperation Organisation as a regional multilateral institution.

One of the most important aspects of Pakistan's foreign policy journey over the past 50 years since the promulgation of the 1973 Constitution has been its relationship with China. The two nations share a multifaceted and close relationship that has evolved over time, with shared interests in promoting regional stability, economic development, and strategic cooperation. The relationship between Pakistan and China has been characterized by mutual trust and respect, with both nations supporting each other on several occasions. The 1970s were a crucial period for Pakistan-China relations, marked by the signing of the Treaty of Friendship, Cooperation, and Good Neighborly Relations in 1972, which laid the foundation for a comprehensive and strategic partnership between the two nations. Since then, Pakistan and China have collaborated on several initiatives, including infrastructure development projects, military cooperation, and economic partnerships.

Pakistan and China have enjoyed a robust relationship over the past seven decades, and the relationship has remained beyond any challenge

¹ Notezai, Muhammad Akbar. The Dilemma of Pakistan's Foreign Policy // *The Diplomat.com*, August 12, 2016. URL: <https://thediplomat.com/2016/08/the-dilemma-of-pakistan-foreign-policy/> (accessed: 08 May, 2023).

and continued to thrive. However, as Pakistan received its solid foreign policy directions through the Constitutional provisions since the promulgation, the relationship with China has witnessed a further booster and upward trajectory during five decades, built on a foundation of mutual interests and cooperation. In recent years, this partnership has grown even stronger, with both nations engaging in high-level exchanges and joint ventures in various fields. China's Belt and Road Initiative (BRI) has been a game-changer in the region, providing Pakistan with significant economic opportunities and access to new markets. The China-Pakistan Economic Corridor (CPEC), a flagship project under the BRI, is a significant example of this cooperation, which aims to connect Pakistan's deep-water port of Gwadar to China's northwestern region of Xinjiang via a network of roads, railways, and pipelines. The project is transforming Pakistan's infrastructure and economy, creating jobs and enhancing regional connectivity.

The Constitution of Pakistan is a binding commitment to protect human life, safeguard civil liberties, promote minority rights, and advance the country's development agenda. These fundamental principles have also guided Pakistan's foreign policy, as the nation has pledged to extend moral and material support to oppressed and marginalized people worldwide. By upholding these principles, Pakistan has established itself as a principled and compassionate actor on the world stage, working tirelessly to promote peace, human rights, and dignity. The visionary leadership of Pakistan's founder, Quaid-e-Azam Muhammad Ali Jinnah played a crucial role in shaping the country's Constitution and foreign policy. Quaid-e-Azam (the Great Leader) believed that Pakistan's foreign policy should be characterized by friendliness and goodwill towards other nations. He emphasized that Pakistan had no aggressive designs against any country. Instead, he advocated for Pakistan to contribute to global peace.

Over the past seven decades, Pakistan has consistently upheld this principle and has developed enduring friendships with nations around the world, including the People's Republic of China. As Pakistan's foreign policy has evolved, it has embraced new practices of diplomacy, including the use of soft power and public diplomacy [Sayed Rahman]. While the country's foreign policy and diplomacy once focused primarily on issues of economy and security during the Cold War, today, they encompass a much broader range of concerns, from culture, cuisine, and sports to religion, people-to-people relations, tourism, and trade diplomacy. Throughout this evolution, the 1973 Constitution of Pakistan has served as a cornerstone for the country's

foreign policy, laying out a clear foundation for its guiding principles under Article 40.

The significance of Pakistan's relationship with China goes beyond economic and strategic interests. The two nations share a deep-rooted friendship strengthened over the years by a shared history of struggle against imperialism and colonialism. China has consistently supported Pakistan on the international stage, including on the Kashmir issue, and both countries have played a crucial role in promoting peace and stability in the region. Furthermore, the two countries share cultural and social ties, with a significant population of Chinese living in Pakistan and vice versa. The China-Pakistan friendship is often called an "all-weather" friendship, reflecting the depth and resilience of their relationship.

The enduring relevance of the 1973 Constitution's foreign policy guidelines can be seen in Pakistan's relationship with China, which has grown stronger over the past 50 years. Both countries share a mutual interest in promoting regional stability, economic development, and strategic cooperation. The 1973 Constitution's emphasis on building brotherly ties with Muslim nations, maintaining cordial relationships with neighboring countries, and actively contributing to global peace and development has significantly shaped Pakistan's relationship with China. Today, Pakistan's foreign policy reflects these ideals, as evidenced by its active engagement in international organizations such as the Shanghai Cooperation Organisation (SCO). The country's foreign policy also prioritizes economic cooperation and regional integration, as demonstrated by its participation in initiatives such as the CPEC and its efforts to deepen ties with Central Asian nations [Sadiq Ullah, Mumtaz Alam, Zulfiqar Ali Baig]. Pakistan's current foreign policy is a testament to the enduring relevance and importance of the guiding principles laid out in the Constitution of 1973.

Constitutional Guide to Foreign Policy

The visionary leadership of the first Governor General and founder of Pakistan, Quaid-e-Azam Muhammad Ali Jinnah, played a pivotal role in shaping the spirit of the Constitution and laying the groundwork for foreign relations. According to Quaid's vision, the guiding principle of Pakistan's foreign policy is rooted in the values of equity, integrity, and mutual regard. Per his guidance, the country is committed to fostering peace, harmony, prosperity, and progress among nations. This philosophy finds expression in

Article 40 of the Constitution, which outlines the fundamental principles of foreign policy.¹

While closely analyzing the Constitutional history of Pakistan, we observe that the 1951 Constitution of Pakistan should have explicitly mentioned the country's foreign policy approach. It primarily focused on the distribution of powers between the federal and provincial governments. The 1965 Constitution of Pakistan, on the other hand, highlighted the country's commitment to international peace and security and the promotion of friendly relations with all nations based on the principles of respect for sovereignty, non-interference in internal affairs, and equality of rights. The Constitution called for establishing a joint defense system with other Muslim countries to promote peace and security in the region.

Regarding differences, the 1956 Constitution did not mention foreign policy at all. In contrast, the 1962 and 1973 Constitutions explicitly highlighted the importance of foreign policy in promoting peace and security at the international level. The 1962 Constitution also emphasized establishing a joint defense system with other Muslim countries [Maryam Khan]. In contrast, the 1973 Constitution focused more on building friendly relations with neighbors and Muslim countries and promoting international cooperation for peace and development. The 1973 Constitution had a more comprehensive and detailed approach to foreign policy compared to the previous Constitutions. The 1973 Constitution² also emphasized the protection of human life, civil liberties, and minority rights in both domestic and foreign policy.

The shift in focus from vague references to international cooperation in the 1951 Constitution to a more detailed section on foreign policy in the 1965 Constitution reflects the growing importance of foreign policy in Pakistan's national discourse. Similarly, the comprehensive framework laid down in the 1973 Constitution suggests that Pakistan had become more mature and strategic in its approach to foreign policy.

Article 40 of 1973 Constitution

In the 1973 Constitution of Pakistan, article 40 is mentioned as “The State shall endeavor to preserve and strengthen fraternal relations among Muslim countries based on Islamic unity, support the common interests of

¹ Foreign Policy — Ministry of Foreign Affairs / Ministry of Foreign Affairs, Government of Pakistan, n.d. URL: <https://mofa.gov.pk/foreign-policy-2/#:~:text=Guiding%20Principles/> (accessed: 08 May, 2023).

² The Constitution of the Islamic Republic of Pakistan / National Assembly of Pakistan. May 31, 2018. URL: https://na.gov.pk/uploads/documents/1549886415_632.pdf / (accessed: 08 May, 2023).

the people of Asia, Africa, and Latin America, promote international peace and security, foster goodwill and friendly relations among all nations and encourage the settlement of international disputes by peaceful means.”¹ This article in the Constitution is one of the most crucial provisions concerning foreign policy. It stresses the importance of promoting fraternal relations among Muslim countries based on the principles of Islamic unity.

The Constitution encourages the Pakistani state to support the common interests of people across continents like Asia, Africa, and Latin America and work towards international peace and security. Additionally, it emphasizes the need to foster goodwill and friendly relations with other states, regardless of their religion or culture. In this context, Pakistan aims to encourage all states to resolve their disputes peacefully, emphasizing the importance of diplomacy and dialogue over the use of force. The Constitutional provisions of the 1973 Constitution illustrate the commitment of Pakistan to the values of peace, respect, and cooperation in its foreign policy approach.²

Apart from article 40, other articles in the Constitution of Pakistan guide and explain the foreign policy of Pakistan. Some of these articles include Article 38(d). This article states that the State shall “promote international peace and security, maintain just and honorable relations between nations, foster respect for international law and treaty obligations in the dealings of organized peoples with one another, and encourage the settlement of international disputes by arbitration. Then there is Article 257. This article states that “when the people of the State of Jammu and Kashmir decide to accede to Pakistan, the relationship between Pakistan and that State shall be determined by the wishes of the people of that State.”³ Then we have Article 259 — This article deals with the territories of Pakistan. It states that “the Constitution shall be construed without prejudice to the status of the territories of Pakistan.” These articles, along with Article 40, guide various aspects of foreign policy, including promoting international peace and security, respecting international law and treaty obligations, settling disputes peacefully, and promoting the economic well-being of the people.

The directives above illustrate that a well-defined ideology guides Pakistan's foreign policy to achieve national goals and objectives. The country places significant emphasis on religious diplomacy with other Muslim nations, as well as economic diplomacy to reap the benefits of trade with neighboring countries, particularly China, and other promising markets such as

¹ The Constitution of the Islamic Republic of Pakistan / National Assembly....

² Ibid.

³ Ibid.

the United States and Europe.¹ These goals are also aimed at projecting a positive and benign image of Pakistan through soft power diplomacy.

Following Pakistan's national goals and objectives, the primary focus of its foreign policy is to ensure peace and stability through international collaboration. Foreign policy further highlights the importance of economic diplomacy, enabling the country to capitalize on the opportunities presented by globalization and to meet the challenges of the 21st century. Additionally, Pakistan's foreign policy aims to protect the country's image as a progressive and moderate society.²

By the Constitution, Pakistan adopts internationally recognized diplomatic norms to govern inter-state relations. These norms include non-aggression, non-interference in internal affairs, respect for sovereignty and territorial integrity, and peaceful settlement of disputes. Pakistan is committed to promoting peace and stability in the region and beyond by adhering to these norms and values.

International Commitments

Pakistan is a signatory to various international conventions, agreements, and treaties that impact its foreign policy. The Constitution of Pakistan lays down the foundation for its foreign policy, and it explicitly states that Pakistan shall conduct its relations with other states following the UN Charter and the norms of international law. Pakistan has also ratified the Vienna Convention on Diplomatic Relations, the Vienna Convention on Consular Relations, and the Geneva Conventions on the Conduct of armed conflict. Pakistan is a member of the UN, the OIC, the SAARC, the Commonwealth, the SCO, and other regional and international organizations that shape its foreign policy. These memberships and commitments have a significant impact on Pakistan's foreign policy and guide its actions on various global issues.

As an important member of the UN, Pakistan has committed to upholding the principles outlined in the UN Charter, which include promoting peace, security, and human rights. Pakistan is playing a constructive role by supporting the cause of the UN and its values. Pakistan, while strongly believing in the multilateral approach to its foreign policy, is one of the founding members of the OIC, which aims to promote solidarity among Muslim

¹ Foreign Policy — Ministry of Foreign Affairs / Ministry of Foreign Affairs, Government of Pakistan, n.d. URL: [https://mofa.gov.pk/foreign-policy-2/#:~:text=Guiding%20Principles/\(accessed: 08 May, 2023\).](https://mofa.gov.pk/foreign-policy-2/#:~:text=Guiding%20Principles/(accessed: 08 May, 2023).)

² Ibid.

countries and safeguard their common interests. Pakistan's continent to promoting free and fair has also led the country to join as a member of the World Trade Organization (WTO). One of the important commitments that Pakistan has made is the CPEC which is a significant infrastructure development project that aims to connect Pakistan's Gwadar Port to China's northwestern region of Xinjiang. These international and regional commitments are based on the principles of the 1973 Constitution and reflect Pakistan's commitment to promoting peace, cooperation, and development domestically and internationally.

Peaceful Neighborhood

Pakistan has demonstrated its commitment to pursuing peace with its neighboring countries, despite inheriting a troubled neighborhood. In the west, Pakistan shares a border with Afghanistan, which has been plagued by terrorism for years. In the east, India has historically been hostile toward Pakistan, seeking its dismemberment. Despite these challenges, Pakistan has fostered cordial relationships with Afghanistan over the years, even helping Afghanistan defeat the imperial Soviet Union and its invasion. This demonstrates Pakistan's determination to maintain peaceful relations with its neighbors and work towards regional stability [Muhammad Fahim Khan and Sajid Ali]. After the 9/11 attacks, Pakistan played a crucial role in assisting Afghanistan in its fight against terrorism. Despite the challenging circumstances and regional instability, Pakistan has maintained cordial relations with Afghanistan. Pakistan has consistently supported Afghanistan in its efforts to achieve peace and stability and has been actively engaged in facilitating the peace process in Afghanistan. In this regard, Pakistan has been instrumental in brokering a peace deal between the Afghan Taliban and the US. It expects the parties to fulfill their commitments to root out terrorism from the region. Pakistan's commitment to promoting a peaceful neighborhood is reflected in its proactive approach toward resolving conflicts and promoting regional stability.¹

Pakistan-China Relations-SCO, CPEC, and Beyond

In 2021, Pakistan and China celebrated the 70th anniversary of establishing diplomatic ties between China and Pakistan, cementing a deep-rooted friendship that has withstood the test of time. Despite changes in the international landscape, the relationship between China and Pakistan has grown into a towering tree with an "All-Weather Strategic Cooperative Partners-

¹ Gul, Ayaz. US Hails Pakistan's Role in Advancing Afghan Peace Process // VOA. September 14, 2020. URL: https://www.voanews.com/a/south-central-asia_us-hails-pakistans-role-advancing-afghan-peace-process/6195885.html (accessed: 08 May, 2023).

hip” firmly established in the hearts of the two nations' peoples.¹ Throughout the tumultuous era of anti-imperialist and anti-colonial movements, China and Pakistan maintained a steadfast bond of mutual empathy and encouragement. It was in the immediate aftermath of Pakistan's independence in 1947 and the foundation of the People's Republic of China in 1949 that the seeds of diplomatic collaboration between the two nations were sown.

In 1951, the two countries formally established diplomatic relations, with Pakistan emerging as a trailblazer in the Islamic world by being among the first nations to recognize the legitimacy of New China. Since then, the relationship between China and Pakistan has only strengthened, propelled by shared aspirations of political sovereignty, economic development, and regional stability. The Bandung Conference made a significant build-up in bilateral relations resulting in high-level visits and exchanges between the two countries, exchanges between countries, and continues building up despite different political systems and economic models. In the 1960s and 1970s, China and Pakistan's relations quickly warmed up due to the changing political climate in South Asia and the world. The signing of the 1963 Boundary Agreement between China and Pakistan paved the way for the further development of their relations [Farhana Kosar].

Pakistan played a crucial role in supporting China during its times of hardship, such as breaking the blockade, regaining its seat in the United Nations, exploring foreign relations, and opening up. Pakistan's position as the first Islamic country to establish diplomatic ties with China allowed it to act as a bridge-builder between China and other Islamic nations, including Iran and Saudi Arabia. In return, China supported Pakistan's independence, sovereignty, territorial integrity, and national dignity, providing it with sincere and selfless assistance for economic and social development. China's unwavering support for Pakistan's national security and dignity has won the hearts of the Pakistani people.

Apart from the 1973 Constitution of Pakistan giving a framework and guidelines for building relations, Prime Minister Zulfikar Ali Bhutto played a significant role in building China-Pakistan relations. Bhutto was the first Pakistani leader to recognize the strategic importance of China in the region and initiated diplomatic efforts to strengthen ties with China. The 1973 Constitution of Pakistan provided a framework for the country's foreign policy direction to engage with the countries for economic cooperation and

¹ Sattar, Huma. China and Pakistan's All-Weather Friendship // *The Diplomat*, March 12, 2015. URL: <https://thediplomat.com/2015/03/china-and-pakistans-all-weather-friendship/> (accessed: 08 May, 2023).

regional integration, which aligned with China's foreign policy objectives.¹ In 1971, when India and Pakistan were at war, China provided critical support to Pakistan, which further strengthened the relationship between the two countries. Bhutto played a key role in establishing a strong bond with China and became the first Pakistani head of state to visit China in 1974. During his visit, the two countries signed several agreements, including a treaty of friendship, which laid the foundation for long-term cooperation. Several high-level visits from both sides followed Bhutto's visit, and China became Pakistan's closest ally in the region.

The 1973 Constitution of Pakistan also provided a legal framework for implementing the CPEC a flagship project of China's BRI. The project aims to connect China's western region to the Gwadar Port in Pakistan through a network of highways, railways, and pipelines. CPEC has the potential to transform the economic landscape of Pakistan and enhance regional connectivity. The project has been described as a game-changer for Pakistan's economy, with the potential to create millions of jobs and attract foreign investment. This year as the BRI is celebrating its decades, and CPEC is thriving. After remaining as an observer in SCO since 2005, in 2017, Pakistan joined SCO as a permanent member. Having 20 % of the world's GDP, 75 % of the world's energy resources, and covering 42 % of the world population with four declared nuclear powers, SCO is growing its presence in the world [Uzma Gul, Sana Zainab, and Maryam Mansoor]. The organization is going through a comprehensive growth and evolutionary process. Apart from primarily focusing on security, the SCO has exceptional potential for deeper economic opportunities between member states. Both countries continued to cooperate at the bilateral and multilateral levels. The relationship has withstood the test of time and has become a cornerstone of Pakistan's foreign policy. The two countries have worked together to promote regional peace and stability, economic cooperation, and people-to-people exchanges [Ibid.]. The CPEC is a testament to the strong bond between the two countries and the potential for long-term collaboration.

Both China and Pakistan share the goal of achieving national rejuvenation and building prosperous societies. Quaid-i-Azam Muhammad Ali Jinnah, the founder of Pakistan, recognized the importance of united efforts in turning ideals into reality, and this has also been laid down by the 1973 Constitution as well. It is widely believed that China-Pakistan cooperation will be key to the success of this mission, leading to a closer community of shared future in the new era. The partnership between China and Pakistan has alre-

¹ The Constitution of the Islamic Republic of Pakistan / National Assembly....

ady yielded significant achievements, ranging from infrastructure development projects like the CPEC to military cooperation and cultural exchanges [Sameer P. Lalvani]. These efforts have not only benefited the people of both countries but also helped to promote regional stability and prosperity. As the two nations continue to work together towards their shared vision of a better future, it is expected that their cooperation will become even more fruitful and beneficial to all.

Conclusion

This research paper has thoroughly examined the critical role played by the 1973 Constitution of Pakistan in shaping the country's foreign policy, particularly in its relationship with China. The paper has explored the historical events that have led to the strengthening of this relationship, from the early days of the Bandung Conference in 1955 to the signing of the CPEC in 2013. The incorporation of Article 40 in the 1973 Constitution has emphasized the importance of fraternal relations among Muslim countries based on Islamic unity, guiding Pakistan's foreign policy with a set of principles and values that have been enshrined in its Constitution.

Despite the challenges posed by its neighbors, Pakistan has remained committed to seeking peaceful relations and played an instrumental role in the region, including helping Afghanistan in its war with the Soviet Union and combat terrorism after 9/11. The paper concludes that Pakistan's relationship with China under the framework of the 1973 Constitution has been one of cooperation and shared benefits, promoting regional and global stability and prosperity. Furthermore, Pakistan's commitment to various international agreements and initiatives, such as the Sustainable Development Goals, demonstrates its willingness to promote global cooperation and address common challenges facing humanity.

Pakistan's foreign policy is guided by a set of principles and values that are enshrined in its Constitution, providing a framework for navigating the complex world of international relations and working towards achieving its national goals and objectives.

Библиографический список / References

Gul, Uzma; Zainab, Sana; and Mansoor, Maryam (2022). Pakistan's Inter-Governmentalist Approach towards SCO in Conetmporary Regional Scenario and Challenges in Pak-SCO Cooperation, *Pakistan Journal of Social Research* 04: 01 (March 31): 865–876. DOI: <https://doi.org/10.52567/pjsr.v4i1.953>

Khan, Maryam (2022). Experiments in Constitutional Design: East-West Symbiosis in United Pakistan, *Social Science Research Network (SSRN) Electronic Journal*. DOI: <https://doi.org/10.2139/ssrn.4174393>

Khan, Muhammad Fahim; and Sajid Ali (2021). Ethnic Conflict and the Political Instability in Afghanistan, *Pakistan Journal of International Affairs*, 4:2 (June 30). DOI: <https://doi.org/10.52337/pjia.v4i2.198>.

Kosar, Farhana (2021). Pak-China Relations: An Analysis, *Pakistan Journal of International Affairs* 4:2 (November 30). DOI: <https://doi.org/10.52337/pjia.v4i2.289>.

Lalvani, Sameer P. (2023). A Threshold Alliance: The China-Pakistan Military Relationship, *United States Institute of Peace*, March 22. URL: <https://www.usip.org/publications/2023/03/threshold-alliance-china-pakistan-military-relationship> (accessed: 08 May, 2023).

Rahman, Sayed (2020). Economic Dimension of China's Foreign Policy towards Pakistan: Late 20th- Early 21st Century, *Pakistan Languages And Humanities Review*: 4: II (December 31): 14—29. DOI: [https://doi.org/10.47205/plhr.2020\(4-ii\)2.2](https://doi.org/10.47205/plhr.2020(4-ii)2.2).

Ullah, Sadiq; Alam, Mumtaz; and Baig, Zulfiqar Ali (2022). CPEC on the Economy of China and Pakistan, *Asia Social Science Academy* :8:3 (September 30): 1—10. DOI: <https://doi.org/10.51600/jass.2022.8.3.1>.

Н.А. Замараева

КИТАЙ ВО ВНУТРЕННЕЙ И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ ПАКИСТАНА (2021—2022 гг.)

Аннотация. Статья посвящена малоизученным аспектам китайско-пакистанских отношений, среди которых: вторая фаза строительства КПЭК, причины отказа Исламабада от участия в американском Саммите демократии, протекционистская роль Китая в вопросе исключения Пакистана из «серого» списка Группы разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег и финансированием терроризма (FATF); взаимодействие Китая с Ассоциацией государств Юго-Восточной Азии как пример для Исламабада экономического сотрудничества со странами АСЕАН на современном этапе (один из приоритетов Исламабада — увеличение объемов экспорта в условиях экономического кризиса).

Геополитическая динамика изменилась в Западной Азии после вывода коалиционных войск США/НАТО из Афганистана в августе 2021 г. США «переключили» свое внимание и влияние на Азиатско-Тихоокеанский регион.

Возрождение альянса *QUAD* и партнерство в области безопасности *AUKUS* — часть усилий США по укреплению антикитайской коалиции.

Исламабад, будучи «всепогодным» партнером Китая, выражает озабоченность Вашингтону растущими стратегическими, военными и экономическими связями США с Нью-Дели, учитывая членство Индии в альянсе *QUAD*, официальная цель которого — гарантия безопасности национальных интересов членов альянса в Индо-Тихоокеанском регионе.

Нарушение США принципа «одного Китая» и дальнейшая милитаризация Тайваня подталкивают Пекин и Исламабад к усилению во-

енного сотрудничества и укреплению позиций в Южно-Китайском море.

Исламабад также оказался в политическом выигрыше ввиду подписания Совместного трехстороннего заявления Китайской Народной Республики, Королевства Саудовская Аравия и Исламской Республики Иран, учитывая многолетние партнерские отношения ИРП с Саудовской Аравией (одним из основных военно-экономических партнеров Пакистана) и Ираном — его ближайшим соседом.

Автор намеренно не включил в статью анализ роли Китая и Пакистана в вопросах урегулирования внутриафганского кризиса в рассматриваемый период, поскольку эта тема требует самостоятельного исследования.

Ключевые слова: Китай, Пакистан, стратегическое партнерство, торгово-экономические отношения, Китайско-пакистанский экономический коридор (КПЭК), китайская Инициатива «Пояс и путь».

Автор: *Замараева Наталья Алексеевна*, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра изучения стран Ближнего и Среднего Востока Института востоковедения РАН (107031, Москва, ул. Рождественка, д. 12). ORCID: 0000-0003-2457-0000 E-mail: olunja@mail.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Статья подготовлена в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (проект № FMNN-2022-0010. Название темы — «Китай во внутренней и внешней политике Пакистана (2021—2023 гг.)» в Институте востоковедения РАН.

N.A. Zamaraeva

China in Pakistan's internal and foreign policy (2021—2022)

Abstract. The article is devoted to little-studied aspects of Sino-Pakistani relations, including: the second phase of building the CPEC, the reasons for Islamabad's refusal to participate in the American Democracy Summit, China's protectionist role in removing Pakistan from the gray list of the Financial Action Task Force on Money Laundering and Terrorism Financing (FATF); China's interaction with the Association of Southeast Asian Nations as an example for Islamabad of economic cooperation with the ASEAN countries at the present stage (one of Islamabad's priorities is to increase exports in the context of the economic crisis).

The geopolitical dynamics have changed in Western Asia since the withdrawal of the US/NATO coalition forces from Afghanistan in August 2021. The US has shifted its focus and influence to the Asia-Pacific region.

The revival of the QUAD alliance and the AUKUS security partnership are part of the US effort to strengthen the anti-China coalition.

Islamabad, being China's "all-weather" partner, expresses Washington's concern about the growing US strategic, military and economic ties with New Delhi, given India's membership in the QUAD alliance, the official goal of which is to guarantee the security of the national interests of the alliance members in the Indo-Pacific region.

The US violation of the "one China" principle and the further militarization of Taiwan are pushing Beijing and Islamabad to strengthen military cooperation and their positions in the South China Sea.

Islamabad also benefited politically from the signing of the Joint Trilateral Statement of the People's Republic of China, the Kingdom of Saudi Arabia and the Islamic Republic of Iran, given Pakistani longstanding partnership with Saudi Arabia (one of Pakistan's main military and economic partners) and Iran, its closest neighbor.

The author deliberately did not include in the article the analysis of the role of China and Pakistan in the settlement of the intra-Afghan crisis in the period under review, since this topic requires independent research.

Keywords: China, Pakistan, strategic partnership, trade and economic relations, China-Pakistan Economic Corridor (CPEC), Chinese Belt and Road Initiative (BRI).

Author: Natalia A. ZAMARAEVA, Ph.D. (History), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (107031, Moscow, st. Rozhdestvenka, 12).

ORCID: 0000-0003-2457-0000. E-mail: olunja@mail.ru

Conflict of interests. The author declares the absence of the conflict of interests.

Support. The article was prepared at the Institute of Oriental Studies of the RAS within the framework of the State assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (project No FMNN-2022-0010 — "China in internal and foreign policy of Pakistan (2021—2023)."

Введение.

Постановка вопроса

Последовательное развитие отношений Китая и Пакистана, «всепогодных железных братьев» являет собой, по мнению двух сторон, пример «уникальной модели братства»¹. Модель формировалась на протяжении десятков лет, и в ее основу стороны заложили, во-пер-

¹ Pakistan, China to form MPs panel for CPEC oversight. URL: <https://tribune.com.pk/story/2281663/pakistan-china-to-form-mps-panel-for-cpec-oversight> (accessed: 28.01.2021).

вых, прагматизм, направленный на защиту национальных интересов, и, во-вторых, — концепцию «единой судьбы».

В региональной политике среди многих контрагентов Китай отдает приоритет именно Пакистану, поскольку видит в двусторонних связях особую стратегическую перспективу¹. Исламабад также называет «краеугольным камнем» своей внешней политики китайского партнера², при этом заявляя об отсутствии планов присоединения к какому-либо блоку, включая китайский³.

Новый этап двусторонних отношений начался в 2015 г. после подписания пакета соглашений, ставшего документарным обоснованием Китайско-пакистанского экономического коридора (КПЭК), предусматривающего комплексное строительство инфраструктурных, энергетических, транспортных и иных объектов. Исламабад рассматривает КПЭК как «спасательный круг» для экономического развития страны⁴, предупреждая, что «любые попытки сорвать реализацию объектов [коридора] недопустимы»⁵.

КПЭК — одно из звеньев китайской Инициативы «Пояс и путь» (ИПП). Озвученный еще в 2013 г. Председателем Си Цзиньпином транспортно-логистический маршрут для продвижения китайских товаров и услуг на мировые рынки включил пакистанский участок в лице КПЭК [Ispahani].

Актуальные проблемы ситуации в АТР и Китай

После XX съезда КПК пакистанский сегмент ИПП получил новое стратегическое звучание благодаря ускоренному полномасштабному вводу в эксплуатацию важных объектов, в первую очередь Западного маршрута от китайского Синьцзяна через пакистанскую про-

¹ New strides in building a closer China-Pakistan community. URL: <https://nation.com.pk/04-Nov-2020/new-strides-in-building-a-closer-china-pakistan-community> (accessed: 04.11.2020).

² Joint Statement between the People's Republic of China and the Islamic Republic of Pakistan. URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/wjdt_665385/2649_665393/202211/t20221102_10799288.htm (accessed: 02.11.2022).

³ Transcript of the Media Briefing by the Spokesperson on Thursday 25 May 2023. URL: <https://mofa.gov.pk/transcript-of-the-media-briefing-by-the-spokesperson-on-thursday-25-may-2023> (accessed: 25.05.2023).

⁴ Pakistan, China to form MPs panel for CPEC oversight. URL: <https://tribune.com.pk/story/2281663/pakistan-china-to-form-mps-panel-for-cpec-oversight> (accessed: 28.01.2021).

⁵ Ibidem.

винцию Белуджистан до порта Гвадар на побережье Ормузского пролива.

Торговая война, развязанная против Пекина еще в 2017 г. президентом США Д. Трампом, ускорила перерастание американо-китайских отношений в глобальное соперничество. Формирование и развитие возглавляемых США альянсов *QUAD* (Австралия, Индия, США, Япония) и *AUKUS* (Австралия, Великобритания, США) в Азиатско-Тихоокеанском регионе ставят цель сдержать экономический подъем Китая. Активная милитаризация Тайваня американским оружием (с 2022 г.) подтвердила, что противостояние США и Китая достигло критического уровня.

Стратегия национальной обороны, опубликованная Пентагоном в октябре 2022 г., охарактеризовала Китай как «наиболее серьезный и системный вызов» национальной безопасности как США, так и свободной и открытой международной системе¹.

В отличие от Вашингтона, который с середины XX в. проводит блоковую политику, в первой четверти XXI в. Пекин опередил время, анонсировав концепцию «Сообщества единой судьбы человечества», подразумевающую формирование «единых судеб» со странами Азии, Африки, Латинской Америки. Инструментом Китай выбрал формат стратегического сотрудничества, а не соперничества, при этом он успешно сочетает дипломатическое посредничество при урегулировании многолетних конфликтов с наработками своей «мягкой силы».

Ввиду быстрых изменений в геополитической ситуации в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР), дипломатическая активность Китая последних лет «подчинена» поиску гарантий безопасности транспортировки товарных потоков и энергоносителей из одного из основных источников углеводородного сырья — монархий Персидского залива, а также из Западной Азии и центральноазиатских республик.

В документе под названием «Гегемония США и ее опасности», подготовленном внешнеполитическим ведомством Китая, подчеркивается, что «Соединенные Штаты усилили политику блоков и разожгли конфликты и конфронтацию. Они превысили разумные пределы концепции национальной безопасности, злоупотребили практикой экспортного контроля и навязали другим односторонние санкции; прибегли к избирательному подходу к международному праву и правилам, используя или отвергая их по своему усмотрению, стремясь навязать правила, которые отвечают их собственным инте-

¹ National Defence Strategy. URL: <https://media.defense.gov/2022/Oct/27/2003103845/-1/-1/1/2022-NATIONAL-DEFENSE-STRATEGY-NPR-MDR.PDF> (accessed: 23.03.2023).

ресам во имя поддержания международного порядка, основанного на их правилах»¹.

Учитывая милитаризацию Азиатско-Тихоокеанского района, Китай прилагает усилия по минимизации рисков. Уязвимым, критичным местом для Китая остается Малаккский пролив, через который в Поднебесную транспортируется до 40 % сырой нефти для ее внутреннего потребления. Углеродородная безопасность остается важным фактором национального суверенитета, которым Пекин никогда не поступится.

Строительство наземного маршрута транспортировки сырой нефти, альтернативного морскому, — настоятельное требование национальной безопасности Китая. Пакистан беден сырьевыми ресурсами, но располагает уникальным географическим положением на перекрестке сторон света, что и объясняет стратегическую ценность КПЭК для Китая. Строительство инфраструктурных объектов (автомагистралей, энергетических установок, трубопроводов, портов и т. д.) в Пакистане соответствует планам Поднебесной уменьшить ее зависимость от морских путей транспортировки энергоресурсов.

Расширение связей с пограничными Пакистану государствами (Афганистан), странами — нетто-экспортерами природного сырья (Иран, монархии Персидского залива, республики Центральной Азии) и снижение напряженности пограничного конфликта с Индией — также в региональных внешнеполитических приоритетах Поднебесной.

В идеале, в краткосрочной перспективе у Китая может быть несколько лет мягкой безконфронтационной дипломатии в отношении стран Азии, за которой стоит оперативное наращивание транспортного, промышленного, административного и иного потенциала; укрепление военно-технических позиций на суше и в акватории Индийского и Тихого океанов для строительства и охраны маршрутов КПЭК, которому в 2023 г. исполняется 10 лет.

Текущее состояние и проблематика китайско-пакистанского диалога

Период 2021—2023 гг. — неоднозначный в двусторонних отношениях КНР и Пакистана. Китай поддерживал Пакистан в кризисных ситуациях: в борьбе с пандемией COVID-19, масштабном наводнении

¹ US Hegemony and Its Perils. URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/wjbxw/202302/20230220_11027664.html (accessed: 20.02.2023).

в 2022 г., в эвакуации 200 пакистанцев на корабле ВМС Китая из раздираемого войной Судана в Саудовскую Аравию и т. д.

Несмотря на официальную «ровность» пакистано-китайских отношений, в 2021—2023 гг. стороны столкнулись с вызовами нескольких уровней: внутренними, двусторонними, региональными и глобальными.

Пакистан переживает глубокий экономический и политический кризис (2018—2023 гг.), что объективно сказалось на сроках и объемах сооружения объектов КПЭК. Китайские компании неоднократно выражали озабоченность властям в Исламабаде в связи с незначительностью прогресса КПЭК за последние несколько лет. Проекты *Mainline-1* Пакистанских железных дорог стоимостью 6,8 млрд долл. и Линии электропередачи Матиари—Лахор так и не были реализованы. Страна несет многомиллиардные убытки, так как не может удовлетворить спрос на электроэнергию¹.

Медлительность строительства объектов порта Гвадар также не отвечает «национальным интересам» ни Китая, ни ИРП (многомесячное оформление земельных участков, необходимых для строительства второй фазы свободной зоны Гвадар и скоростной автомагистрали Истбей).

Порт Гвадар в перспективе рассматривается как ключевой маршрут транспортировки различных видов китайских товаров в регион Персидского залива и обратно: он обеспечивает жизненно важную связь между западными провинциями Китая и внешним миром.

Исламабад предоставил 75 китайским компаниям доступ к торговым путям на Ближний Восток и Африку, стимулируя их доступностью транспортных тарифов. Стоимость морского фрахта составляет 2—10 % от стоимости единицы перевозимой продукции. Пакистан предлагает низкие тарифы и одновременно местную рабочую силу, которая в два раза дешевле, чем в Китае. Это открывает большие возможности для перемещения в Пакистан «умирающих» отраслей промышленности Китая. Экономия на морских перевозках позволяет снизить издержки всех участников логистической цепочки, сделав таким образом цены на продукцию конкурентоспособными.

Несмотря на очевидные преимущества, иностранные инвесторы неохотно приносят «большие деньги» в Пакистан из-за непоследовательной налоговой и энергетической политики Исламабада.

¹ PM Imran assures of expeditious progress on CPEC projects. URL: <https://www.dawn.com/news/1649316/pm-imran-assures-of-expeditious-progress-on-cpec-projects> (accessed: 30.09.2021).

Китайские компании также столкнулись с ограничениями в системе управления Пакистана (множество уровней согласований, антикитайское лобби в государственных учреждениях и т. д.)¹.

В день визита премьер-министра Ш. Шарифа в Пекин в ноябре 2022 г. стороны подтвердили «важность китайско-пакистанского всепогодного стратегического партнерства в условиях возникающих глобальных проблем»². Однако Председатель Си Цзиньпин произнес жесткие слова в адрес своего гостя о недопустимости терактов против китайских специалистов, работающих в Пакистане, и об отсутствии прогресса в проекте КПЭК.

Однако несмотря на все вызовы, Пекин, в высшей степени заинтересованный в скорейшем завершении сооружения КПЭК, закрывает глаза на срыв пакистанской стороной оплаты кредитов китайским компаниям и банкам и сроков ввода в эксплуатацию объектов Коридора.

Экономическая сторона двусторонних отношений

Китай позиционирует себя одной из ведущих экономик мира, коей он и является. В 2021 г. был отмечен беспрецедентный рост его внешней торговли, который впервые превысил 6 трлн долл., а инвестиции в страны — партнеры ИПП увеличились на 7,9 %³. Внутренний рынок Поднебесной стал вторым потребительским рынком в мире.

Китай является одним из ведущих поставщиков продукции в Пакистан и крупнейшим источником прямых иностранных инвестиций в ИРП. Страны еще в 2019 г. подписали Соглашение о свободе торговли (ССТ).

В 2021 г. товарооборот между Китаем и Пакистаном достиг 27,82 млрд долл., что показало его рост в годовом исчислении на 59,1 %. Объем китайского экспорта в Пакистан достиг 24,23 млрд долл., продемонстрировав 57,8 % прироста; в то время как импорт из Пакистана составил 3,59 млрд долл., увеличившись в годовом исчис-

¹ Beijing visit and Pak-US relations. URL: <https://tribune.com.pk/story/2341654/khans-beijing-visit-and-pak-us-relations> (accessed: 03.02.2022).

² Joint Statement between the People's Republic of China and the Islamic Republic of Pakistan...

³ Foreign Ministry Spokesperson Zhao Lijian's Regular Press Conference on February 9, 2022. URL: https://www.mfa.gov.cn/eng/xwfw_665399/s2510_665401/2511_665403/202202/t20220209_10640558.html (accessed: 09.02.2022).

лении на 68,9 % (благодаря ССТ)¹. Однако рост экспорта услуг Пакистана в Китай в последние годы — заметно ниже, чем рост импорта услуг из Китая.

Стороны планируют дальнейшее развитие двусторонних экономических отношений в различных областях (борьба с изменением климата, инвестиции в возобновляемые источники энергии, сельское хозяйство, наука и техника, информационные технологии и др.). Приоритетными направлениями в 2021—2023 гг. заявлены: ускоренная индустриализация пакистанской провинции Панджаб, пограничной с Индией; перемещение трудоемких отраслей промышленности из Китая в Панджаб в Особые экономические зоны (ОЭЗ). Следующий шаг — побудить китайских инвесторов переехать в Панджаб и укрепить партнерские отношения с местными инвесторами.

Китайские инвестиции остаются одним из «спасательных кругов» для экономики Пакистана, проблемы которого обострились с началом кризиса платежного баланса еще осенью 2018 г. Основными адресатами просьб о финансовой помощи остаются Королевство Саудовская Аравия (КСА), Объединенные Арабские Эмираты (ОАЭ), Китай и Международный валютный фонд (МВФ).

Пекин несколько раз «спасал» Исламабад от дефолта, предоставляя кредиты на поддержку валютных резервов. В 2020—2021 финансовом году Пакистан выплатил Китаю более 26 млрд рупий только в виде процентов за использование китайского торгового финансирования в размере 4,5 млрд долл.

Сумма заимствований постоянно возрастала. В октябре 2022 г. Пакистан вновь убедил китайские банки пролонгировать и рефинансировать коммерческие кредиты на сумму около 6,3 млрд долл. для погашения ИРП долга и обязательств, связанных с ее внешней торговлей².

Валовые потребности Пакистана во внешнем финансировании в 2022—2023 финансовом году Международный валютный фонд и Министерство финансов страны оценили в объеме 32—34 млрд долл., что не учитывает суммы помощи в 30 млрд долл. на Программу восстановления после разрушительного наводнения 2022 г.

¹ China welcomes more imports from Pakistan to promote bilateral trade to a new level: Commerce Minister. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202203/1257358.shtml> (accessed: 31.03.2022).

² Pakistan seeks \$6.3b China debt rollover. URL: <https://tribune.com.pk/story/2383139/pakistan-seeks-63b-china-debt-rollover> (accessed: 23.10.2022).

Валовые валютные резервы Пакистана остаются на уровне 4,5 млрд долл. Страна брала обязательства выплатить до июня 2023 г. почти 4 млрд долл. в счет погашения основного долга и процентов по долгу, включая 1 млрд долл. по так называемому безопасному депозиту Китая, подразумевающему хранение наличных денег в китайском банке¹.

В 2023 г., когда Пакистан переживал чрезвычайные финансовые и экономические проблемы, связанные с нехваткой валютных резервов, высокими выплатами по внешнему долгу, Китай первым оказал ему поддержку, выделив кредиты, предоставив депозиты и возможность пролонгаций, необходимые для финансовой стабилизации Пакистана.

Пакистан запросил пакет финансовой помощи в размере 13 млрд долл. у Китая и Саудовской Аравии, чтобы восполнить истощающиеся валютные резервы. Китай вскоре подтвердил кредит Пакистану на сумму более 7,3 млрд долл. и дополнительно 1,5 млрд долл. Пришло подтверждение и от Саудовской Аравии о предоставлении ИРП пакета помощи на сумму 4,2 млрд долл.²

Погашение внешнего долга Пакистана, включая проценты, за июль-декабрь 2023 г. составило 11 млрд долл.³ Все эти кредиты Исламабад получил от Китая, которому уже принадлежат около 30 % внешнего долга Пакистана в размере 100 млрд долл.

Финансовая зависимость от Поднебесной корректирует внешнюю политику Исламабада, который США до недавнего времени рассматривали в качестве внеблокового союзника НАТО. В мае 2023 г. государственный министр иностранных дел Пакистана Хина Раббани Хар заявила, что Исламабад «больше не может... сохранять золотую середину» между Китаем и США, и попытка «умиротворить» Запад негативно повлияет на «реальные стратегические» связи страны с Китаем⁴.

Тенденция в ИРП «оглядываться на Китай» проявилась еще в 2021 г., например, в свете участия в Саммите Демократий, организованного США в декабре 2021 г. Президент США Дж. Байден пригласил лидеров из более чем 100 стран; из Южной Азии были приглаше-

¹ IMF negates govt's claim of meeting loan conditions. URL: <https://tribune.com.pk/story/2415393/imf-negates-govts-claim-of-meeting-loan-conditions%2006.05.2023> (accessed: 06.05.2023).

² FM to visit Saudi Arabia ahead of MBS trip. URL: <https://tribune.com.pk/story/2385329/fm-to-visit-saudi-arabia-ahead-of-mbs-trip> (accessed: 09.11.2022).

³ IMF negates govt's claim of meeting loan conditions...

⁴ Decision time. URL: <https://www.dawn.com/news/1750464> (accessed: 02.05.2023).

ны только лидеры четырех государств — Индии, Мальдивов, Непала и Пакистана. Однако Белый дом не направил приглашения Китаю и России, но адресовал официальное письмо властям Тайваня, что закономерно вызвало отрицательную реакцию Пекина¹. Исламабад первоначально продемонстрировал нерешительность, колебался, но представителя в Вашингтон не направил.

Поддержку Пакистана со стороны Китая можно проиллюстрировать и тем, что Группа разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег и финансированием терроризма (*Financial Action Task Force*²) трижды с 2007 г. включала Пакистан в «серый список». В последний раз это произошло 28 июня 2018 г. В официальных документах Группы подчеркивалось, что Пакистан «не предпринял никаких действий против финансирования терроризма»³.

Включение в «серый» список означает, что Глобальное мониторинговое агентство вправе применить меры контроля над финансовой, правоохранительной, законодательной и иной деятельностью государства до тех пор, пока оно не будет удовлетворено мерами, принятыми для сдерживания финансирования терроризма и отмывания денег⁴. И если в 2018 г. позиция Пекина по вопросу включения Исламабада в «серый» список была двойственной, то в 2021—2022 гг. Китай и Турция блокировали все резолюции Агентства с целью не только не включать Пакистан в «черный» список (на чем настаивали Индия, США и др.), но и исключить его из «серого». В октябре 2022 г. Пакистан был выведен из списка юрисдикций *FATF*, находившихся под усиленным наблюдением, с немедленным вступлением решения в силу.

Заметное влияние на китайско-пакистанский диалог оказывает фактор Индии — ближайшего соседа и традиционного регионального соперника ИРП.

¹ Pakistan indecisive on attending democracy summit. URL: <https://tribune.com.pk/story/2332816/pakistan-indecisive-on-attending-democracy-summit> (accessed: 07.12.2021).

² *FATF* — межправительственная организация. Разрабатывает политику и осуществляет контроль за отмыванием денег и финансированием терроризма. *FATF* основана в 1989 г. по инициативе G7. Агентство отслеживает денежные потоки стран и «наказывает» тех, чьи финансовые системы подвергаются злоупотреблениям со стороны террористов, связанным с отмыванием денег. Группа обращается к международным финансовым учреждениям и отдельным юрисдикциям с призывом прекратить или ограничить деятельность в странах-нарушителях.

³ There and back again: A timeline of Pakistan's unfortunate 'grey listing' by FATF. URL: <https://www.dawn.com/news/1694958> (accessed 18.06.2022).

⁴ United Nations International Convention the Suppression of the Financing of Terrorism. URL: <https://treaties.un.org/doc/db/terrorism/english-18-11.pdf> (accessed 12.12.2022).

Кашмирский кризис и позиция Китая

Одним из острых для Пакистана вопросов остается урегулирование кашмирского кризиса. Результатом пакистано-индийской напряженности стал военный «миникризис» в феврале 2019 г., когда индийские ВВС нанесли авиаудары по пакистанскому Балакоту. Позднее, в августе, парламент Индии законодательно отменил статьи 370 и 35А Конституции страны, и как результат контролируемая Индией часть Кашмира была включена в юрисдикцию Республики Индия с предоставлением ей особого статуса. Исламабад отреагировал понижением уровня дипломатических отношений с Нью-Дели.

В 2019 г. и в последующие годы официальные лица Китая заявляли о последовательности позиции Поднебесной, подчеркивая, что «кашмирский вопрос — спор, оставшийся из прошлого, должен быть решен мирным и надлежащим образом в соответствии с Уставом ООН, резолюциями Совета Безопасности и соответствующим двусторонним соглашением. Заинтересованные стороны должны избегать односторонних шагов, которые могут осложнить ситуацию. Следует предпринять усилия для урегулирования спора путем диалога и консультаций для сохранения регионального мира и стабильности»¹.

Очередной виток напряженности в Кашмирском кризисе возник неожиданно. Индия, которая еще 1 декабря 2022 г. заняла ротируемое председательское кресло в G20, приняла решение провести Саммит по туризму в мае 2023 г. в Шринагаре — контролируемой Индией части Кашмира. Это стало первым международным мероприятием в спорном регионе после того, как Индия в одностороннем порядке аннулировала особый статус Джамму и Кашмира в августе 2019 г.

Однако Египет, КНР, КСА, Турция и Оман отказались направить свои делегации. Так, «Китай решительно выступил против проведения каких-либо заседаний G20 на спорной территории, и не будет участвовать в подобных встречах»². Пакистан расценил позицию этих стран как свою дипломатическую победу в регионе.

Однако острота кашмирского кризиса будет только увеличиваться, учитывая, что проекты КПЭК проходят недалеко от границы с Китаем по территории части Кашмира, контролируемой Пакистаном:

¹ Foreign Ministry Spokesperson Mao Ning's Regular Press Conference on October 27, 2022. URL: https://www.mfa.gov.cn/eng/xwfw_665399/s2510_665401/2511_665403/202210/t20221027_10793072.html (accessed: 27.10.2022).

² Foreign Ministry Spokesperson Wang Wenbin's Regular Press Conference on May 19, 2023. URL: https://www.fmprc.gov.cn/eng/xwfw_665399/s2510_665401/202305/t20230519_11080349.html (accessed: 19.05.2023).

шоссе Мансехра—Музаффарабад—Мангла—Мирпур и Особая экономическая зона — Мирпур Азад Кашмир.

ИРП — член Лиги арабских государств, и китайско-пакистанские отношения во многом испытывают на себе влияние мусульманского фактора.

Китай и «мусульманский клуб»

Китай давно вошел в *мусульманский клуб*, щедро инвестируя в различные проекты в первую очередь монархий Персидского залива. Пакистан со своей стороны способствовал укреплению позиций КНР на Аравийском полуострове.

Впервые Пекин был приглашен в качестве почетного гостя на саммит Организации исламского сотрудничества (ОИС) в Исламабад в марте 2022 г. Специальным гостем стал министр иностранных дел КНР Ван И, который высказал надежду на скорейшее урегулирование кашмирского вопроса¹.

Индия отвергла замечания главы китайского внешнеполитического ведомства, назвав их «неуместной ссылкой». В МИД Индии в очередной раз назвали проблему Кашмира «внутренним делом»².

Китай постепенно расширял стратегические позиции в регионе Персидского залива еще со времени Ирано-иракской войны (1980—1988 гг.). Последующая дипломатическая активность Пекина отвечала цели гарантировать импорт энергоносителей из региона Персидского залива на внутрикитайский рынок, ограничить возможности США по влиянию на углеводородные поставки в случае кризиса или войны, обеспечить конкурентоспособность Китая с США и Индией³.

Первая поездка Председателя КНР Си Цзиньпина в КСА — страну — крупнейший в мире экспортер нефти — состоялась еще в 2016 г. Китай вошел в регион в удачное время, и Совет сотрудничества стран Персидского залива (ССАГПЗ) подтвердил необходимость расширения связей с КНР, поддержав идею о создании Зоны свободной тор-

¹ India rejects Chinese FM's remarks on occupied Kashmir at OIC moot. URL: <https://www.dawn.com/news/1681602/india-rejects-chinese-fms-remarks-on-occupied-kashmir-at-oic-moot> (accessed: 24.03.2022).

² Ibidem.

³ China-Iran \$400 Billion Accord: A Power Shift Threatens Western Energy. URL: <https://www.forbes.com/sites/arielcohen/2021/04/05/china-iran-400-billion-accord-a-power-shift-threatens-western-energy/?sh=106de5519e00> (accessed: 05.04.2021).

говли между Китаем и ССАГПЗ¹. События разворачивались на фоне ускоренного строительства портовой инфраструктуры пакистанского порта Гвадар, которому в планах Поднебесной отводилась роль связующего (через территорию Пакистана) узла — перевалочного хаба между источниками углеводородного сырья Персидского залива и западными провинциями КНР.

Дипломатия Поднебесной со временем сумела поднять отношения с рядом аравийских монархий до уровня «всеобъемлющего стратегического партнерства», например, с ОАЭ. Дубай сделал отношения с КНР приоритетом своей дипломатии², и это повлекло за собой рост объемов двусторонней торговли³.

Председатель Китая Си Цзиньпин совершил официальный визит в Саудовскую Аравию в декабре 2022 г.

Китай является крупнейшим покупателем нефти Саудовской Аравии. В 2005—2020 гг. на Королевство приходилось более 20 % китайских инвестиций в арабском мире, что является самой большой долей среди всех стран региона⁴. Стороны стремятся расширять отношения, особенно во времена экономических потрясений и геополитической перестройки.

В настоящее время Китай является крупнейшим в мире импортером сырой нефти и становится все более зависимым от поставок углеводородов. Поднебесная импортирует чуть более 70 % своего потребления нефти, и, как уже отмечалось, более 40 % экспорта сырой нефти поступает в КНР из стран Персидского залива⁵.

Включение в КПЭК Ваханского коридора (узкая полоса территории в провинции Бадахшан в Афганистане, простирающаяся до китайского Синьцзяна) означает, что западные провинции Поднебесной получают доступ к теплым водам Ормузского пролива / Индийского океана, то есть, к мировым рынкам через пакистанские порты Карачи и Гвадар. Важно, что этот маршрут может использоваться круглогодично, и это отчасти объясняет укрепление военно-морского сотрудничества Китая и Пакистана.

¹ Wang Yi Holds Telephone Talks with Minister of Foreign Affairs and International Cooperation Sheikh Abdullah bin Zayed Al Nahyan of the UAE. URL: https://www.mfa.gov.cn/mfa_eng/wjdt_665385/wsrc_665395/202201/t20220114_10495618.html (accessed: 13.01.2022).

² Ibidem.

³ Ibidem.

⁴ China's Xi arrives in Saudi Arabia for energy-focused visit. URL: <https://www.dawn.com/news/1725135/chinese-flags-flutter-in-saudi-capital-ahead-of-xi-visit> (accessed: 07.12.2022).

⁵ China in the Gulf: A New Partnership with Iran? URL: <https://www.csis.org/analysis/china-gulf-new-partnership-iran> (accessed: 15.07.2020).

В 2021—2022 гг. Китай способствовал нормализации пакистано-саудовских отношений. Посредничество Китая в урегулировании пакистано-саудовских разногласий нельзя назвать «бескорыстным», скорее прагматичным.

Подписание при посредничестве Китая Соглашения о восстановлении дипломатических отношений между Саудовской Аравией и Ираном в марте 2023 г. Исламабад расценил как успех и своей дипломатии, поскольку он с конца 1970-х годов вынужден был искать свой путь между «непримиримыми противниками» — монархиями Персидского залива, в частности КСА (один из источников финансовой поддержки для ИРП) и Ираном — своим ближайшим соседом.

«Совместное трехстороннее заявление Китайской Народной Республики, Королевства Саудовская Аравия и Исламской Республики Иран»¹ Исламабад трактует, как продвижение ИПП по пакистанской территории в юго-западном направлении путем:

- строительства транспортных магистралей (железнодорожной, автомагистрали и проч.) в направлении Ирана;
- дальнейшей ускоренной модернизации порта Гвадар, который расположен в 150 км от границы с Ираном.

Вместо заключения

Победа Джо Байдена на президентских выборах в 2021 г., как показали дальнейшие события, принесла новые вызовы безопасности в АТР. Уже в марте 2021 г. на слушаниях в американском Конгрессе экономический подъем Китая был охарактеризован как стратегический вызов XXI столетия, брошенный администрации Дж. Байдена².

Одним из инструментов противодействия Китаю стало возрождение в Азиатско-Тихоокеанском регионе альянсов во главе с США. Тогда же в марте 2021 г. глава Белого дома провел первый четырехсторонний саммит *QUAD* (Австралия, Индия, США и Япония) в ответ на растущую экономическую мощь Пекина и его Инициативу «Пояс и путь». Членство Индии в альянсе рассматривается США как важный фактор сдерживания Китая в Индо-Тихоокеанском регионе [Siddiq; Abbas].

¹ Joint Trilateral Statement by the People's Republic of China, the Kingdom of Saudi Arabia, and the Islamic Republic of Iran. URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/zxxx_662805/202303/t20230311_11039241.html (accessed: 10.03.2023).

² Congressional Record Vol. 167, No. 55. p. S1781. URL: <https://www.congress.gov/congressional-record/2021/3/24/senate-section/article/s1779-5?q=%7B%22search%22%3A%5B%22India%22%2C%22India%22%5D%7D&s=7&r=24> (accessed: 24.03. 2021).

Пекин расценил планы *QUAD*, в первую очередь контракт Австралии на строительство нескольких подводных лодок, как дальнейшую милитаризацию Азиатско-Тихоокеанского региона. Он призвал американскую сторону отказаться от менталитета холодной войны¹.

Но уже в апреле 2022 г. США представили антикитайскую стратегию в формате Тихоокеанской инициативы сдерживания, которая в свою очередь является частью Законопроекта об обороне 2020 г. Вашингтон выделил 4,6 млрд долл. с целью изменить баланс сил, в первую очередь, в районе Тайваньского пролива. Призвав членов *QUAD* и *AUKUS* действовать совместно и с позиции силы, Вашингтон заявил о стремлении «победить в непредвиденных обстоятельствах в Индо-Тихоокеанском театре военных действий». Поэтому-де США и необходимо «модернизировать и укреплять устаревающие активы, инвестировать в более устойчивое, стратегическое присутствие, чтобы быть конкурентоспособным на мировой арене»².

Китайская торговля в значительной степени зависит от морских путей, проходящих через Малаккский пролив. Альянс *QUAD* имеет необходимую инфраструктуру, чтобы блокировать китайские торговые пути³.

Южно-Китайское море (ЮКМ). Регион Южно-Китайского моря охватывает 15 стран, объединенных в Ассоциацию государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН). Южно-Китайское море — один из основных мировых торговых маршрутов. По оценкам, через ЮКМ в Юго-Восточную Азию осуществляется до 30 % мировых морских перевозок товарной стоимостью до 5 трлн долл.⁴

Район чрезвычайно богат нефтью и природным газом. Весьма значительны и его ресурсы морепродуктов и рыбы.

Разрушение однополярного мирового порядка привело к повышению роли региональной политики, и Пакистан, географически расположенный на стыке Центральной, Западной и Юго-Восточной Азии, не остается в стороне от происходящих в регионе событий. То-

¹ Foreign Ministry Spokesperson Zhao Lijian's Regular Press Conference on November 30, 2021. URL: https://www.fmprc.gov.cn/eng/xwfw_665399/s2510_665401/202111/t20211130_10459153.html (accessed: 30.11.2021).

² Pacific Deterrence Initiative. April 2022. URL: https://comptroller.defense.gov/Portals/45/Documents/defbudget/FY2023/FY2023_Pacific_Deterrence_Initiative.pdf (accessed: 18.05.2023).

³ From partnership to alliance. URL: <https://nation.com.pk/16-Oct-2020/from-partnership-to-an-alliance> (accessed: 10.16.2020).

⁴ Dr Atique Ur Rehman. The South China Sea and Pakistan. URL: <https://dailytimes.com.pk/998471/the-south-china-sea-and-pakistan> (accessed: 17.09.2022).

варооборот Пакистана со странами АСЕАН в 2022 г. превысил 11 млрд долл.¹ Исламабад, чьи экспортные показатели в силу разных причин снижаются, крайне заинтересован в укреплении торгово-экономических связей и инвестиционных отношений с партнерами по региону.

Региональное всеобъемлющее экономическое партнерство (РВЭП), официально вступившее в силу 1 января 2022 г., представляет собой Соглашение о свободной торговле между странами АТР, что в свою очередь несет огромный экономический потенциал. В перспективе в рамках РВЭП планируется отмена около 90 % тарифов на импорт между подписавшими его сторонами на срок до 20 лет, что крайне привлекательно и для Пакистана.

Территориальные споры в Южно-Китайском море — источник постоянных угроз, в том числе и для Пакистана, так как порты Южно-Китайского моря — не что иное, как ворота в Малаккский пролив².

Активная милитаризация Соединенными Штатами Тайваня в 2022 г. усугубила напряженность в регионе. Пакистан неоднократно заявлял, что соперничество между мировыми державами обострилось; блоковая политика возвращается, и в результате она приведет к дезорганизации, дестабилизации и потенциальному конфликту.

Китай предпринял энергичные шаги по проникновению в Южную Азию. Благодаря проектам ИПП — КПЭК Пекин расширил сферу своего влияния и стратегического охвата в этом регионе. Проникновение китайцев в Бангладеш, Бутан, Мальдивы, Мьянму, Непал, Шри-Ланку повысило экономическую заинтересованность этих стран в наращивании партнерства с Поднебесной.

При этом малые страны опасаются милитаризации региона и последующей гонки вооружений, что подорвет экономический рост АСЕАН. Поэтому страны Ассоциации, Китай и Пакистан были обеспокоены передачей британского контракта Австралии на строительство атомных подводных лодок в рамках нового альянса *AUKUS*. Китай неоднократно заявлял, что настал «час Азии» в глобальном управлении и что он надеется на плодотворное сотрудничество со странами АСЕАН, в том числе для демонстрации коллективной устойчивости азиатских стран³ перед запугиванием со стороны администрации

¹ Pakistan's trade with ASEAN topped \$11b in 2022 URL: <https://tribune.com.pk/story/2370119/pakistans-trade-with-asean-topped-11b-in-2022> (accessed: 08.08.2022).

² Dr Atique Ur Rehman...

³ Spokesperson Mao Ning's Regular Press Conference on October 27, 2022. URL: https://www.mfa.gov.cn/eng/xwfw_665399/s2510_665401/2511_665403/202210/t20221027_10793072.html (accessed: 27.10.2022).

Дж. Байдена, потрясающей своей Индо-Тихоокеанской стратегией, которая по сути представляет собой вызов миру и безопасности.

Исламабад неоднократно повторял, что достижение мира и стабильности Азиатско-Тихоокеанского региона остается одним из приоритетов его внешней политики.

При этом важным связующим звеном между Пакистаном и другими близлежащими территориями, несмотря на все вызовы в региональных отношениях и внешнее давление, остается китайская ИПП, которая выполняет значимую кооперационную роль.

Библиографический список / References

Ispahani, Mehr (2022). Pak-China Relations Promoting Stability in the Region, *Hilal English*. URL: <https://www.hilal.gov.pk/eng-article/detail/NjQ1Nw==.html> (accessed: 03 February, 2023).

Siddiq, Arhama and Abbas, Syed Qandil (2022). A new facet to US-China rivalry: Build Back Better World versus Belt and Road Initiative, *Margalla Papers*: 26: 2: 1—13. URL: <https://margallapapers.ndu.edu.pk/site/article/view/109> DOI: <https://doi.org/10.54690/margallapapers.26.2.109> (accessed: 04 April, 2023).

К.В. Асмолов

КАК И ПОЧЕМУ КИТАЙ ПЕРЕСТАЕТ БЫТЬ ПОСРЕДНИКОМ МЕЖДУ ПХЕНЬЯНОМ И СЕУЛОМ

Аннотация. С конца XX века в западном экспертном сообществе распространяется тезис о том, что Китай может или должен выполнять функции посредника между КНДР и РК. С точки зрения сторонников данного подхода, Пекин обладает рычагами давления на Пхеньян, при этом ему невыгоден военный конфликт на полуострове или гуманитарная катастрофа в КНДР. С другой стороны, действия КНР в данном качестве способствовали бы расширению его влияния в регионе и улучшению отношений с международным сообществом.

Однако на фоне глобальной турбулентности или усиления конфронтации КНР и США и возвращения региона к блоковой системе «северокорейское направление» в отношениях Пекина и Сеула начало выхолащиваться. Выгоды от роли посредника не приводили к улучшению отношений с Западом, а Южная Корея начала активно разворачиваться в сторону США, особенно после прихода к власти консерваторов. В результате для КНР обретение регионального союзника стало важнее поддержания отношений с Западом. И с началом, с одной стороны, сближения КНДР и КНР на фоне «олимпийского потепления» 2018 г., а с другой — фундаментальных шагов США масштаба Taiwan Travel Act позиция Пекина стала смещаться в сторону поддержки КНДР, важным элементом которой явилось вето, наложенное КНР в СБ ООН 26 мая 2022 г. на очередную санкционную резолюцию США.

Новый курс повлиял на отношения КНР и РК: 2 мая 2023 г. президент РК Юн Сок Ёль прямо обвинил Пекин в потворстве северокорейской ракетной программе вместо того, чтобы действовать заодно с

международным сообществом. Это важный маркер отношений двух стран, указывающий, что на фоне дальнейшего изменения ситуации потенциал Сеула (и Запада в целом) привлечь Пекин в качестве канала давления или даже коммуникации с Пхеньяном будет стремиться к нулю. В такой ситуации даже традиционно отрицательная реакция Пекина на ядерные испытания, предпринимаемые корейским Севером, может кардинально измениться.

Ключевые слова: ядерная проблема, Корейский полуостров, КНР, внешняя политика Китая, внешняя политика Республики Корея, медиация, глобальная турбулентность.

Автор: *Асмолов Константин Валерианович*, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра корейских исследований Института Китая и современной Азии РАН (адрес: 117977, Москва, Нахимовский пр-т, 32). ORCID: 0000-0003-1584-2748. E-mail: asmolov@ifes-ras.ru; kvasm@mail.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации в Институте Китая и современной Азии РАН.

K. V. Asmolov

How and why China ceases to be an intermediary between Pyongyang and Seoul

Abstract. Since the end of the 20th century, in the Western expert community there has been a widespread thesis that China can or should act as an intermediary between the North and the South Korea as the only force capable of influencing the DPRK. From the proponents of this approach, Beijing possesses levers of pressure on Pyongyang, while a military conflict on the peninsula or a humanitarian catastrophe in the DPRK is not profitable for China at all. On the other hand, China's actions in this field would contribute to expanding its influence in the region and improving relations with the international community.

However, against the background of global turbulence or increased confrontation between China and the United States and the return of the region to the bloc system, the "North Korean direction" in relations between Beijing and Seoul began to emasculate. The benefits of the role of mediator did not lead to an improvement in relations with the West, and South Korea began to actively turn towards the United States, especially after the conservatives came to power. As a result, for China, getting a regional ally has become more important than maintaining relations with the West. And with the beginning, on the one hand, of the rapprochement of the DPRK and the PRC against the background of the "Olympic war-

ming” of 2018, and on the other, — of the fundamental steps of the United States of the *Taiwan Travel Act* scale, Beijing’s position has shifted towards supporting the DPRK, an important element of what became the veto imposed in the UN Security Council on May 26, 2022 on the next sanctions resolution proposed by the USA.

The new course has made an impact on the relations of the PRC and the ROK: on May 2, 2023, the President of the ROK, Yun Seok-yeol, directly accused Beijing of condoning the North Korean missile program of the DPRK instead of acting in concert with the international community. This is an important marker of relations between the two countries, indicating that against the background of further changes in the situation, the opportunities of Seoul (and the West as a whole) to use Beijing as a channel of pressure or even communication with Pyongyang will tend to zero. In such a situation, even the traditionally negative reaction of Beijing to the nuclear tests, undertaken by the Korean North, can change dramatically.

Keywords: nuclear problem, Korean peninsula, PRC, foreign policy of the PRC, foreign policy of the ROK, mediation, global turbulence.

Author: Konstantin V. ASMOLOV, Ph.D. (History), Leading Research Fellow, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences (address: 32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117997, Russian Federation). ORCID: 0000-0003-1584-2748.
E-mail: asmolov@ifes-ras.ru; kvasm@mail.ru

Conflict of interests. The author declares the absence of the conflict of interests.

Support. The article was prepared at the Institute of China and Contemporary Asia of the RAS within the framework of the State assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation.

Введение

С конца XX века в западном экспертном сообществе распространяется мнение, что Китай может быть посредником между Южной и Северной Кореей, будучи единственной силой, способной оказать влияние на КНДР. Этот тезис постоянно фигурировал в исследованиях как российских исследователей [Воронцов, 2013; Самойлова и Казакова, 2017], так и западных авторов [Demick, 2010; Yongmei Li, 2020]. И даже в нынешней ситуации глобальной турбулентности, Сеул и Запад в широком смысле не оставляют попыток призвать Пекин оказать влияние на Пхеньян несмотря на очевидное усиление китайско-американской конфронтации.

Аргументы в пользу того, почему Китай должен играть роль посредника даже сегодня, неплохо суммирует в своей статье Уильям

Февр: «Целью Китая могло бы стать побуждение Северной Кореи сесть за стол переговоров. Китай мог бы сделать заманчивое предложение Северной Корее: рассмотреть возможность прекращения ее провокационной ядерной политики в обмен на расширение экономического сотрудничества с другими державами региона. Это не только помогло бы поддерживать региональную стабильность, но и послужило бы интересам Китая. Если ситуация ухудшится еще больше, Китай может столкнуться с большей угрозой, чем военный конфликт на своей границе: растущим числом беженцев из Северной Кореи, гуманитарным кризисом и серьезной нестабильностью в регионе. Поэтому в интересах Китая выступить посредником в межкорейском конфликте. Это могло бы повлечь за собой изменение его политики в отношении Северной Кореи и поощрение более открытой экономической политики. Мирное урегулирование этого конфликта не только дает Китаю возможность расширить свое влияние в регионе, но и сделало бы мир более безопасным и стабильным» [Favre, 2023].

Между тем, политика Китая по данному вопросу меняется, особенно на фоне резкого скачка в развитии ракетно-ядерного потенциала Севера, который произошел в правление Ким Чен Ына. Задача этого исследования — выявить направление и причины изменения этой политики и сделать определенные политические прогнозы на будущее.

Исторический очерк

Наибольшее распространение тезис о Китае как посреднике получил после начавшихся в 2003 г. шестисторонних переговоров по проблеме ядерного разоружения на Корейском полуострове, проводившихся по инициативе КНР. Тогда на Западе писали, что «Китай был вынужден взять на себя посредническую роль в международном сообществе» для воздействия на проблемный Север [Eunsook yang, 2006]. В 2008 г. отмечалось, что Пекин продолжает поддерживать сотрудничество с непростым соседом [Корейское урегулирование и интересы России, с. 235], а в 2013 г. А.В. Воронцов обращал внимание на «особые отношения Пекина с обоими корейскими государствами, особенно с КНДР», и эту точку зрения можно было бы назвать наиболее распространенной.

Отмечалось, что со времени установления дипотношений между КНР и РК в 1992 г. Пекин был единственной страной, которая сохраняла дружественные отношения как с Севером, так и с Югом; что Ки-

тай является основным экономическим партнером для Северной Кореи, способным оказать влияние на Пхеньян; что КНР также не заинтересована в развитии ракетно-ядерного потенциала КНДР и, как и остальные члены ядерной пятерки, она будет ставить на первое место вопрос о поддержании режима нераспространения.

Можно сказать, что в отношениях Китая и РК (или в более широком смысле — Китая и Запада) выделилось своего рода «северокорейское направление». В рамках такового специально назначенные чиновники систематически проводили консультации, обмениваясь точками зрения и теоретически формируя единую стратегию. А на встречах китайских и южнокорейских лиц, принимающих решения, озвучивались как минимум ритуальные формулы о необходимости совместной работы и роли Китая в урегулировании ядерной проблемы Корейского полуострова (ЯПКП).

Впрочем, когда на Западе говорили о роли КНР в качестве посредника, в основном имелась в виду возможность использовать Китай как рычаг давления либо как посредника в давлении Сеула на Пхеньян.

Действительно, в случае конфликта в Корее Пекин будет вынужден тратить силы и ресурсы, отрывая их от более важных внутренних нужд. Как отмечал в 2014 г. глава МИД КНР Ван И, «наша красная линия: мы не позволим войны либо нестабильности на Корейском полуострове»¹.

Другим приоритетом Пекина является недопущение выхода американских войск на границу с Китаем в случае поглощения Севера Югом². Однако вплоть до 2018 г. по вопросу отношений с КНДР в Китае была определенная разногласия, в рамках которой можно выделить три подхода. Первый использовал термин «дружба, скрепленная кровью», и КНДР считалась безусловным союзником. В рамках второго подхода Северная Корея воспринималась как токсичный актив, который проще было бы разменять на отношения с США по более важным для Китая направлениям. За подобный подход агитировал целый ряд известных китайских ученых (Чжу Фэн, Ши Иньхун, Хуа Ювэнь и др.), работы которых часто перепечатывались в США как знак того, что Китай вот-вот «сдаст» Северную Корею [Skylar Mastro, 2017]. Третий подход, типичным представителем которого

¹ Китай предупредил всех по поводу Кореи // Российская газета. 09.03.2014. URL: <http://www.rg.ru/2014/03/09/kitai-site-anons.html> (дата обращения: 04.06.2022).

² *Асмолов К.* Выбор из зол // Россия в глобальной политике. 07.08.2017. URL: <http://www.globalaffairs.ru/global-processes/Vybor-iz-zol-18882> (дата обращения: 13.06.2018).

стал Шэнь Динли, заключался в том, что дружба дружбой, но вопросы безопасности находятся для КНДР на первом месте, а значит «миру придется смириться с ядерной Северной Кореей»¹.

До конца 2016 г. Китай поддерживал в целом дружественные отношения с КНДР, но довольно жестко реагировал на действия Пхеньяна, солидаризируясь с иными членами СБ ООН по санкционному вопросу и выступая за сохранение статус-кво на Корейском полуострове, опасаясь, что за ядерной КНДР последуют ядерные Япония, РК и Тайвань. По мнению А.З. Жебина, именно принятие резолюции 2270 СБ ООН весной 2016 г. «окончательно превратило КНР в вершителя дальнейшей судьбы КНДР»².

К моменту резкого прорыва в ракетно-ядерной программе КНДР, который пришелся на конец 2016—2017 гг., Китай оказался перед выбором «из двух больших зол», но поначалу не чувствовал готовность идти на конфронтацию с США, и период с конца 2016 г. по начало 2018 г. характеризовался существенным охлаждением отношений КНДР и КНР. В силу этого в США вопрос китайского посредничества на том этапе нередко рассматривался с точки зрения изучения «пределов китайского терпения в отношении Севера и перспектив сотрудничества в отношении Юга» [Eun A Jo, 2017].

Однако после того, как в США приняли *Taiwan Travel Act*³, что автор считает знаковым моментом в выходе конфронтации Пекина и Вашингтона на новый уровень, сокращение сотрудничества с США по корейской и иранской проблемам сразу было предложено Пекином в качестве ответной меры⁴.

Сдвиг в сторону сочетания первого и третьего подхода произошел в 2018 г., когда на фоне «олимпийского потепления» и некоторой обеспокоенности Пекина тем, что КНДР может двигаться в сторону США, Ким Чен Ын совершил первый визит в КНР, после чего в течение уже пяти лет отношения двух стран позиционируются как исто-

¹ Эксперт: миру придется смириться с «ядерной Северной Кореей» // РИА Новости. 25.03.2005. URL: <https://ria.ru/politics/20050325/39573897.html> (дата обращения: 04.06.2022).

² Жебин А.З. Северная Корея: бомбы, ракеты, санкции // Азия и Африка сегодня. 2017. № 1. С 7.

³ *Taiwan Travel Act* — «Закон о поездках на Тайвань», принятый Конгрессом США 28. 02.2018 г. и подписанный президентом Д. Трампом 16.03.2018 г. Позволяет высокопоставленным должностным лицам США посещать Тайвань и наоборот без учета мнения КНР.

⁴ Taiwan Travel Act to jeopardize Taiwan's future // Global Times. 10.01.2018. URL: <http://www.globaltimes.cn/content/1084181.shtml> (accessed: 11.02.2019).

рическая дружба, охватывающая братские партии двух стран, исповедующие социалистическую идеологию¹.

На фоне сползания мира в глобальную турбулентность стала ясно просматриваться тенденция к фрагментации единого политического пространства и возвращения к системе региональных блоков, которая в Северо-Восточной Азии проявляется в форме «двух треугольников» — «Москва—Пекин—Пхеньян» и «Вашингтон—Токио—Сеул». При этом южный треугольник в значительной степени базируется на концепции «порядка, основанного на правилах» в противодействии «автократиям», которые несут экзистенциальную угрозу этому самому порядку, при котором политическое противостояние заменяется на ценностное и компромисс между оппонентами исключается.

Поэтому, если до 2017 г. роль Китая как посредника не подвергалась сомнению, то более поздние публикации начали задавать вопросы. Так, в материале *Korea Times* от мая 2020 г. отмечается, что «еще предстоит выяснить, сможет ли Китай оправдать такие ожидания (*выполнять функцию посредника. — К.А.*), поскольку в настоящее время он ведет борьбу за гегемонию с США». И если один из цитируемых экспертов говорит, что «Китай может сыграть значительную роль в межкорейских отношениях, и нам необходимо заручиться его поддержкой», то другой предполагает, что «на фоне усиления напряженности в отношениях с США Китай, скорее всего, поставит Север под свое влияние, вместо того чтобы играть посредническую роль»².

Современная ситуация

Итак, как выглядит положение дел на текущий момент?

Под текущим моментом мы подразумеваем период со второй половины 2022 г. по настоящее время, в рамках которого хорошо просматриваются три тренда.

Во-первых, формально «северокорейское направление» продолжает занимать видное место в отношениях Пекина и Сеула. Телефонные и видео-консультации спецпосланников по делам Корейского полу-

¹ Более подробно об эволюции отношений КНР и КНДР до начала 2022 г. см.: Асмолов К.В., Захарова Л.В. Северная Корея 3.0: первое десятилетие эпохи Ким Чен Ына (2012—2021). М.: ИКСА РАН, 2022.

² Kang Seung-woo. Can China emerge as inter-Korean mediator // *Korea Times*. 17.05.2020. URL: https://www.koreatimes.co.kr/www/nation/2020/05/103_289656.html (accessed: 13.05.2023).

острова Ким Гона¹ (РК) и Сон Кима² (США) с их китайским визави Лю Сяомином идут постоянно, но кроме этого, просьбы повлиять на Пхеньян или принять более активное участие в урегулировании ЯПКП озвучиваются и на встречах более высококоранговых лиц, включая лидеров.

В ноябре 2022 г. высокопоставленный американский чиновник заявил *Reuters*, что США хотели бы, чтобы Россия и Китай повлияли на КНДР и разубедили ее проводить ядерные испытания: «Мы верим и, конечно же, ждем, что они будут использовать имеющееся у них влияние, чтобы попытаться заставить КНДР не проводить ядерные испытания»³.

При этом на контакт с Китаем в РК выходили и консерваторы, и демократы. Так, 4 ноября 2022 г. с послом Китая в РК Син Хаймином встречался тогдашний лидер правящей партии «Сила народа» Чон Чжин Сок, который просил Пекин активизировать участие в снижении напряженности на Корейском полуострове⁴. А 7 ноября подобную встречу имел лидер оппозиции Ли Чжэ Мен⁵. Аргументы были похожи: Чон говорил посланнику, что «мир и стабильность на Корейском полуострове также соответствуют и национальным интересам Китая», а Ли просил, чтобы «Китай сыграл конструктивную роль во имя мира в Северо-Восточной Азии». Посол Син в обоих случаях указывал, что Китай тоже обеспокоен эскалацией напряженности, и призывал к диалогу, чтобы разрядить ее⁶.

23 ноября 2022 г. министр обороны Южной Кореи Ли Чон Соп, во время переговоров со своим китайским коллегой Вэй Фэнхэ на полях трехдневной встречи министров обороны стран Юго-Восточной Азии, попросил Китай сыграть «конструктивную» роль в устранении ядерных и ракетных угроз Северной Кореи и в поощрении ее к возоб-

¹ Top S. Korean, Chinese nuclear envoys discuss N.K. issue // Yonhap. November 15, 2022. URL: <https://en.yna.co.kr/view/AEN20221115006900325?section=news> (accessed: 13.05.2023).

² Byun Duk-kun. U.S. envoy for N. Korea holds rare talks with Chinese counterpart over recent provocations // Yonhap, December 09, 2022. URL: <https://en.yna.co.kr/view/AEN20221209000400325?section=news> (accessed: 13.05.2023).

³ Reuters узнал о просьбе США к России отговорить КНДР от ядерных испытаний // РБК. 04 ноября 2022. URL: https://www.rbc.ru/politics/04/11/2022/636468789a7947626c3c7599?from=from_main_10 (accessed: 13.05.2023).

⁴ Ruling party leader calls for China's active role in reducing tensions amid NK provocations // Korea Times. 04.11.2022. URL: https://www.koreatimes.co.kr/www/nation/2022/11/356_339187.html (accessed: 13.05.2023).

⁵ Opposition leader calls for China's 'constructive' role amid N.K. threats // Yonhap. November 07, 2022. URL: <https://en.yna.co.kr/view/AEN20221107006200315?section=news> (accessed: 13.05.2023).

⁶ Ibidem.

новлению диалога¹. Как отмечалось в пресс-релизе Министерства обороны РК, Ли просил китайскую сторону сыграть конструктивную роль, с тем чтобы побудить Север выйти на диалог и заставить его осознать, что от развития ядерного и ракетного потенциала ничего не выиграешь. В ответ Вэй призвал заинтересованные страны приложить усилия для урегулирования обоюдных проблем путем диалога, заявив при этом, что Пекин постоянно играет «активную и конструктивную» роль в обеспечении стабильности на полуострове.

28 марта 2023 г. уже новый лидер правящей партии Ким Ги Хён встречался с Син Хаймином и просил Китай сыграть конструктивную роль, чтобы вернуть Северную Корею за стол переговоров².

Однако, и это *во-вторых*, вместо того, чтобы доносить Пхеньяну точку зрения международного сообщества, Пекин скорее доносит миру позицию КНДР, а не наоборот. Китай указывает на обоснованность озабоченности Пхеньяна и призывает ее учитывать. Отвечая на требования США и РК «повлиять на КНДР», Пекин также указывает на то обстоятельство, что ответственность за ситуацию лежит не только на Севере.

7 марта 2022 г. Ван И заявил, что «разумная озабоченность» Северной Кореи по поводу своей безопасности остается неразрешенной, так как с 2018 г. КНДР предпринимала позитивные действия, но не получила от США адекватного вознаграждения. Поэтому развитие событий во многом будет зависеть от того, предпримет ли именно Вашингтон конкретные действия для решения проблемы.

1 мая 2022 г. Лю Сяомин отметил, что причиной враждебности между США и Северной Кореей является глубокое недоверие, для устранения которого необходим «содержательный и искренний диалог»³.

26 мая 2022 г. Китай и Россия наложили вето на американский проект санкционной резолюции⁴, после чего последовательно отбивали попытки США увеличить давление на КНДР. В целом, в течение 2022 г.

¹ S. Korean defense chief calls on China to play 'constructive' role over N.K. threats // Yonhap. November 23, 2022. URL: <https://en.yna.co.kr/view/AEN20221123009500325?section=news> (accessed: 13.05.2023).

² PPP leader discusses bilateral cooperation, N.K. with Chinese ambassador // Yonhap. March 28, 2023. URL: <https://en.yna.co.kr/view/AEN20230328007300315?section=news> (accessed: 13.05.2023).

³ Спецпосланник КНР прибыл с визитом в Сеул // Международное радио Кореи. 02.05.2022. URL: https://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&Seq_Code=69975 (дата обращения: 18.05.2023).

⁴ Россия и Китай наложили вето на проект США о санкциях против КНДР // РИА Новости. 27.05.2022. URL: <https://ria.ru/20220527/veto-1790999505.html> (дата обращения: 13.10.2022).

Совет Безопасности ООН провел 10 заседаний на северокорейскую тему, которые не закончились ничем из-за позиции Китая и России.

12 ноября 2022 г. во время кратких переговоров с президентом Юн Сок Ёлем в Пномпене премьер-министр Китая Ли Кэцян выразил приверженность Китая конструктивной роли в деле денуклеаризации Корейского полуострова¹. Звучала эта тема и в ходе состоявшейся 14 ноября на Бали встречи президента США Джо Байдена и Председателя КНР Си Цзиньпина, по итогам которой глава Белого дома заявил, что он не уверен в способностях Китая предотвратить провокационные действия Севера, но уверен в том, что Пекин не хочет дальнейшего обострения региональной напряженности². Как отметил позднее министр иностранных дел КНР Ван И, Си Цзиньпин довел до сведения президента США Джо Байдена необходимость учета озабоченностей Пхеньяна³.

На саммите лидеров КНР и РК Юн Сок Ёль попросил Китай, как постоянного члена СБ ООН и страну-соседа, сыграть активную и конструктивную роль в северокорейском вопросе. В ответ Си Цзиньпин заявил, что и Южная Корея, и Китай имеют «общие интересы по вопросам Корейского полуострова», и он надеется, что Южная Корея внесет свой вклад в активное улучшение межкорейских отношений. Си также сказал, что успех «дерзкой инициативы» Юна зависит от Северной Кореи, и он поддержит инициативу, *если* Северная Корея отреагирует положительно⁴.

20 февраля 2023 г. китайский представитель в ООН во время своего выступления в Совете Безопасности вновь отметил, что совместные учения РК и США обостряют ситуацию куда больше, чем северокорейские ракетные испытания⁵.

В совместном заявлении, принятом 21 марта 2023 г. в Москве по итогам переговоров Президента России Владимира Путина и Пред-

¹ Lee Haye-ah. Chinese premier cites Beijing's role for denuclearization of Korean Peninsula // Yonhap. November 12, 2022. URL: <https://en.yna.co.kr/view/AEN20221112003400315?section=news> (accessed: 13.05.2023).

² США призывают Китай оказать влияние на Северную Корею // Международное радио Кореи, 15.11.2022. URL: http://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&Seq_Code=72257 (дата обращения: 13.05.2023).

³ Xi Conveys to Biden Need to Address N. Korea's Concerns // KBS World Radio. 15.11.2022. URL: https://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=e&Seq_Code=173793 (accessed: 13.05.2023).

⁴ Yoon urges Xi to 'play active role' in reining in North Korea // Korea Times. 13.11.2022. URL: https://www.koreatimes.co.kr/www/nation/2022/11/120_339906.html (accessed: 13.05.2023).

⁵ U.S. calls for UNSC action against N. Korean missile tests, again to no avail // Yonhap, 21.02.2023. URL: <https://en.yna.co.kr/view/AEN20230221000300325?section=news> (accessed: 07.03.2023).

седателя КНР Си Цзиньпина, говорится, что Россия и Китай выражают озабоченность в связи с ситуацией на Корейском полуострове, настойчиво призывают все заинтересованные государства проявлять спокойствие и сдержанность, прилагая усилия к снижению напряженности. Американская сторона должна реальными действиями ответить на правомерные и рациональные озабоченности Северной Кореи, создать условия для возобновления диалога. Стороны неизменно настаивают на необходимости обеспечения мира и стабильности на Корейском полуострове, включая его денуклеаризацию¹.

Реагируя на это заявление, представитель МИД РК Им Су Сок выразил надежду на то, что «Россия и Китай примут конструктивное участие в решении проблем Северной Кореи — прекращении ею провокационных действий и переходе на путь денуклеаризации», указав, что ответственность за нынешнюю напряженность на Корейском полуострове лежит на северокорейской стороне, которая отвергает все предложения Сеула и Вашингтона, продолжая «ракетно-ядерные провокации»².

В-третьих, описанная выше позиция КНР ведет к новому всплеску обвинений в адрес Китая в двойных стандартах или потворствованию Северу. В СМИ РК часто появляются материалы о том, что «Китай призвал Сеул и Вашингтон соблюдать международные обязательства в связи с недавними дебатами о размещении ядерного оружия США на территории Южной Кореи, но в то же время сохраняет молчание по поводу ядерных амбиций Севера»³.

О заслуженности обвинений в адрес китайского правительства в том, что оно «разрешило» Северной Корее разрабатывать ядерное оружие и подорвало-де международные усилия по решению проблемы с помощью санкций, заявлял в частности бывший госсекретарь США Майк Помпео⁴.

¹ Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики об углублении отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия, вступающих в новую эпоху. 21 марта 2023 г. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5920> (дата обращения: 13.05.2023).

² Сеул надеется на участие России и Китая в решении проблем КНДР // Международное радио Кореи. 24.03.2023. URL: http://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&Seq_Code=73793 (дата обращения: 13.05.2023).

³ Nam Hyun-woo. China has double standard for nukes on Korean Peninsula // Korea Times. 15.10.2022. URL: https://www.koreatimes.co.kr/www/nation/2022/10/120_337917.html (accessed: 13.05.2023).

⁴ Pompeo underlines China's role behind North Korea's nuclear program // Korea Times. 17.11.2022. URL: https://www.koreatimes.co.kr/www/nation/2022/11/103_340038.html (accessed: 13.05.2023).

22 ноября 2022 г. представитель-координатор по стратегическим коммуникациям Совета национальной безопасности Белого дома Джон Кирби заявил о том, что Китай «не оказывает возможного давления на Северную Корею, чтобы помочь воспрепятствовать Пхеньяну в продолжении его провокационных действий»¹.

5 декабря 2022 г. Джон Кирби повторил этот тезис: «мы не видели, чтобы они [китайцы] использовали то влияние, которое, как мы знаем, они могут применить к Пхеньяну со столь желаемыми результатами. Совсем наоборот». Тем не менее, Кирби вновь призвал Китай вмешаться и помочь предотвратить дальнейшую эскалацию напряженности в Северной Корее².

6 апреля 2023 г. в ответ на вопрос, есть ли у США средства давления на Китай, чтобы побудить его помешать Пхеньяну провести 7-е ядерное испытание, представитель Госдепартамента Ведант Пател заявил, что Китай и любые другие страны, имеющие отношения с Северной Кореей, обязаны призвать Пхеньян прекратить свои провокационные действия³.

С конца апреля 2023 г. критика в адрес Пхеньяна начала звучать из уст не только американской, но и южнокорейской стороны. Так, во время своего государственного визита в США президент РК Юн Сок Ёль, выступая с лекцией в Гарварде, отметил, что в растущей угрозе со стороны Северной Кореи частично виноват Китай. «Ядерная угроза стала невероятно ощутимой, потому что члены Совета Безопасности ООН не в полной мере сотрудничали даже в случаях нарушения резолюций Совета Безопасности... Китай и Россия, оба постоянные члены Совета Безопасности, часто выступали против усиления санкций в отношении Северной Кореи»⁴.

2 мая 2023 г. Юн Сок Ёль вновь заявил, что у Южной Кореи нет другого выбора, кроме как полагаться на расширенное сдерживание

¹ Byun Duk-kun (LEAD). China not putting necessary pressure on N. Korea to stop provocations: NSC coordinator // Yonhap. November 23, 2022. URL: <https://en.yna.co.kr/view/AEN20221123000251325?section=news> (accessed: 13.05.2023).

² Byun Duk-kun. China has enough influence to change N. Korea's behavior: Kirby // Yonhap. December 06, 2022. URL: <https://en.yna.co.kr/view/AEN20221206000200325?section=news> (accessed: 13.05.2023).

³ Byun Duk-kun (LEAD). China, others have obligation under U.N. resolutions to engage N. Korea: State Dept. // Yonhap. April 07, 2023. URL: <https://en.yna.co.kr/view/AEN20230407000251325?section=news> (accessed: 13.05.2023).

⁴ Lee Haye-ah. Yoon says Washington Declaration is 'upgraded' version of Mutual Defense Treaty // Yonhap. April 29, 2023. URL: <https://en.yna.co.kr/view/AEN20230429001000315?section=news> (accessed: 13.05.2023).

КНДР со стороны Соединенных Штатов, поскольку Пекин вообще не применяет санкции ООН в отношении Северной Кореи. Когда репортер спросил Юна, как он оценивает степень недовольства Китая по поводу южнокорейского сближения с США, Юн ответил, что «если они хотят выразить нам протест, раскритиковать нас за принятие Вашингтонской декларации и доведение нашего [с США] сотрудничества до уровня, который базируется на ядерной составляющей, то они [КНР] должны снижать ядерную угрозу или хотя бы придерживаться международного права и выполнять санкции Совета Безопасности ООН по этой угрозе»¹.

Для автора это довольно важное событие в отношениях Пекина и Сеула, который до настоящего времени избегал прямых обвинений в адрес Китая. И на момент завершения этого текста так и осталось не до конца понятным, идет ли речь о смене политики или у президента РК просто «накипело».

Изучение причин и перспектив

Что является причиной в изменении позиции Китая и как оценивают эксперты США и РК вероятную роль Китая в качестве посредника? Рамон Пачеко Пардо, профессор международных отношений в Королевском колледже Лондона, предполагает, что Китай недоволен действиями администрации Байдена. Но Пекин мало что может сделать, поскольку политика Вашингтона в этом вопросе непоколебима, и Пхеньян не настроен менять свое поведение в ближайшее время. «До тех пор, пока администрация Байдена продолжает называть Китай своей самой большой долгосрочной угрозой, налагает на Китай технологические санкции и в целом имеет плохие отношения с китайским правительством, я не вижу никаких стимулов для Си Цзиньпина поддерживать США в этом [вопросе]»².

Профессор Военно-морского колледжа США Теренс Рериг тоже сомневается в том, что Пекин может существенно влиять на КНДР. «Хотя Пекин имеет некоторое влияние на поведение Северной Кореи

¹ Президент Южной Кореи обвинил Китай в невыполнении санкций против КНДР // ТАСС. 02 мая 2023 г. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/17660579> (дата обращения: 13.05.2023).

² Kang Seung-woo. Ex-unification minister casts doubts on China's role in North Korean nuclear issue // Korea Times. 04.12.2022. URL: https://www.koreatimes.co.kr/www/nation/2022/12/103_340980.html (accessed: 13.05.2023).

и, возможно, пытался оказать некоторое давление на Пхеньян, чтобы он смягчил свои действия, я думаю, что мы в значительной степени переоцениваем влияние Китая на Северную Корею»¹.

Старший научный сотрудник Центра Стимсона и директор программы *38 North* Дженни Таун полагает, что призыв к Китаю сыграть свою роль в решении ядерной проблемы Северной Кореи был неудачной идеей еще в 2017 г., когда Китай был более настроен на жесткую линию в отношении Северной Кореи. Сегодня, когда США и их союзники укрепляются в регионе под предлогом противодействия КНР, «у Пекина, которому необходимо создать свой собственный блок безопасности с Россией и Северной Кореей, есть глубинная причина поддерживать близость Пхеньяна в качестве партнера»².

Президент университета Кеннам и бывший министр объединения РК Пак Чжэ Гю также не уверен в том, сыграет ли Китай конструктивную роль в решении северокорейской ядерной проблемы. Во-первых, Пекин мало что может сделать, во-вторых, он мало заинтересован в поддержке Соединенных Штатов в решении северокорейской ядерной проблемы. «По мере усиления соперничества Китай почувствует необходимость укрепить свою солидарность с социалистической Северной Кореей, а Северная Корея пытается максимально укрепить свой собственный ядерный потенциал, чтобы заполнить дипломатический вакуум... Китай неявно сдерживает действия Северной Кореи, такие как седьмое ядерное испытание, с неустойчивыми результатами; но мы также можем видеть, что Китай избегает дискуссий на уровне Совета Безопасности ООН и фактически потворствует запуску Северной Кореей многочисленных и разнообразных баллистических ракет, нацеленных на Южную Корею, США и Японию»³.

Автор же выделяет две взаимосвязанные причины такого изменения. Первая связана с тем, что когда ранее Китай действительно играл роль посредника или солидаризировался с международным сообществом,

¹ Kang Seung-woo. Ex-unification minister casts doubts on China's role in North Korean nuclear issue // Korea Times. 04.12.2022. URL: https://www.koreatimes.co.kr/www/nation/2022/12/103_340980.html (accessed: 13.05.2023).

² Kang Seung-woo. Analysis: China unlikely to deter North Korea's nuclear ambitions // Korea Times. 22.11.2022. URL: https://www.koreatimes.co.kr/www/nation/2022/11/103_340345.html (accessed: 13.05.2023).

³ Kang Seung-woo. Ex-unification minister casts doubts on China's role in North Korean nuclear issue // Korea Times. 04.12.2022. URL: https://www.koreatimes.co.kr/www/nation/2022/12/103_340980.html (accessed: 13.05.2023).

ществом, то это воспринималось как должное, если не признак слабости, и «вознаграждение» в виде улучшения отношений Пекина и Вашингтона так и не последовало.

Вторая причина — трансформация существующего международного порядка, в ходе которой цели, которые Китай мог преследовать, исполняя роль посредника, становились все менее и менее значимыми. С точки зрения автора, фрагментация единого политического пространства привела к тому, что единого «международного сообщества» уже нет. Вместо этого возрождается эпоха блоков, в рамках которой Пекину логично поддерживать Пхеньян как одного из немногих союзников.

Теперь о перспективах. Несмотря на то, что Южная Корея продолжает искать баланс между США, РФ и КНР¹, на среднесрочную перспективу видно, что Сеул движется в сторону альянса с Вашингтоном, и это не может не сопровождаться охлаждением его отношений с Пекином и Москвой. В такой ситуации без кардинальных изменений в международной политической обстановке у Пекина нет ни смысла, ни желания выступать в роли посредника для Сеула.

В этом контексте интересен и вопрос о том, какова будет реакция Пекина на проведение КНДР 7-го ядерного испытания, после которого КНР будет вынуждена озвучить свою позицию в СБ ООН. Ядерное испытание — это куда более серьезный вызов, чем пуски ракет, и речь будет идти о голосовании за или против резолюции, которая фактически превратит санкционное давление на Север в эмбарго. Пекин окажется перед неприятной дилеммой: либо КНР поддерживает тренд прошлого, когда члены СБ ООН голосовали единообразно, нанося урон союзническим отношениям с одним из ее немногих союзников, либо Китай в этот раз не поддержит санкции, за которые голосовал ранее, что будет существенным ударом по традиционной архитектуре безопасности.

Рассматривая этот вариант, мы исходим из того, что ядерное испытание рано или поздно произойдет, хотя стоит обратить внимание на следующее. Во-первых, на фоне демонстраций северокорейского ракетно-ядерного потенциала последнего времени политический аспект ядерного испытания как демонстрации силы имеет меньшее значение: Пхеньян и без этого удачно «показывает зубы». Во-вторых, распространено мнение, что 7-е испытание до сих пор не провели

¹ Банбан К. Как Южная Корея ищет баланс между Китаем, Россией и США // Форбс. 05 мая 2023. URL: <https://www.forbes.ru/biznes/488846-kak-uznaa-korea-iset-bala-ns-mezdu-kitaem-rossiej-i-ssa> (дата обращения: 13.05.2023).

именно по настоянию Пекина¹, в том числе для того, чтобы Китай смог избежать указанной выше дилеммы. В-третьих, на фоне вхождения всего мира в состояние турбулентности прежняя архитектура безопасности начинает утрачивать свое былое значение.

В этом контексте вероятно, что новое ядерное испытание будет проведено тогда, когда конфронтация еще более обострится. Однако чем выше напряженность между Китаем и США, тем больше вероятность, что КНР откажется присоединиться к осуждающему Север международному сообществу вплоть до наложения вето по аналогии с голосованием в СБ ООН в мае 2022 г.

Заключение

Изменения миропорядка, начавшиеся в конце 2010-х гг., существенно повлияли на позицию Китая. В ситуации возвращения к системе военно-политических блоков и того, что как минимум до конца правления консерваторов РК будет двигаться «от Пекина к Вашингтону», вероятность китайского посредничества (в западном понимании этой роли) стремительно движется к нулю. В ситуации, когда «международное сообщество» стало синонимом возглавляемых США сил, противостоящих «амбициям Китая», у Пекина не будет желания играть роль посредника между его союзником и его же врагами. Наоборот, он станет защищать Пхеньян как одного из своих региональных союзников, и его предполагаемая деятельность, которую условно можно назвать посреднической, будет сводиться к лоббированию интересов КНДР и доведению до мира ее позиции.

Библиографический список

Асмолов К.В., Захарова Л.В. Северная Корея 3.0: первое десятилетие эпохи Ким Чен Ына (2012—2021). М.: ИКСА РАН, 2022. 440 с. DOI: 10.48647/IFES.2022.83.95.009. ISBN: 978-5-8381-0450-2.

Воронцов А.В. Позиция Китая по «корейскому вопросу» // РСМД, 11 октября 2013 URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/pozitsiya-kitaya-po-koreyskomu-voprosu/> (дата обращения: 13.05.2023).

Жебин А.З. Северная Корея: бомбы, ракеты, санкции // Азия и Африка сегодня. 2017. № 1. С. 2—9.

¹ Jung Min-ho. North Korea may delay nuclear test until end of China's party congress: experts // Korea Times. 29.07.2022. URL: https://www.koreatimes.co.kr/www/nation/2022/07/103_333604.html (accessed: 13.05.2023).

Корейское урегулирование и интересы России // под ред. В.И. Денисова и А.З. Жебина. М.: ИДВ РАН; НП ИД «Русская панорама», 2008. 334 с.

Самойлова М.П., Казакова О.А. Роль Китайской Народной Республики во взаимоотношениях КНДР и Республики Корея // *Juvenis scientia*, 2017. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-kitajskoj-narodnoj-respubliki-vo-vzaimootnosheniyah-kndr-i-respubliki-koreya> (дата обращения: 13.05.2023).

References

Asmolv, K.V.; Zaharova L.V. (2022). Severnaja Koreja 3.0: pervoe desjatiletie jepohi Kim Chen Yna (2012—2021) [North Korea 3.0: The First Decade of the Kim Jong-un Era (2012—2021)] — Moscow: ICCA RAS, 2022: 440 p. DOI: 10.48647/IFES.2022.83.95.009 ISBN: 978-5-8381-0450-2 (In Russian).

Korejskoe uregulirovanie i interesy Rossii / pod red. V.I.Denisova i A.Z.Zheбина. М.: *In-t Dal'nego Vostoka RAN, NP ID «Russkaja panorama»*, 2008 [Korean settlement and Russia's interests / ed. by V.I. Denisov and A.Z. Zhebin]. — Moscow: *Institute of the Far East of the Russian Academy of Sciences, Russian Panorama PH*, 2008: 340 p. (In Russian).

Samojlova, M.P.; Kazakova, O.A. (2017). Rol' kitajskoj narodnoj Respubliki vo vzaimootnoshenijah KNDR i Respubliki Koreja [The role of the People's Republic of China in the relations between the DPRK and the Republic of Korea], *Juvenis scientia*. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-kitajskoj-narodnoj-respubliki-vo-vzaimootnosheniyah-kndr-i-respubliki-koreya> (accessed: 13 May, 2023). (In Russian).

Vorontsov, A.V. (2013). Pozicija Kitaja po «korejskomu voprosu» [China's position on the “Korean issue”], *RSMD [Russian International Affairs Council, RIAC]*, 11 October, 2013. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/pozitsiya-kitaja-po-korejskomu-voprosu> (accessed: 13 May, 2023). (In Russian).

Zhebin, A.Z. (2017). Severnaya Koreya: bomby, rakety, sankcii [North Korea: bombs, missiles, sanctions], *Aziya i Afrika segodnya [Asia and Africa today]*:1:2—9. (In Russian).

* * *

Demick, Barbara (2010). China Plays Middleman Between North, South Korea, *NPR*, December 1. URL: <https://www.npr.org/2010/12/01/131719055/north-south-korea-a-update> (accessed: 13 May, 2023).

Eun A Jo (2017). Limits of Chinese Patience Toward North Korea and Prospects of Chinese Cooperation with South Korea. *Open Forum, Cornell University*, April 13. URL: <https://theasanforum.org/limits-of-chinese-patience-toward-north-korea-and-prospects-of-chinese-cooperation-with-south-korea/> (accessed: 13 May, 2023).

Eunsook Yang (2006). Is China still a viable mediator to solve the North Korean nuclear problem? *UNISCI Discussion Papers*: 12 (October). ISSN 1696—2206. URL: <https://www.ucm.es/data/cont/media/www/pag-72529/UNISCIYang12.pdf> (accessed: 13 May, 2023).

Favre, William (2023). China's Role as Mediator in North Korean Provocation, *The Kootneeti*, 22 April. URL: <https://thekootneeti.in/2023/04/22/chinas-role-as-mediator-in-north-korean-provocation/> (accessed: 13 May, 2023).

Skyler Mastro, Oriana (2017). Why China Won't Rescue North Korea. What to Expect if Things Fall Apart, *Foreign Affairs*: 1. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/asia/2017-12-12/why-china-wont-rescue-north-korea> (accessed: 13 May, 2023).

Yongmei Li (2020). China and South Korea Diplomatic Relations Present Status and Perspectives, *Graduate School of International Studies, Yonsei University*, July. DOI:10.32629/memf.v1i1.123. URL: https://www.researchgate.net/publication/342665065_China_and_South_Korea_Diplomatic_Relations_Present_Status_and_Perspectives (accessed: 13 May, 2023).

А. Ч. Мокрецкий

О «ВСЕПОГОДНЫХ И ВСЕСТОРОННИХ ОТНОШЕНИЯХ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПАРТНЕРСТВА» КНР И РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Аннотация. За 31 год двусторонних связей Минск и Пекин прошли несколько этапов развития: от «отношений дружбы и сотрудничества» (январь 1992 г.) до «дальнейшего развития всепогодных и всесторонних отношений стратегического партнерства двух государств в новую эпоху» (март 2023 г.).

Вместе с тем, об уникальности «всепогодных» отношений говорить не приходится. В казуистике внешнеполитических формул Пекина, применяемых в контактах с другими странами, с которыми установлены дипломатические связи, Республика Беларусь вовсе не одинока. Ранее Пакистан стал первым государством, отношения с которым были названы «всепогодными».

Несмотря на кажущиеся существенными различия между Пакистаном и Беларусью, начиная с географического положения (Южная Азия и Восточная Европа соответственно), численности населения (238 млн против примерно 10 млн), заканчивая вероисповеданием (мусульмане — христиане), между ними есть как минимум три общие черты, причем две из них непосредственно связаны с третьей. Речь идет об официальном представительстве в ШОС (Пакистан вошел в организацию 9 июня 2017 г., Беларусь начиная с 15 сентября 2022 г. вступила в процедуру приема в качестве полноправного члена), укреплением связей с Китаем и наличием крупных двусторонних проектов с КНР, так называемых жемчужин Шелкового пути: в Пакистане — глубоководный порт Гвадар, в РБ — китайско-белорусский индустриальный парк «Великий камень».

Пекин продолжает реализовывать в Беларуси гибкую, системную, часто «точечную» и дифференцированную политику. Курс на этом направлении Пекин рассматривает в качестве составной части

всего комплекса своих дипломатических мер в рамках продвижения концепции «сообщества единой судьбы человечества», строительства «Пояса и пути», а также достижения китайской мечты о великом возрождении китайской нации.

Что касается нового «всепогодного» уровня белорусско-китайских отношений, то следует отметить, что в двустороннем взаимодействии поднята высокая планка, которая будет количественно и качественно поддерживаться. Автор убежден, что характер взаимодействия Китая с Беларусью прямо или косвенно оказывает влияние и на российско-китайские отношения.

Ключевые слова: Китай, Беларусь, «всепогодные отношения», «Великий камень».

Автор: Мокрецкий Александр Чеславович, старший научный сотрудник Центра «Россия, Китай, мир» Института Китая и современной Азии РАН (адрес: 117977, Москва, Нахимовский пр-т, 32). ORCID 0000-0002-5150-7747. E-mail: 88am@mail.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации в Институте Китая и современной Азии РАН.

A.Ch. Mokretskii

On the “All-weather and Comprehensive Strategic Partnership Relations” Between People’s Republic of China and Republic of Belarus

Abstract. For 31 years of bilateral relations, Minsk and Beijing have gone through several stages of development: from “friendship and cooperation relations” (January 1992) to “further development of all-weather and comprehensive relations of strategic partnership between the two states in a new era” (March 2023).

At the same time, there is no need to talk about the uniqueness of the “all-weather” relationship. In the casuistry of Beijing’s foreign policy formulas used in contacts with other countries with which diplomatic ties have been established, the Republic of Belarus is by no means alone. Previously, Pakistan became the first state with which relations were called “all-weather” ones.

Despite the seemingly significant differences between Pakistan and Belarus, starting with geographical location (South Asia and Eastern Europe, respectively), population (238 million versus about 10 million), ending with religion (Muslims — Christians), there are at least three common features between them, and two of them are directly related to the third. We are talking about the official representation in the SCO (Pakistan joined the orga-

nization on June 9, 2017, Belarus on September 15, 2022 has entered the admission procedure as a full member), strengthening ties with China and the presence of major bilateral projects with China — the so-called pearls of the Silk Road: in Pakistan — the deep-water port of Gwadar, in the Republic of Belarus — the Chinese-Belarusian industrial park “Great Stone”.

Beijing continues to implement a flexible, systematic, often “point-based” and differentiated policy in Belarus. Beijing considers the course in this direction as an integral part of the entire complex of its diplomatic measures within the framework of promoting the concept of a “community of the common destiny of mankind”, the construction of the “Belt and Road”, as well as achieving the Chinese dream of the great revival of the Chinese nation.

As for the new “all-weather” level of Belarusian-Chinese relations, it should be noted that a high level has been set in bilateral cooperation, which will be filled quantitatively and qualitatively. The author is convinced that the nature of China’s interaction with Belarus directly or indirectly influences Russian-Chinese relations.

Keywords: China, Belarus, “all-weather relations”, “Great Stone”.

Author: Alexander Ch. MOKRETSKII, Senior Research Fellow, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences (address: 32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117997, Russian Federation). ORCID 0000-0002-5150-7747. E-mail: 88am@mail.ru

Conflict of interests. The author declares that there is no conflict of interests.

Support. The article was prepared at the Institute of China and Contemporary Asia of the RAS within the framework of the State assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation.

20 января 2022 г. Китайская Народная Республика и Республика Беларусь (далее РБ) торжественно отметили 30-летие дипломатических отношений. Согласно известному конфуцианскому изречению, двусторонние связи достигли возраста «становления на ноги» («В тридцать лет я обрел самостоятельность») [«Лунь юй»]. 15 сентября того же года в Самарканде (Узбекистан) во время 22-й встречи глав государств Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), А.Г. Лукашенко и Си Цзиньпин подписали Совместную Декларацию о «формировании всепогодных и всесторонних отношений стратегического партнерства»¹. Между сторонами возник новый уровень от-

¹ 中华人民共和国和白俄罗斯共和国关于建立全天候全面战略合作伙伴关系的联合声明（全文）（Zhōnghuá rénmin gònghéguó hé bái'èluósī gònghéguó guānyú jiànli quántiānhòu quánmiàn zhānlüè huóbàn guānxì de liánhé shēngmíng (quánwén) [Совместная Декларация КНР и РБ об установлении всепогодных и всесторонних отношений стратегического партнерства (полный текст)]. URL: https://www.mfa.gov.cn/web/gjhdq_676201/gj_676203/oz_678770/1206_678892/1207_678904/202209/t120220916_10766853.shtml (дата обращения: 13.04.2023).

ношений — «всепогодный». 1 марта 2023 г. во время государственного визита президента РБ А.Г. Лукашенко в Китай взаимодействие двух сторон стало выражением «дальнейшего развития всепогодных и всесторонних отношений стратегического партнерства двух государств в новую эпоху»¹.

Сам термин «всепогодный» (全天候), согласно Большому китайско-русскому онлайн-словарю, также может переводиться как «функционировать вне зависимости от погодных условий»; «действовать вне зависимости от любых условий или обстановки».

«Всепогодные» отношения РБ и Пакистана

Вместе с тем, об уникальности «всепогодных» отношений говорить не приходится. В казуистике внешнеполитических формул Пекина, применяемых в контактах со странами, с которыми установлены дипломатические связи, Республика Беларусь вовсе не одинока. Ранее Пакистан стал первым государством, отношения с которым были названы «всепогодными». Так, в Совместной Декларации от 20 апреля 2015 г. Китаем и Пакистаном были зафиксированы «всепогодные отношения стратегического сотрудничества и партнерства»², а спустя 3 года — 4 ноября 2018 г. — китайско-пакистанское взаимодействие усложнилось до формулы «укрепление китайско-пакистанских всепогодных отношений стратегического сотрудничества и партнерства, создание еще более тесного китайско-пакистанского сообщества единой судьбы в новую эпоху»³.

¹ 中华人民共和国和白俄罗斯共和国关于新时代进一步发展两国全天候全面战略合作伙伴关系的联合声明 (全文) (Zhōnghuá rénmin gònghéguó hé báil'èluósī gònghéguó guānyú xīn shídài jīnyībù fāzhan liang guó quántiānhòu quánmiàn zhànlüè huobàn guānxi de liánhé shēngmíng (quánwén) [Совместная Декларация КНР и РБ о дальнейшем развитии всепогодных и всесторонних отношений стратегического партнерства двух государств в новую эпоху (полный текст)]. URL: https://www.mfa.gov.cn/zyxw/202303/t20230302_11033872.shtml (дата обращения: 13.04.2023).

² 中华人民共和国和巴基斯坦伊斯兰共和国关于建立全天候战略合作伙伴关系的联合声明 (全文) (Zhōnghuá rénmin gònghéguó hé bājisītān yīslām gònghéguó guānyú jiànlì quántiānhòu zhànlüè hézuò huobàn guānxi de liánhé shēngmíng (quánwén) [Совместная Декларация КНР и Исламской Республики Пакистан об установлении всепогодных отношений стратегического сотрудничества и партнерства (полный текст)]. URL: https://www.mfa.gov.cn/web/gjhdq_676201/gj_676203/yz_676205/1206_676308/1207_676320/201504/t20150421_9288487.shtml (дата обращения: 13.04.2023).

³ 中华人民共和国和巴基斯坦伊斯兰共和国关于加强中巴全天候战略合作伙伴关系、打造新时代更紧密中巴命运共同体的联合声明 (全文) (Zhōnghuá rénmin gònghéguó hé bājisītān yīslām gònghéguó guānyú jiāqiáng zhōng bā quántiānhòu zhànlüè hézuò huobàn guānxi, dazào xīn shídài gèng

Несмотря на кажущиеся существенными различия между Пакистаном и Беларусью, начиная с географического положения (Южная Азия и Восточная Европа соответственно) и численности населения (238 млн против примерно 10 млн), заканчивая вероисповеданием (мусульмане — христиане), между ними есть как минимум три общие черты, причем две из них непосредственно связаны с третьей. Речь идет об официальном представительстве в ШОС (Пакистан вошел в организацию 9 июня 2017 г., а Беларусь 15 сентября 2022 г. вступила в процедуру принятия в качестве полноправного члена), укреплением связей с Китаем и наличием крупных двусторонних проектов с КНР, так называемых жемчужин Шелкового пути: в Пакистане — глубоководный порт Гвадар, в РБ — китайско-белорусский индустриальный парк «Великий камень».

Кроме того, примечательны слова о «железных братьях» Чрезвычайного и Полномочного Посла Республики Беларусь в КНР (2016—2020 гг.), помощника президента РБ по экономическим вопросам (2013—2016 гг.), прожившего в Китае около 10 лет, профессора К.В. Рудого. В своей книге «Непохожие: взгляд на Китай и белорусско-китайские отношения» он отметил: «Выражением «железные братья» в Китае изначально характеризовали его отношения с Пакистаном, затем его затмила другая фраза — «всепогодное сотрудничество». С 2018 г. «железными братьями» (а точнее, «нержавеющими железными братьями», то есть испытанными временем) в Китае стали называть китайцев и белорусов». Это стало своего рода подтверждением, что Беларусь и Китай на практике достигли высокого уровня политических отношений и доказательством беспрецедентного политического сближения столь разных стран, как Беларусь и Китай [Рудый].

Таким образом, за 31 год двусторонних связей Минск и Пекин прошли несколько этапов развития: от «отношений дружбы и сотрудничества» (январь 1992 г.) до «дальнейшего развития всепогодных и всесторонних отношений стратегического партнерства двух

jinmi zhōng bā mìngyùn gòngtóngtǐ de liánhé shēngmíng (quánwén) [Совместная Декларация КНР и Исламской Республики Пакистан об укреплении китайско-пакистанских всепогодных отношений стратегического сотрудничества и партнерства, создании ещё более тесного китайско-пакистанского сообщества единой судьбы в новую эпоху (полный текст)]. URL: https://www.mfa.gov.cn/web/gjhdq_676201/gj_676203/yz_676205/1206_676308/1207_676320/201811/t20181104_9288489.shtml# (дата обращения: 13.04.2023).

¹ Подробнее см. выступление д.и.н., доцента, профессора кафедры международных отношений Белорусского государственного университета Свилас С.Ф. «Эволюция белорусско-китайских отношений в 1992—2022 гг.» на X международной научной конфе-

государств в новую эпоху» (март 2023 г.)¹. В ежегодном Послании белорусскому народу и Национальному собранию 31 марта 2023 г. А.Г. Лукашенко напрямую увязал с КНР одно из условий суверенитета и независимости — независимую внешнюю политику. В Послании им была названа и Россия, торговля с которой «перешагнула» рубеж в 50 млрд долл. Также президент РБ отметил, что «логическим результатом нашего взаимодействия с Китаем стал выход на статус всепогодного и всестороннего стратегического партнерства, за которым стоит освоение новых перспективных направлений по всем ключевым темам, причем независимо от любых внешних факторов». «Благодаря китайской поддержке в Беларуси создан первый народный автомобиль (речь идет о «БЕЛДЖИ»). Стартовало производство будущего — Национальная биотехнологическая корпорация»¹.

О государственном визите А.Г. Лукашенко в КНР

По приглашению Председателя Китайской Народной Республики Си Цзиньпина 28 февраля — 2 марта 2023 г. состоялся государственный визит (13-й по счету) Президента РБ А.Г. Лукашенко в КНР. Главы государств «в теплой и дружественной» атмосфере, как подчеркивают обе стороны, провели четырехчасовые переговоры, в ходе которых состоялся углубленный обмен мнениями по всему спектру белорусско-китайского сотрудничества, а также по вопросам международной и региональной повестки дня.

Прошли переговоры в широком и узком составах. А.Г. Лукашенко провел встречи с премьером Госсовета КНР Ли Кэцяном, предсе-

ренции «Китайская цивилизация в диалоге культур» 1—2 марта 2023 г., Минск. Вместе с тем, в Китае убеждены, что двусторонние отношения прошли четыре важных этапа развития: «отношения дружбы и сотрудничества» (友好合作关系), «всесторонние отношения стратегического партнерства» (全面战略合作伙伴关系), «взаимодоверительные, кооперационные и обоюдовыигрышные всесторонние отношения стратегического партнерства» (相互信任、合作共赢的全面战略合作伙伴关系) и «всепогодные и всесторонние отношения стратегического партнерства» (全天候全面战略合作伙伴关系). См. подробнее: 卢卡申科访华之行, 为白俄罗斯收获35.6亿美元协议, 中白合作再上新台阶 (Lú ka shēn kē fāng huá zhī xíng, wèi bái'èluósī shōuhuò 35.6 Yì měiyuán xiéyì, zhōng bái hézuò zài shàng xīn táijiē) [Визит А.Г. Лукашенко в Китай принес Беларуси соглашений на сумму 3,6 млрд долл., китайско-белорусское сотрудничество поднялось на новую ступень]. URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1759333499160507771&wfr=spider&for=pc> (дата обращения: 13.04.2023).

¹ Послание белорусскому народу и Национальному собранию. URL: <https://president.gov.by/ru/events/poslanie-aleksandra-lukashenko-beloruskomu-narodu-i-naciona-lnomu-sobraniyu-sostoitsya-31-marta> (дата обращения: 13.04.2023).

дателем ПК ВСНП Ли Чжаньшу, представителями китайского бизнеса (председателем правления корпорации *CITIC Group* Чжу Хэсинем, руководством Первой китайской автомобильной корпорации (*China First Automotive Group Corporation, FAW*¹). Общий объем вложений в строительство с участием *CITIC Group* на территории Беларуси на данный момент составляет 1,5 млрд долл.² Корпорации предложили построить горно-обоганительный комбинат, продолжить развитие биотехнологического кластера, в том числе объектов Белорусской национальной биотехнологической корпорации (БНБК). Первые этапы БНБК-1 и БНБК-2 уже успешно реализованы с участием китайских партнеров. Кроме того, планируются такие проекты, как глубокая переработка кукурузы, производство витаминов и прочих продуктов.

По данным администрации президента РБ, российских СМИ (ТАСС, «Российская газета», «Спутник Беларусь») и белорусских медиа (БелТА, «Беларусь сегодня», «Звезда», «Рэспубліка») в присутствии глав государств было подписано 27 межправительственных, межведомственных и межрегиональных соглашений, более 10 коммерческих договоренностей в различных областях. Среди них — Меморандум о взаимопонимании между МИД Беларуси и Государственным агентством по международному развитию и сотрудничеству КНР по укреплению сотрудничества в целях развития и содействия реализации Глобальной инициативы развития; Программа научно-технического сотрудничества на 2023—2024 гг.; Меморандум о взаимопонимании по реализации проектов сотрудничества с использованием льготных кредитов правительства Китая; документы о кооперации в области банковского дела, государственного контроля, здравоохранения, сельского хозяйства и продовольствия, строительства и архитектуры, спорта, туризма, радиовещания и телевидения (между Национальной государственной телерадиокомпанией Республики Беларусь и Медиакорпорацией Китая), между агентствами («БелТА» и «Синьхуа») и издательскими домами двух стран.

В 2023 г. планируется подписание Соглашения о торговле услугами и осуществлении инвестиций между РБ и КНР. Переговоры вышли на завершающую стадию. Об этом свидетельствовал подписанный 1 марта с.г. Меморандум о взаимопонимании между Министерством

¹ *FAW Group* — один из старейших и крупнейших производителей автомобилей в Китае. Наиболее известные бренды легковых автомобилей и коммерческих грузовиков Hongqi («Хунци», переводится как «красное знамя») и Jiefang («Цзефан»).

² Встреча с председателем правления корпорации «СИТИК Групп» Чжу Хэсинем. URL: <https://president.gov.by/ru/events/vstrecha-s-predsedelem-pravleniya-korporacii-sit-ik-grupp-chzhu-hesinom> (дата обращения: 13.04.2023).

экономики Беларуси и Министерством коммерции Китайской Народной Республики¹ (это полтора—два шага до формирования зоны свободной торговли. Таким образом, в перспективе Беларусь может стать 2-й постсоветской страной после Грузии (январь 2018 г.), с которой у КНР есть ЗСТ). В форме обмена письмами заключено межправительственное соглашение по утверждению проекта по поставке досмотрового оборудования для Национального аэропорта в Минске. Утверждена комплексная стратегия совместного промышленного развития, реализуемая Министерством промышленности РБ и Министерством промышленности и информатизации КНР. Подписаны: протокол, касающийся санитарных и фитосанитарных требований при поставке продукции из Беларуси в Китай, Меморандум о взаимопонимании в области сотрудничества по сельскому хозяйству, План по развитию сотрудничества в области здравоохранения на 2023—2025 гг.²

Меморандум об укреплении сотрудничества в рамках Глобальной инициативы развития предполагает реализацию проектов в сфере индустриализации, цифровой экономики, «зеленого» развития, продовольственной безопасности, здравоохранения при финансовой поддержке Китая. Беларусь готова углублять взаимодействие в совместном строительстве «Пояса и пути» по всему спектру сотрудничества, включая «Зеленый», «Цифровой» и «Здоровый» шелковые пути. Как отметил заместитель начальника управления Азии, Австралии и Океании МИД РБ В. Сенюта, Комплексная стратегия совместного технологического развития (партнерство в новой промышленной революции, развитие промышленной кооперации, содействие модернизации отраслей промышленности Беларуси) включает такие основные направления, как машиностроение, электроника и оптико-ме-

¹ В случае полного устранения барьеров в торговле услугами между странами прогнозируется нарастить экспорт услуг в КНР на 12,5 %. По оценкам экспертов, он увеличится преимущественно за счет деловых услуг, услуг воздушного транспорта и связи. В инвестиционной части, исходя из международной практики заключения подобных соглашений, ожидается рост притока инвестиций в Беларусь на 30 % в среднесрочной перспективе. Кроме того, китайские инвесторы по итогам 2022 г. направили более 100 млн долл. на проекты в РБ. С участием компаний КНР воплощено в жизнь свыше 40 проектов, реализация еще 20 перспективных начинаний ныне прорабатывается. Подробнее см.: Товарооборот Беларуси и Китая в 2022 году достиг 5,8 млрд долл. — за счет чего и какие планы на 2023-й? URL: <https://www.sb.by/articles/bolshie-perspektivy-vostochnogo-partnerstva.html> (дата обращения: 13.04.2023).

² «Мы делаем всё в интересах своих народов». Подробности государственного визита Президента в Китай. URL: <https://www.sb.by/articles/my-delaem-vsye-v-interesakh-svoikh-narodov-podrobnosti-gosudarstvennogo-vizita-prezidenta-v-kitay.html> (дата обращения: 13.04.2023).

ханическое производство, производство химической продукции и другие¹.

В целом, «совокупный экономический эффект» от белорусско-китайских договоренностей, достигнутых и формализованных в ходе государственного визита президента Беларуси А.Г. Лукашенко в КНР, оценивается более чем в 3,5 млрд долл.²

О значимости визита говорят те характеристики, которые дали ему белорусские политические деятели, эксперты, представители бизнеса: «выдающийся визит»³ (первый заместитель премьер-министра Н. Снопков), «визит Президента в Китай носит исторический характер для всего человечества»⁴ (аналитик Белорусского института стратегических исследований А. Авдонин в эфире общественно-политического ток-шоу «Будни» на «Альфа Радио»), «визит Александра Лукашенко в Китай — событие, выходящее за рамки белорусско-китайских двусторонних отношений», потому что у него «есть геополитическая подоплека в контексте мирного плана Пекина»⁵ (политический аналитик А. Шпаковский) и др.

Развитие связей с Китаем белорусы видят как второе по значимости направление внешней политики страны наряду с белорусско-российской интеграцией. Таковы результаты исследований Института социологии НАН Беларуси⁶. Институт социологии НАН Беларуси ежегодно в рамках проекта «Общественное мнение о проблемах, волнующих население», изучает позицию граждан по приоритетным вопросам внешней политики.

¹ МИД: госвизит Президента Беларуси в Пекин стал значимым событием в отношениях с КНР. URL: <https://www.sb.by/articles/mid-gosvizit-prezidenta-belarusi-v-pekinstal-znachimym-sobytiem-v-otnosheniyakh-s-kr.html> (дата обращения: 13.04.2023).

² Совокупный экономический эффект от белорусско-китайских договоренностей оценивается более чем в 3,5 млрд долл. URL: <https://www.belta.by/economics/view/sovokupnyj-ekonomicheskij-effekt-ot-belorussko-kitajskih-dogovorennostej-otsnivaetsja-bol-ee-chem-v-35-553190-2023/> (дата обращения: 13.04.2023).

³ Выдающийся визит: Снопков — о направлениях и перспективах Беларуси и Китая в экономике и торговле. URL: <https://www.sb.by/articles/vydayushchiysya-vizit-snopkovo-napravleniyakh-i-perspektivakh-belarusi-i-kitaya-v-ekonomike-i-torgo.html> (дата обращения: 13.04.2023).

⁴ Авдонин: визит Президента в Китай носит исторический характер для всего человечества. URL: <https://www.sb.by/articles/avdonin-vizit-prezidenta-v-kitay-nosit-istoricheskiy-karakter-dlya-vsego-chelovechestva.html> (дата обращения: 13.04.2023).

⁵ Почти 40 соглашений и контракты на 3,5 млрд долл. — эксперты об итогах визита Лукашенко в Китай. URL: <https://www.sb.by/articles/novaya-epokha-sotrudnichestva-belarusi-i-kitaya.html> (дата обращения: 13.04.2023).

⁶ Развитие отношений с Китаем — стратегически верное направление внешней политики Беларуси. URL: <https://www.sb.by/articles/partnery-i-druzuya-kitai-belarus.html> (дата обращения: 13.04.2023).

Китайская оценка государственного визита А.Г. Лукашенко

В официальных комментариях первых лиц Китая констатировано достижение нового уровня двусторонних отношений. Председатель КНР Си Цзиньпин, подчеркнув «нерушимость китайско-белорусской дружбы», отметил, что высококачественное развитие Китая и процесс модернизации приносят новые шансы всем странам мира, в том числе Беларуси. Перед лицом нестабильностей и неопределенностей текущей международной обстановки Пекин намерен вместе с Минском приложить усилия для продвижения здорового и стабильного развития двусторонних отношений на высоком уровне¹. Премьер Госсовета КНР Ли Кэцян обратил внимание на то, что китайско-белорусские отношения основываются на взаимном уважении и обоюдном доверии; взаимовыгодное сотрудничество непрерывно получает новые результаты, и поэтому Китай высоко оценивает развитие двусторонних связей².

Официальный представитель МИД КНР Мао Нин подчеркнула «всепогодность стратегического партнерства» китайско-белорусских отношений замечанием, что стороны проведут углубленный обмен мнениями по всем спектрам сотрудничества³.

Китайские СМИ в сравнении с белорусскими медиа сдержаннее оценили государственный визит А.Г. Лукашенко в КНР. Вместе с тем, редакционные статьи были наполнены пропагандистским флером: «двусторонние отношения совершили исторический прыжок, став образцом международных отношений нового типа». Как важная узловая страна на Экономическом поясе Шелкового пути, РБ была одной из первых стран, которая начала участие в инициативе «Пояс и путь», а президент лично присутствовал в 1-м и 2-м международных

¹ 习近平同白俄罗斯总统卢卡申科举行会谈 (Xijǐnpíng tóng bái'èluósī zǒngtóng lú kā shēn kē jù xíng huìtán) [Си Цзиньпин провел переговоры с Президентом РБ А.Г. Лукашенко]. URL: https://www.mfa.gov.cn/zyxw/202303/t20230301_11033592.shtml (дата обращения: 13.04.2023).

² 李克强会见白俄罗斯总统卢卡申科 (Líkèqiáng huìjiàn bái'èluósī zǒngtóng lú kā shēn kē) [Ли Кэцян встретился с Президентом РБ А.Г. Лукашенко]. URL: https://www.mfa.gov.cn/zyxw/202303/t20230301_11033479.shtml (дата обращения: 13.04.2023).

³ 2023年2月28日外交部发言人毛宁主持例行记者会 (2023 Nián 2 yuè 28 rì wàijiāo bù fāyán rén máoníng zhǔchí lì xíng jìzhě huì) [Официальный представитель МИД КНР Мао Нин проводит очередную пресс-конференцию 28 февраля 2023 г.]. URL: https://www.mfa.gov.cn/fyrbt_673021/jzhsl_673025/202302/t20230228_11032791.shtml (дата обращения: 13.04.2023).

форумах ОПОП (ныне — ИПП)¹. Или такое сообщение: «Мы приветствуем визит А.Г. Лукашенко в КНР, как и визиты других иностранных друзей, содействующих миру и развитию. Потому что дружественный, умеренный, полный [живительной] силы и возможностей Китай обладает естественным/природным притяжением, что кардинальным образом отличает его от некоторых крупных государств, намеренно сбивающихся в группировки/шайки»².

В англоязычных изданиях были сделаны прогнозы предстоящего визита: президент РБ готовится к трехдневному визиту, ожидая, что в повестке будут вопросы восстановления двусторонней экономической кооперации после пандемии и российско-украинский конфликт³. Договорившись о повышении уровня двусторонних связей до всепогодного и всестороннего стратегического партнерства в сентябре [2022 г.], во время Самаркандского саммита Шанхайской организации сотрудничества, лидеры двух стран пообещали углубить двусторонние обмены на различных уровнях. Визит Лукашенко поможет материализовать этот консенсус в конкретные проекты⁴.

В основном, был сделан «объективный» и «сдержанный» анализ: визит А.Г. Лукашенко имеет две особенности: в 2022 г. китайско-белорусские отношения повысились до «всепогодных», именно поэтому обе стороны намерены «вдохнуть» в них новую энергию. Нынешний визит проходит на фоне затягивания/прокрастинации украинского кризиса, и Минск надеется, что Пекин сыграет еще более важную роль в политическом урегулировании. Вместе с тем, китайские эксперты (в частности, исполнительный директор Шанхайской ассоциации по изучению России и Центральной Азии Чжан Яо) считают, что Китай, как постоянный член СБ ООН и ответственное крупное госу-

¹ 卢卡申科访华之行, 为白俄罗斯收获35.6亿美元协议, 中白合作再上新台阶 (Lú ka shēn kē fāng huá zhī xíng, wéi bái'éluó'st shōuhuò 35.6 Yì měiyuán xiéyì, zhōng bái hézuò zài shàng xīn táijiē) [Визит А.Г. Лукашенко в Китай принес Беларуси соглашений на сумму 3,6 млрд долл., китайско-белорусское сотрудничество поднялось на новую ступень]. URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1759333499160507771&wfr=spider&for=pc> (дата обращения: 13.04.2023).

² 卢卡申科访华, 美西方的敏感很小心眼 (Lú ka shēn kē fāng huá, měi xīfāng de mǐngān hěn xiǎoxīnyǎn) [А.Г. Лукашенко проводит визит в КНР, а США и страны Запада чувствительны до мелочности]. URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1759000963084680834&wfr=spider&for=pc> (дата обращения: 13.04.2023).

³ Cao Desheng. Belarusian president's visit expected to cement ties // China Daily. 28 February 2023. URL: <https://www.chinadaily.com.cn/a/202302/28/WS63fd59c9a31057c47eb134a.html> (дата обращения: 13.04.2023).

⁴ Two visits highlight divergent approaches of Beijing and Washington to Ukraine crisis: China Daily editorial // China Daily. 28 February 2023. URL: <https://www.chinadaily.com.cn/a/202302/28/WS63fd59c9a31057c47eb134a.html> (дата обращения: 13.04.2023).

дарство на международной арене, становится важной целью Беларуси в борьбе за сотрудничество¹.

Двусторонние отношения называются «надежным стратегическим партнерством» (стоит отметить, что в описании стратегического партнерства используется китайская идиома 肝胆相照, которая переводится как «относиться друг к другу с полным доверием», при этом первые два иероглифа — «печень» и «желчный пузырь» по древним китайским представлениям — средоточие лучших чувств души человека и источник благородства и доблести).

Углубление всестороннего взаимодействия

Сотрудничество с КНР в целом имеет тенденцию к укреплению по всем направлениям. Китай сегодня — второй после России торговый партнер Беларуси. По итогам 2022 г. товарооборот между странами составил рекордные 5,8 млрд долл. Темп роста экспорта из Беларуси в КНР в 2022 г. достиг 177 %². В 2023 г. РБ и КНР продолжают развивать новый механизм сотрудничества в торговле, инициированный в 2022 г. Речь идет о работе по экспортным и импортным заявкам. На 2023 г. с китайской стороны обрабатываются отраслевые экспортные заявки на закупки белорусской продукции стоимостью 2,2 млрд долл. (+600 млн долл. к итогам 2022 г.). Важная особенность: заявки осуществляются через коммерческие ассоциации. Что касается импортных заявок, 107 белорусских компаний заявили более 700 позиций, включая технологическое оборудование, сырье и материалы³.

В своем обстоятельном интервью замминистра экономики А. Абраменко отметила, что по результатам 2022 г. «Беларусь находится в десятке стран-поставщиков в Китай калийных удобрений (2-е место), рапсового масла (4-е), мяса курицы (6-е), сухого молока (7-е), замо-

¹ 卢卡申科开启第13次访华, 将对重大问题深入交换意见 (Lú ka shēn kē kāiqǐ dì 13 cì fāng huá, jiāng duì zhòngdà wèntí shēnrù jiāohuàn yìjiàn) [А.Г. Лукашенко начал 13-й государственный визит в КНР и провел углубленный обмен мнениями по важным вопросам]. URL: <https://3w.huanqiu.com/a/de583b/4BtdkJs38hm> (дата обращения: 13.04.2023).

² МИД: госвизит Президента Беларуси в Пекин стал значимым событием в отношениях с КНР. URL: <https://www.belta.by/politics/view/mid-gosvizit-prezidenta-belarusi-v-pekin-stal-znachimym-sobytiem-v-otnoshenijah-s-kr-557851-2023/> (дата обращения: 13.04.2023).

³ Дружба. Так было и так будет! URL: <https://www.sb.by/articles/diplomaty-i-chleny-belorusskoy-delegatsii-v-kitae-o-tochkakh-rosta-sotrudnichestva-i-aktivizatsii-vo.html> (дата обращения: 13.04.2023).

роженной говядины и молочной сыворотки (8-е)». «Ключевой точкой роста» белорусских продаж в КНР по-прежнему «остаются продукты питания»: в прошлом году «темп экспорта говядины увеличился в 1,3 раза, мяса курицы — в 2 раза, молока и сливок — в 1,4 раза». Китай стал чаще покупать шоколад и кондитерские изделия, соки и алкогольную продукцию¹. Безусловно, торговле способствует участие белорусских товаров на китайских электронных платформах *Jingdong* и *Douyin*. Растет количество подписчиков национального павильона (более 800 тыс. человек). Ведется работа с семью новыми крупными электронными площадками Китая, чему содействует подписанный между Министерством экономики РБ и Министерством коммерции КНР в сентябре 2022 г. Меморандум о сотрудничестве в области электронной торговли.

В число основных экспортных позиций Беларуси входят лесоматериалы, целлюлоза, интегральные схемы, полиамиды и пр. Импорт РБ (в 2022 г. он составил 4,2 млрд долл.) включает «запчасти и двигатели, ЖК-модули, мониторы, проекторы, вычислительные машины» и др.²

Отдельное направление двустороннего взаимодействия представляет *сельское хозяйство*. В 2022 г. белорусские предприятия отправили в Китай продовольствия на 524 млн долл.³ Между сторонами есть договоренности о том, что в скором времени в Беларуси появятся крупные совместные производства в сфере животноводства. В 2023 г. Минсельхозпрод поставил амбициозную задачу — нарастить экспорт до 900 млн долл.

Как отметил министр сельского хозяйства и продовольствия Беларуси И. Брыло, белорусские предприятия поставляют на китайский рынок говядину, молоко сухое и цельное, мясо птицы, продукцию, прошедшую термическую обработку (мясо птицы и говядины), а также детскую, гомогенизированную продукцию (чего нет на рынке Китая). Стороны обсудили перспективы сотрудничества в сфере биотехнологий: речь идет о строительстве производства по выпуску витаминов в Белорусской национальной биотехнологической корпорации. С китайскими партнерами подписано два документа: в частности, в

¹ Товарооборот Беларуси и Китая в 2022 году достиг 5,8 млрд долл. — за счет чего и какие планы на 2023-й? URL: <https://www.sb.by/articles/bolshie-perspektivy-vostochnogo-partnerstva.html> (дата обращения: 13.04.2023).

² Там же.

³ БНБК-3 и экспорт на 900 млн долл.: Брыло рассказал о перспективах сотрудничества с Китаем. URL: <https://www.sb.by/articles/svinovodcheskiy-kompleks-na-300-tysyach-golov-bnbk-3-i-eksport-na-900-millionov-dollarov-brylo-rassk.html> (дата обращения: 13.04.2023).

Минской области будет строиться крупнейший в Беларуси свиноводческий комплекс на 300 тыс. голов. Будет модифицироваться мясное скотоводство на базе Могилевской области. Речь о строительстве отдельного убойного цеха¹.

В 2022 г. успешно развивались *контейнерные железнодорожные перевозки* продукции белорусских предприятий в восточном направлении. В течение года через БелЖД было направлено в Китай 988 контейнерных поездов. По предварительным итогам, объем экспортных перевозок превысил 120 тыс. груженых контейнеров, что в 6,5 раза больше, чем в 2021 г.²

Пущен в эксплуатацию второй прямой маршрут в Беларусь из Уханя в Минск после открытого в 2015 г. пути «Китай—Европа»; состав следует по маршруту Ухань (КНР) — Жодино (Беларусь) с ускоренным таможенным оформлением. Полное прохождение состава должно занять 20 дней³.

Новым содержанием наполняется *межрегиональное сотрудничество*. Все шесть белорусских областей и Минск установили побратимские связи с провинциями Китая. Открыты генеральные консульства в Гуанчжоу, Чунцине, Шанхае и в специальном административном районе Гонконг⁴.

26 августа 2021 г. в белорусском внешнеполитическом ведомстве состоялась церемония открытия Года регионов Беларуси и Китая в 2021—2022 гг. За это время было реализовано порядка 200 мероприятий межрегионального уровня в различных сферах — экономике, в областях науки и технологий, образования, медицине и др., которые сыграли значимую роль в углублении торгово-экономического взаимодействия между белорусскими областями и китайскими провинциями, укреплении дружбы между народами двух стран. 1 марта с.г. в Пекине министрами иностранных дел Беларуси и Китая подписан

¹ Беларусь с 2016 г. нарастила экспорт продовольственных товаров и сельхозсырья в Китай в 100 раз. URL: <https://www.sb.by/articles/za-shest-let-stokratnyy-ryvok.html> (дата обращения: 13.04.2023).

² В 2022 г. объем экспортных перевозок в Китай продукции белорусских предприятий контейнерными поездами белорусской железной дороги вырос в 6,5 раза. URL: https://www.rw.by/corporate/press_center/news_of_cargo_carriers/2023/01/v-2022-godu-ob-em-eksportnykh-perevozok-v-kitay-produktsii-belorusskikh-predpriyatii-konteynernymi-po/ (дата обращения: 13.04.2023).

³ Первый поезд Китай—Европа отправился в Жодино из Уханя. URL: <https://www.sb.by/articles/pervyy-poezd-kitay-evropa-otpravilsya-v-zhodino-iz-ukhanya-.html> (дата обращения: 13.04.2023).

⁴ Белорусско-китайское межрегиональное сотрудничество и побратимские связи. URL: <https://china.mfa.gov.by/ru/bilateral/regional/info/> (дата обращения: 13.04.2023).

План мероприятий Года регионов Республики Беларусь и Китайской Народной Республики на 2023 год, сформированный Министерством экономики на основе предложений белорусских и китайских регионов и ведомств. Документ включает в себя свыше 80 мероприятий в развитие двусторонних договоренностей регионального уровня¹. Год регионов Беларуси и Китая является третьим тематическим годом между странами. В 2018 г. прошел Год туризма, в 2019-м — Год образования.

Созданный в рамках концепции Шелкового пути *индустриальный парк «Великий камень»* превратился в масштабный современный инвестиционный город, который является основной платформой экономического сотрудничества Беларуси и КНР². По итогам 2022 г. объем заявленных инвестиций в парке составил 1,32 млрд долл. По предварительным подсчетам, экспорт продукции резидентов парка превысил 100 млн долл.³

Парк расположен в 25 км от Минска и представляет собой территориальное образование площадью 112,5 кв. км с особым правовым режимом для обеспечения комфортных условий ведения бизнеса. В целях улучшения инвестиционного климата в «Великом камне» был издан указ № 215 от 11 июня 2021 г., который совершенствует правовое регулирование⁴.

«Великий камень» уделяет пристальное внимание развитию 12 приоритетных отраслей: машиностроение, электроника и телекоммуникации, тонкая химия, биотехнологии, новые материалы, логистика, фармацевтика, электронная коммерция, хранение и обработка больших объемов данных, социально-культурная деятельность, НИОКР, производство.

¹ 2023-й объявлен Годом регионов Беларуси и Китая. URL: <https://economy.gov.by/ru/news-ru/view/2023-ij-objavljen-godom-regionov-belarusi-i-kitaja-47348-2023/> (дата обращения: 13.04.2023). См. также: Беларусь и Китай открыли совместный Год регионов. URL: <https://www.belta.by/politics/view/belarus-i-kitaj-otkryli-sovmestnyj-god-regionov-456977-2021/> (дата обращения: 13.04.2023).

² Мокрецкий А. Ч. Отношения Китая с некоторыми странами СНГ и Грузией // Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура. 2019—2021: монография / Рос. акад. наук; Ин-т Дальнего Востока. М.: ИДВ РАН, 2022. С. 267.

³ Беларусь и Китай углубляют взаимодействие и выводят отношения между государствами на более высокий уровень. URL: <https://www.sb.by/articles/novye-gorizonty-sotrudnichestva-belarus-china.html> (дата обращения: 13.04.2023).

⁴ Об изменении указов Президента Республики Беларусь. Указ № 215 от 11 июня 2021 г. URL: <https://president.gov.by/ru/documents/ukaz-no-215-ot-11-iyunya-2021-g> (дата обращения: 13.04.2023).

По данным на май 2023 г., в парке зарегистрировано 106 белорусских и иностранных резидентов, 50 из которых китайские. В их числе и такие крупные корпорации, как *Huawei*, *ZTE*, *Zoomlion* и др. На территории индустриального парка реализуют свои проекты компании из 17 стран, в том числе из Германии, Израиля, ОАЭ, США, Сингапура, Китая, России и др.¹

Говоря о *финансовых поступлениях* из КНР в РБ, следует отметить, что «к 2019 г. Минск привлек из КНР около 3,6 млрд долл., или 18 % всех заимствованных республикой средств²». Как сообщил первый заместитель премьер-министра Н. Снопков, начиная с 2015 г., Беларусь ежегодно получает от Китая около 130 млн долл. технико-экономической помощи³, которая, в основном, направляется на социальное жилье (в том числе общежития), инфраструктуру индустриального парка «Великий камень», а также на строительство в последние годы двух крупных спортивных объектов олимпийского уровня (национальный футбольный стадион и бассейн международного стандарта). Кроме того, в совместном инвестиционном портфеле несколько десятков проектов с вложениями на сотни миллионов долларов. За счет правительственных займов Китая по действующим кредитным соглашениям реализовано 25 проектов на общую сумму около 4,73 млрд долл.; в стадии реализации находятся четыре проекта на сумму 2,26 млрд долл.⁴

В годы пандемии Китай неоднократно оказывал различную помощь белорусскому народу. В 2021—2022 гг. КНР на безвозмездной основе предоставил Беларуси в общей сложности 4,9 млн доз антиковидной вакцины производства корпорации *Sinopharm*. Белорусской стороной самостоятельно закуплено 4,6 млн доз вакцины⁵.

¹ Официальный сайт китайско-белорусского индустриального парка. URL: <https://industrialpark.by/> (дата обращения: 13.04.2023).

² Стратегическое партнерство Белоруссии и Китая — есть ли подвох? URL: <https://politinform.su/132176-strategicheskoe-partnerstvo-belorussii-i-kitaja-est-li-podvoh.html> (дата обращения: 13.04.2023).

³ Беларусь ежегодно получает от Китая технико-экономическую помощь в размере около 130 млн долл. // БелТА, 30 июня 2020 г. URL: <https://www.belta.by/economics/view/belarus-ezhegodno-poluchaet-ot-kitaja-tehniko-ekonomicheskiju-pomosch-v-razmere-okolo-130-mln-396812-2020/> (дата обращения: 13.04.2023).

⁴ Лукашенко прибыл с государственным визитом в Китай. URL: <https://www.belta.by/president/view/lukashenko-napravilsja-s-gosudarstvennym-vizitom-v-kitaj-552822-2023> (дата обращения: 13.04.2023).

⁵ Дружба. Так было и так будет! URL: <https://www.sb.by/articles/diplomaty-i-chleny-belorusskoj-delegatsii-v-kitae-o-tochkh-rosta-sotrudnichestva-i-aktivizatsii-vo.html> (дата обращения: 13.04.2023).

Об укреплении *всестороннего взаимодействия* говорит и тот факт, что в Учреждении Администрации Президента Республики Беларусь «Издательский дом «Беларусь сегодня»» появилась специальная рубрика «Окно в Китай», посвященная событиям в КНР. В Беларуси функционируют учрежденные Китаем институты (6) и классы (2) Конфуция и Китайский культурный центр в Минске. Согласно информации Пресс-службы Министерства образования РБ, ныне между учреждениями образования Беларуси и Китая подписано более 530 прямых договоров о сотрудничестве. В белорусских вузах обучаются около 8 тыс. китайских граждан, в Китае проходят обучение почти 500 белорусов. Кроме того, функционируют семь совместных структур: три лаборатории, два центра и два института. Прорабатывается возможность организации совместной подготовки кадров высшей научной квалификации¹. У студентов Минского государственного лингвистического университета с высоким уровнем владения китайским языком появился шанс вести прямые эфиры из зала «Национальный павильон Беларуси» индустриального парка «Великий камень» для китайской аудитории на платформе *Kuashou*².

Проводятся недели Китая и китайского языка в белорусских вузах, художественные выставки в музеях Беларуси (Выставка «Образы Китая» в НХМ с 11 апреля до 1 мая 2023 г.), различные мастер-классы (роспись «Маски пекинской оперы») и др. Китайские магистранты БГУ сняли около 50 видеоклипов о белорусских брендах пищевой, легкой промышленности и машиностроения. Среди них кондитерские, хлебобулочные изделия, молочная продукция, одежда, транспорт и др. Кроме того, магистранты предложили идеи по эффективному продвижению китайской продукции на белорусском рынке. Это известные торговые марки автомобилей и гаджетов³.

* * *

Итак, проводимая Пекином в постсоветских странах (в том числе и в РБ) системная политика является составной частью «глобальной»,

¹ Беларусь—Китай: подписано 17 новых соглашений в области образования. URL: <https://www.sb.by/articles/belarus-kitay-podpisano-17-novykh-soglasheniy-v-oblasti-obrazovaniya.html> (дата обращения: 13.04.2023).

² Студентам МГЛУ предложат вести прямые эфиры из индустриального парка «Великий камень» для китайской аудитории. URL: <https://www.sb.by/articles/studentam-mglu-predlozhat-vesti-pryamyie-efiry-iz-industrialnogo-parka-velikiy-kamen-dlya-kitayskoy-a.html> (дата обращения: 13.04.2023).

³ Около 50 роликов о белорусских брендах сделали китайские магистранты БГУ. URL: <https://www.sb.by/articles/okolo-50-rolikov-o-belorusskikh-brendakh-sdelali-kitayskie-magistranty-bgu.html> (дата обращения: 13.04.2023).

трансконтинентальной, трансокеанической, включающей в свою орбиту и Арктику, и Антарктику» стратегии КНР [Галенович Ю.М.], направленной на достижение «китайской мечты» о великом возрождении китайской нации.

Вместе с тем, белорусско-китайские отношения не представляются абсолютно безоблачными. Как и у большинства стран — партнеров КНР, сальдо торгового баланса РБ с Китаем сохраняет отрицательные значения (КНР поставляет больше, чем импортирует), структура торговли не отличается большим разнообразием (Минск старательно занимает ту «нишу», которую может занять). Белорусско-китайский экономический диалог пока приносит Минску меньше выгод, чем ожидалось. Сейчас Белоруссия не способна предложить КНР товарные наименования, которые Пекин не мог бы получить по аналогичной цене у других международных контрагентов. От Китая РБ в первую очередь ожидает кредиты и инвестиции, но насколько широко Пекин готов развивать взаимодействие именно по этому направлению — так и остается неясным (см.: [Гронский, с. 175]).

Что касается нового «всепогодного» уровня белорусско-китайских отношений, то следует отметить, что в двустороннем взаимодействии поднята высокая планка, которая, начиная с 1 марта 2023 г. (даты подписания Совместной Декларации), будет количественно и качественно поддерживаться. Дальнейшее изучение развития связей между РБ и Китаем представляет не только научный, но и практический интерес, поскольку характер взаимодействия Китая с нашим западным соседом и партнером, государством, с которым мы состоим в союзе (речь идет не только о ЕАЭС, но и Союзном государстве России и Беларуси), прямо или косвенно оказывает влияние и на российско-китайские отношения.

Библиографический список

Галенович Ю.М. Глобальная стратегия Китая. М.: Русская панорама, 2016. 1176 с.

Гронский А. Белорусско-китайские экономические отношения // Россия и новые государства Евразии. 2018. № 2. С. 165—175. DOI: <https://doi.org/10.20542/2073-4786-2018-2-165-175>

«Лунь юй» // Древнекитайская философия. Т. 1. М., 1972. 336 с.

Рудый К.В. Непохожие: взгляд на Китай и белорусско-китайские отношения. Минск: Звезда, 2021. 304 с.

References

Galenovich, Yu.M. (2016). Global'naya strategiya Kitaya [China's Global Strategy]. — Moscow: Russkaya panorama: 1176 p. (In Russian).

Gronsky A. (2018). Belorussko-kitajskie ekonomicheskie otnosheniya [Belarusian-Chinese economic relations], *Rossiya i novye gosudarstva Evrazii [Russia and the new States of Eurasia]*: 2: 165—175. DOI: <https://doi.org/10.20542/2073-4786-2018-2-165-175> (In Russian).

«Lun yu». Drevnekitajskaya filosofiya [“Lun Yu”. Ancient Chinese Philosophy] (1972):1: 336 p. (In Russian).

Rudyj, K.V. (2021). Nepohozhie: vzglyad na Kitaj i belorussko-kitajskie otnosheniya [Dissimilar: A Look at China and Belarusian–Chinese Relations.]. Minsk: Zvyazda: 304 p. (In Russian).

И.С. Виноградов

СОТРУДНИЧЕСТВО КИТАЯ СО СТРАНАМИ СЕВЕРНОЙ АФРИКИ: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Аннотация. В статье рассматриваются основные направления политико-экономического сотрудничества Китая со странами Северной Африки (СА) и южного Средиземноморья: Египтом, Ливией, Тунисом, Алжиром, Марокко. Для Пекина регион представляет интерес как в свете укрепления его традиционного партнерства со странами глобального Юга, так и с позиций его геостратегических интересов. Выгодное географическое положение на перекрестье Африки (южнее Сахары), Южной Европы и Ближнего Востока повышает значимость СА в деле реализации Инициативы «Пояс и Путь» (ИПП), маршрут которой проходит непосредственно через Суэцкий канал в Средиземное море.

По социально-экономическим показателям СА является наиболее развитым регионом Африки, но у действий Китая здесь есть определенные ограничители, связанные с широким экономическим присутствием стран ЕС в экономике СА. Поэтому здесь Китаю придется больше конкурировать, делать ставку на «сосуществование» в высокотехнологичных областях, зеленой экономике, в науке, образовании.

Через реализацию Цифрового Шелкового пути (как важной составляющей ИПП) Китай предлагает цифровую модернизацию экономик стран СА. Страны Северной Африки проводят политику структурной трансформации своих экономик, и в этом отношении Китай является удобным и эффективным партнером.

Самого высокого уровня экономического сотрудничества и политического доверия среди государств СА Китай достиг с Алжиром и Египтом, что на практике выражается в строительстве им портовой инфраструктуры, интенсивном проникновении китайских цифровых гигантов в экономику этих стран, крупных строительных проектах, военном сотрудничестве. Продуктивно развивается экономическое сотрудничество Китая и с Марокко, с которым подписано соглашение об интеграции в ИПП. Есть перспективы углубления сотрудничества с Тунисом.

Отношения Китая со странами региона строятся на принципах его официальной политики невмешательства во внутренние дела суверенных стран. Нейтралитет Китая по таким острым вопросам, как политическое будущее Ливии или противоречия Марокко и Алжира вокруг Западной Сахары дает Пекину возможность успешно балансировать в региональной политике.

Ключевые слова: Китай, Северная Африка, сотрудничество, экономика, Инициатива «Пояс и Путь» (ИПП), инфраструктура, Цифровой Шелковый путь (ЦШП).

Автор: *Виноградов Илья Сергеевич*, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра «Россия. Китай и мир» Института Китая и современной Азии РАН (адрес: 117997, Москва, Нахимовский пр-т, 32). ORCID: 0000-0002-5572-3471.

E-mail: vinbel19@mail.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации в Институте Китая и современной Азии РАН.

I.S. Vinogradov

China's cooperation with the countries of North Africa: state and prospects

Abstract. The article discusses main areas of China's cooperation with the countries of North Africa (NA) and the southern Mediterranean: Egypt, Libya, Tunisia, Algeria, Morocco. For Beijing, the region is of interest both in the light of strengthening its traditional partnership with the countries of the global South, and from the standpoint of its geostrategic interests as well. A favorable geographic location at the crossroads of Africa (South of the Sahara), Southern Europe and the Middle East enhances the importance of the NA in the implementation of the Belt and Road Initiative (BRI), the route of which passes directly through the Suez Canal to the Mediterranean Sea.

In terms of socio-economic indicators, the NA is the most developed region in Africa, but China's actions here have certain limitations associated with the wide economic presence of the EU countries in the economy of the NA. Therefore, here China has to compete more, rely on "coexistence" in high-tech areas, green economy, science and education.

Through the implementation of the Digital Silk Road (as an important component of the BRI), China offers a digital modernization of the economies of the NA countries. The countries of North Africa are pursuing a policy of structural transformation of their economies, and in this respect China is a convenient and effective partner for them.

China has reached the highest level of economic cooperation and political trust among the NA states with Algeria and Egypt, what in practice is expressed in the construction of port infrastructure, the intensive penetration of Chinese digital giant corporations in the economies of these countries, large construction projects, and military cooperation. Economic cooperation between China and Morocco is also developing productively. China signed with Morocco an agreement on interaction within the framework of the BRI. There are prospects for deepening cooperation with Tunisia also.

China's relations with the countries of the region are built on the principles of its official policy of non-interference in the internal affairs of sovereign countries. China's neutrality on such sensitive issues as the political future of Libya or the conflict between Morocco and Algeria about Western Sahara gives Beijing the opportunity to successfully balance in the regional politics.

Keywords: China, North Africa, cooperation, economy, Belt and Road Initiative (BRI), infrastructure, Digital Silk Road (DSR).

Author: Iliia S. VINOGRADOV, Ph.D (History), Senior Research Fellow, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Science (address: 32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117997, Russian Federation). ORCID: 0000-0002-5572-3471; E-mail: vinbel19@mail.ru

Conflict of interests. The author declares the absence of the conflict of interests.

Support. The article was prepared at the Institute of China and Contemporary Asia of the RAS within the framework of the State assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation.

Экономические условия, сложившиеся на рубеже XX—XXI вв., побудили китайское руководство к практической реализации стратегии «идти вонне», и с этим связано расширение крупномасштабного экономического сотрудничества Китая с развивающимися странами,

в том числе в Северной Африке. Если в 2000 г. объем торговли Китая с пятью странами СА составлял 1,6 млрд долл., то в 2013 г. — уже 28,5 млрд долл.¹ В 2000 г. был создан Форум китайско-африканского сотрудничества, а в 2004 г. — Форум сотрудничества Китая и арабских государств, в работе которых участвуют страны СА. Логичным продолжением политики «идти вонне» стала Инициатива «Пояс и путь» (ИПП), предложенная Си Цзиньпином в 2013 г. ИПП носит глобальный характер и имеет как экономическое, так и политическое и гуманитарное измерения.

В отношении Африки базовой составляющей ИПП является создание сетевой транспортной инфраструктуры, что отвечает задачам КНР по обретению новых рынков для китайской строительной индустрии, а также по обеспечению занятости китайской избыточной рабочей силы. Второе важное направление — перенос производственных мощностей за рубеж с целью снижения производственных издержек китайских предприятий [Сафронова, с. 153—154]. Кроме того, после призыва Си Цзиньпина в 2017 г. к тому, чтобы «Пояс и путь» стал «дорогой инноваций», важную роль в деле реализации ИПП обретает «Цифровой Шелковый путь» (ЦШП). Осуществление ЦШП можно расценить как стремление Китая перехватить цифровое лидерство в мире.

Северная Африка — регион с высокой долей молодого населения: только в Египте в 2021 г. доля людей в возрасте 0—14 лет составляла 34 % населения страны², что вместе с относительно высоким уровнем распространения Интернета и мобильной связи, а также близостью к европейскому рынку делают СА уникальным полем для реализации ИПП и ЦШП.

В Белой книге 2016 г., посвященной политике КНР в отношении арабских стран, указано, что для продвижения ИПП Китай и арабские страны принимают модель сотрудничества «1+2+3», взяв кооперацию в области энергетики в качестве основы строительства инфраструктуры; содействие торговле и инвестициям в качестве двух крыльев, а в качестве трех областей прорыва — сотрудничество в области космоса, ядерной и новой энергетике³. Особое внимание в до-

¹ National bureau of statistics of China. URL: <http://www.stats.gov.cn/sj/ndsj/2014/indexeh.htm> (accessed: 04.04.2023).

² Statista. 27.07.2022. URL: <https://www.statista.com/statistics/1202496/share-of-population-aged-0-14-years-in-north-africa-by-country/> (accessed: 05.04.2023).

³ China's Arab Policy Paper // Xinhua. 13.01.2016. URL: http://english.www.gov.cn/archive/publications/2016/01/13/content_281475271412746.htm (accessed: 10.04.2023).

кументе уделяется формированию совместной сети комплексной передачи технологий, поощрению обменов между молодыми научными талантами, созданию совместных исследовательских и научных учреждений, а также поощрению китайских технологических компаний к расширению деятельности и созданию центров НИОКР в Африке.

Северная Африка является одним из наиболее развитых регионов континента. Все страны СА входят в число 15 крупнейших экономик Африки (по ВВП ППС), причем Египет занимает 1-е место, Алжир и Марокко 4-е и 5-е соответственно¹. Все страны региона входят в десятку наиболее развитых африканских стран по индексу человеческого развития².

У активности Китая в регионе имеются определенные ограничители. Прежде всего, это сильная привязка стран СА к европейскому рынку и серьезная конкуренция с западными ТНК, особенно это касается стран Магриба, для которых страны ЕС являются главными торговыми партнерами и инвесторами. Марокко и Тунис занимают нишу производителей комплектующих изделий в глобальных цепочках западных ТНК (прежде всего французских) [Турсунов, с. 65], и поэтому китайские компании здесь вынуждены конкурировать и вписываться в уже имеющийся бизнес-ландшафт. Алжир, Ливия и Египет также привязаны к европейскому рынку как поставщики энергоносителей. Накопленные китайские ПИИ в регионе относительно невелики — около 8 % от общего объема китайских ПИИ в Африке [Tin Hinane El Kadi].

Страны СА не относятся к числу главных получателей китайских кредитов на континенте. Относительно высокий долг перед Китаем только у Египта — 7,8 млрд долл., что составляет 5 % внешнего долга страны³. Алжир, в свою очередь, проводит политику финансового суверенитета, и в стране с 2005 г. действует запрет на иностранные заимствования⁴.

¹ IMF, April, 2022. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/weo-database/2022/April> (accessed: 01.04.2023).

² Emmanuel Abara Benson These are the 10 most developed countries in Africa based on UN's Human Development Index// Business insider Africa. 24.07. 2022. URL: <https://africa.businessinsider.com/local/markets/10-most-developed-latest-countries-in-africa-according-to-latest-stats/dt5fx7v> (accessed: 27.02.2023).

³ Reham al-Saadany Egypt prepares to obtain \$500 mn in financing from China as it seeks to close funding gap // Mada Masr. 12.12.2022. URL: <https://www.madamasr.com/en/2022/12/12/news/u/egypt-prepares-to-obtain-500-mn-in-financing-china/> (accessed: 16.02.2023).

⁴ John Calabrese “The New Algeria” and China//Middle East Institute. 26.01.2021. URL: <https://www.mei.edu/publications/new-algeria-and-china> (дата обращения: 08.04.2023).

Китай — главный торговый партнер Египта, он входит в тройку основных коммерческих контрагентов Алжира и Марокко. Китай является главным источником импорта для Алжира¹. Со всеми странами СА, кроме Ливии, Китай имеет значительное положительное сальдо в торговле. Так, экспорт Китая в Египет в 2022 г. составил 17,2 млрд долл., а на импорт из Египта пришлось только 1 млрд долл.²

Структура торговли между Китаем и странами СА является примером неэквивалентного обмена. Так, готовые промышленные товары составляют львиную долю китайского экспорта в СА. В свою очередь, на нефть, полезные ископаемые и необработанные сельскохозяйственные продукты приходится основная часть китайского импорта из стран СА. Энергетические ресурсы преобладают в китайском импорте из Алжира, Египта и Ливии, а полезные ископаемые и сельскохозяйственные товары являются основными экспортными товарами, которые Марокко и Тунис поставляют в Китай [Tin Hinane El Kadi].

Инфраструктурное сотрудничество

Наивысшего уровня экономического сотрудничества и политического доверия Китай достиг в отношениях с Алжиром и Египтом, связи с которыми имеют глубокие исторические корни. Еще до обретения Алжиром независимости в 1962 г. КНР оказывала военную поддержку Фронту национального освобождения страны, а Египет стал первым арабским и африканским государством, установившим дипломатические отношения с КНР в 1956 г. Алжир и Каир первыми среди арабских стран в 2014 г. установили с Пекином отношения всеобъемлющего стратегического партнерства.

Египет для Китая является региональным приоритетом и осью реализации ИПП. На повестке дня — сопряжение ИПП и Стратегии национального устойчивого развития Египта (Стратегия-2030).

Египет стал пятым по значению торговым партнером Китая в Африке. По объему ПИИ в Египет Китай пока уступает США, Великобритании, ОАЭ, но китайские инвестиции неуклонно растут. С 2008 г. функционирует Китайско-Египетская Суэцкая зона торгово-экономического сотрудничества (*TEDA Suez*). В *TEDA Suez* насчи-

¹ Observatory of Economic Complexity. 2021. URL: <https://oec.world/en/profile/country/dza?yearlyTradeFlowSelector=flow1> (accessed: 03.04.2023).

² General administration of custom's PRC.20.01.2023. URL: <http://english.customs.gov.cn/Statics/2d05960c-26ca-453b-b7b6-ce4d7af378b1.html> (accessed: 16.02.2023).

тывается более 100 китайских компаний, зона уже привлекла 1,2 млрд долл. инвестиций и создала 30 тыс. новых рабочих мест¹.

Китай осуществляет в Египте множество инфраструктурных проектов. Китайская государственная строительная инжиниринговая корпорация (*China State Construction Engineering Corporation (CSCEC)*) строит деловой район будущей столицы Египта, который станет примером технологий «умных городов». Китайские банки финансируют 85 % проекта общей стоимостью 3 млрд долл. Компания также реализует проект по строительству жилых небоскребов в Новом Аламейне на севере Египта. Успешным примером инфраструктурного сотрудничества стал запуск в 2022 г. железной дороги между Каиром и новой административной столицей.

Китайские компании успешно наращивают свое присутствие в портовой инфраструктуре Египта. *Hutchison Ports* (базирующаяся в Гонконге) является оператором порта Александрии и вспомогательного порта Эль-Дехейла, через которые ведется большая часть внешней торговли Египта. Также компания подписала долгосрочное соглашение о строительстве контейнерного терминала в Абу-Кире на территории военно-морской базы Египта. *Hutchison Ports* в консорциуме с китайской *Cosco Shipping Ports* в марте 2023 г. подписала с правительством Египта соглашение о строительстве нового терминала в порту Айн-Сохна южнее Суэцкого канала. *Cosco Shipping Ports* также инвестировала в терминал в Порт-Саиде². Есть перспективы участия Китая в проекте по расширению южной части русла Суэцкого канала.

В контексте ИПП страны Магриба также имеют большое значение как ворота в южную Европу, так и в Африку к югу от Сахары. В 2021 г. китайская портовая инжиниринговая корпорация начала работы по строительству порта в Шершеле, в 70 км от столицы Алжира, который по планам станет вторым по мощности контейнерным портом в Африке после Танжер-Мед и призван усилить региональную торговлю благодаря соединению с Транс-Сахарским шоссе. По соглашению сторон портом будет управлять государственная Шанхайская международная портовая группа в течение 25 лет в обмен на финансирование проекта Эксимбанком Китая³.

¹ Khalil Al-Anani Egypt's Strategic Partnership with China: Opportunities and Implications// Arab Center Washington DC. Jan 27, 2023. URL: <https://arabcenterdc.org/resource/egypts-strategic-partnership-with-china-opportunities-and-implications/> (accessed: 01.04.2023).

² YicaiGlobal. 16.03.2023. URL: <https://www.yicaiGlobal.com/news/china-cosco-shipping-ports-adds-25-of-sokhna-terminal-in-egypt-to-boost-africa-trade> (accessed: 07.04.2023).

³ Observatoire francais. 29.03.2022. URL: <https://observatoirefr.com/2022/03/29/port-de-cherchell-un-nouveau-souffle-pour-le-commerce-sino-africain-28/> (accessed: 07.04.2023).

В Алжире китайские компании активны в жилищном строительстве, развитии транспортной инфраструктуры, энергетике. Китайские энергетические гиганты *Sinopec*, Китайская национальная нефтегазовая корпорация (*China National Petroleum Corporation, CNPC*) и другие работают в Алжире и сотрудничают с алжирской государственной нефтегазовой компанией *Sonatrach*.

Китайская государственная строительная корпорация (*China State Construction Engineering Corporation (CSCEC)*) присутствует в Алжире уже 40 лет; ею построено 170 тыс. домов. Среди крупных строительных проектов, реализованных Китаем — Великая мечеть Алжира, шоссе Восток-Запад, новый терминал в международном аэропорту Алжира, олимпийский стадион в Оране¹. Вследствие тесного экономического сотрудничества в Алжире китайцы сформировали крупнейшую в стране иностранную общину: по разным данным, на стройках Алжира работают от 40 до 80 тыс. китайцев².

Хотя Китай осуществляет в регионе множество строительных проектов, китайские текущие ПИИ в Алжире относительно невелики. В 2021 г. их объем составил 1,7 млрд долл., при этом стоимость контрактов, заключенных с китайскими компаниями в стране, достигла 4 млрд долл.³ Это можно объяснить тем, что в Алжире китайские компании выполняют строительные проекты «под ключ» на договорной основе и не владеют собственностью [Tin Hinane El Kadi].

Динамично развивается сотрудничество Китая с Марокко. Визит короля Мохаммеда VI в Пекин в 2016 г. и установление отношений стратегического партнерства придали новый импульс диалогу двух стран, и в 2022 г. Марокко стало первой североафриканской страной, подписавшей с Китаем соглашение об интеграции в ИПП.

В 2017 г. Марокко восстановило членство в Африканском союзе (АС), с которым Китай энергично развивает сотрудничество. В частности, через созданную по инициативе АС Африканскую континентальную зону свободной торговли (*African Continental Free Trade Area, AfCFTA*) Пекин намерен беспопытно продвигать свои товары на континент. Кроме того, Марокко имеет соглашение о свободной тор-

¹ Seetao. 11.08.2022. URL: <https://www.seetao.com/details/175990.html> (accessed: 07.04.2023).

² Observatoire francais. 31.03.2022. URL: <https://observatoirefrnrs.com/2022/03/31/algerie-chine-relation-historique-bri/> (accessed: 08.04.2023).

³ National bureau of statistics of China. URL: <http://www.stats.gov.cn/sj/ndsj/2022/indexeh.htm> (accessed: 24.04.2023).

говле с США и ЕС, что также привлекает внимание китайских производителей к этой стране.

Китайские компании инвестируют в транспортную инфраструктуру, телекоммуникации, мобильную связь, фосфатную промышленность; активно проникают в Марокко представители китайского автопрома. Китай участвует в строительстве автомагистрали от Танжера до Касабланки, в частности построив вантовый мост между Рабатом и Сале. Китайская *Zhong Neng Xuan Zong Industrial* конкурирует с французским *Alstom* за строительство высокоскоростной железной дороги Аль-Бурак от Касабланки в Марракеш и Агадир¹. Другие интересы Китая в Марокко охватывают инвестиции в Атлантическую свободную зону Кенитра, финансовый центр в Касабланке, портовый комплекс Танжер-Мед.

В 2019 г. Марокканский внешнеторговый банк (*BMCE*) подписал меморандум о взаимопонимании с *China Communications Construction Co (CCCC)* по строительству «умного города» *Tangier Tech City*. Ожидается, что после завершения строительства в городе площадью 2 тыс. га будет проживать 300 тыс. человек².

Несмотря на то, что в инвестициях и торговле Туниса традиционно доминируют европейские партнеры (главным образом Франция и Италия), после арабской весны Тунис стал постепенно развивать сотрудничество с КНР, хотя и менее интенсивно, чем Марокко. В 2017 г. Тунис последовал примеру Марокко и снял визовые ограничения для китайских туристов.

Тунис интересен для Китая во многом благодаря своему удобному приморскому положению. Еще с 2018 г. китайские компании заявляли о намерении построить в Бизерте глубоководный порт, с такими же планами выступали и США, и Франция. В 2018 г. Китай и Тунис подписали меморандумы о планах по развитию инфраструктуры южного порта Джарджиз и строительству железной дороги Габес—Джарджис³. Однако реализация этих проектов будет зависеть от готовности Туниса к полномасштабному участию в ИПП.

¹ Olivier Chicheportiche Le Maroc veut deux nouvelles lignes de TGV // BFM. 31.01.2022. URL: https://www.bfmtv.com/economie/entreprises/transports/le-maroc-veut-deux-nouvelles-lignes-de-tgv_AV-202201310192.html (accessed: 08.04.2023).

² North Africa Post. November 4, 2020. URL: <https://northafricapost.com/44913-mohammed-vi-tangier-tech-city-project-moving-forward-with-new-partnership-agreements.html> (accessed: 07.04.2023).

³ Instance Générale de Partenariat Public-Privé. URL: <https://igppp.tn/fr/node/490> (accessed: 09.04.2023).

Среди крупных строительных проектов, осуществленных Китаем в Тунисе, можно отметить медицинский университетский центр в Сфаксе и здание Дипломатической академии. А в 2023 г. *Power China* должна завершить строительство крупной плотины в провинции Эль-Кэф.

Отношения Китая со странами региона строятся согласно его официальной политике невмешательства во внутренние дела. Нейтралитет Пекина по ливийскому политическому кризису дает ему сильную позицию для заключения сделок с любым будущим правительством. Представители правительства национального согласия Ливии еще в 2018 г. подписали с Пекином меморандум о взаимопонимании по строительству «Пояса и пути», что открывает двери для дальнейшего сотрудничества сторон в рамках Инициативы. Президентский совет в Триполи также выражал надежду, что Китай в дальнейшем сыграет позитивную роль в национальном примирении, социальной реконструкции и проведении выборов в Ливии. При этом Пекин проявляет осторожность по вопросу самоопределения Западной Сахары, что помогает ему держать баланс в отношениях с Марокко и Алжиром.

Китай расширяет «оборонную дипломатию» в регионе (на страны СА приходится 42 % китайского экспорта вооружений на весь африканский континент [Brebthane A., Савичева Е.М., с. 74]) и конкурирует с Россией по ряду позиций на рынке вооружений, например, Алжира. Управление портовой инфраструктурой в Северной Африке также открывает двери для усиления присутствия китайских ВМС в южном Средиземноморье.

Китай заинтересован в безопасности своих активов и граждан в регионе. Уже был прецедент, когда Пекин был вынужден полагаться на третьи страны для эвакуации своих граждан из Ливии в 2011 г. Открытие военной базы в Джибути в 2017 г. должно поспособствовать оперативности обеспечения безопасности в Африке. Примечательно, что китайские компании уже проложили волоконно-оптический кабель из Пакистана через Джибути в Египет¹. Таким образом, в рамках ЦШП Китай соединяет свои гражданские и военные активы.

¹ Zhang Chenjing. Zhe tiao haidi guanglan you zhong qi qiantou, kong cheng meiguo xin de «yuanzhongding» [Undersea optical cable operated by a Chinese company could become an eyesore for the US] // *guancha.cn*. 9.03.2021. URL: https://www.guancha.cn/international/2021_03_09_583489.shtml (accessed: 15.04.2023).

Цифровое сотрудничество и зеленая энергетика

Новой опорой кооперации Китая с регионом становится расширение сотрудничества в сфере цифровизации и зеленой энергетики. Правительства Алжира и Египта заключили крупные контракты с *Huawei* в рамках усилий по созданию сетевой инфраструктуры, модернизации сетей 3G, 4G, платформ электронного управления и облачных центров обработки данных. В Марокко *Huawei* предоставляет коммуникационные технологии для национальной железнодорожной системы, также она построила логистический центр в порту Танжер-Мед. В 2017 г. компания запустила исследовательскую лабораторию *OpenLab* в Каире, а в 2019 г. открыла в Алжире свой первый африканский завод по сборке телефонов. После запуска завода доля *Huawei* на рынке мобильных телефонов Алжира резко возросла, и к 2020 г. доля продукции компании составила 12,3 %, опередив местный *Condor* [Tin Hinane El Kadi].

Huawei активен в заключении соглашений с местными университетами в обучении студентов по всей Северной Африке. Только в Египте *Huawei* открыла академии в сфере информатики и коммуникаций в 75 университетах и правительственных учреждениях, которые подготовили более 15 тыс. специалистов¹. В этой области *Huawei* достаточно успешно конкурирует с американским *CISCO* за счет более низкой стоимости обучения.

Развивается сотрудничество в космической сфере: с помощью Китая был построен египетский испытательный центр по сборке спутников. Китай успешно продвигает в регионе свою систему спутниковой навигации «Бэйдоу». Алжир и Марокко уже используют китайские спутники в хозяйственных целях. Проводятся совместные китайско-арабские форумы «Бэйдоу». В апреле 2018 г. в Тунисе был открыт первый зарубежный центр глобальных навигационных систем «Бэйдоу».

Китай, как мировой лидер в области зеленой экономики, содействует зеленому развитию Египта, что согласуется с египетской национальной стратегией по зеленому преобразованию энергетики страны. Китайская энергетическая инжиниринговая корпорация (*China Energy Engineering Corporation*) в 2023 г. приступает к строитель-

¹ Liao Liqiang dashi jiu zhong-ai guanxi deng yiti jieshou Kailuo 24 wangzhan caifang [Ambassador Liao Liqiang gave an interview to Cairo 24 on Sino-Egyptian relations and other issues] // Zhongguo zhu Aiji dashiguan wangzhan [website of Chinese Embassy in Egypt]. 19.04.2022. URL: http://eg.china-embassy.gov.cn/dsxx/dsjhwz/202204/t20220419_10669349.htm (accessed: 02.04.2023).

ству фотоэлектрической электростанции в провинции Асуан и планирует инвестировать в завод по производству «зеленого» аммиака, а компания *Weichai* уже осуществляет перевод 240 тыс. египетских микроавтобусов с бензина на газ¹. *Shandong Electric Power Construction Co., Ltd (SEPCO III)*, дочерняя компания *Power China*) построила в Марокко два парка с солнечными батареями.

Медицинское сотрудничество

Долгую историю имеет медицинское сотрудничество Китая со странами региона. Еще в 1963 г. Китай направил первую зарубежную медицинскую бригаду в Алжир, а в 1973 г. командировал медиков в Тунис. За 60 лет Китай направил в Алжир 27 медицинских бригад. Китайские медики работают в непростых условиях, в том числе в отдаленных сельских районах и делятся своим опытом².

Большую поддержку региону Китай оказал и во время пандемии *COVID-19*. В течение 2-х лет с начала пандемии Китай предоставил Тунису более 2 млн доз вакцин от *COVID-19* и большое количество предметов медицинского назначения³. Египет стал первой страной в Африке, производящей китайскую вакцину *Sinovac*, а китайская *Sinopharm* и марокканская *Sothema* подписали в 2021 г. соглашение о производстве на фабрике в Касабланке 5 млн доз китайской вакцины.

Заключение

Опираясь на главных партнеров в регионе — Египет и Алжир, в рамках ИПП Китай успешно сотрудничает и с Марокко. Имеются предпосылки к более активному сотрудничеству КНР с Тунисом и Ливией.

Развитие сотрудничества с Китаем вызвано объективной заинтересованностью стран СА в развитии инфраструктуры и модернизации

¹ Liao Liqiang dashi jiu zhong-ai guanxi deng yiti jieshou Kailuo 24 wangzhan caifang [Ambassador Liao Liqiang gave an interview to Cairo 24 on Sino-Egyptian relations and other issues] // Zhongguo zhu Aiji dashiguan wangzhan [website of Chinese Embassy in Egypt]. 19.04.2022. URL: http://eg.china-embassy.gov.cn/dsxx/dsjhjwz/202204/t20220419_10669349.htm (accessed: 02.04.2023).

² Li Jian. Shirenxin ren shu, jian da ai zhenqing (dashi suibi) [Kindness shows the truth of great love (Ambassador's article)], *Renmin Ribao* [People's Daily], April 6. URL: http://paper.people.com.cn/rmrb/html/2023-04/06/nw.D110000renmrb_20230406_5-03.htm (accessed: 09 April, 2023).

³ China, Tunisia sign new agreements on health care cooperation // Xinhua. 29.04.2022. URL: <https://english.news.cn/africa/20220429/c03c81fe36fe4e88b4f2c6ff713e000a/c.html> (accessed: 09.04.2023).

своих экономик. Как показали социологические исследования «Арабского барометра» в период пандемии, большинство населения стран СА положительно относится к Китаю¹. Власти стран СА видят в Китае крупнейшего партнера, способного сбалансировать влияние США и ЕС. А активные дипломатические усилия Пекина по вопросу примирения Эр-Рияда и Тегерана, йеменскому и палестинскому вопросам только увеличивают его политический вес в арабском мире. В итоговой Декларации китайско-арабского саммита в Эр-Рияде в 2022 г. подчеркиваются незыблемость принципа «одного Китая», поддержка позиций Китая по вопросам, связанным с Тайванем, Гонконгом и Синьцзяном, а также полное согласие сторон по вопросу совместного строительства «Пояса и пути»².

Итак, сотрудничество в рамках ИПП благоприятствует углублению отношений между Китаем и странами СА. Китай реализует в регионе множество строительных проектов, вместе с этим наращивая свое присутствие как в транспортной портовой инфраструктуре, так и в локальной цифровой сети. Все это способствует усилению позиций Китая в борьбе с Западом за технологическое лидерство в развивающемся мире.

Библиографический список

Brebdane A., Savicheva E.M. Фактор Китая в Северной Африке // Азия и Африка сегодня. 2023. № 2. С. 74—77. DOI: 10.31857/S032150750024411-4.

Сафронова Е.И. Китай и развивающийся мир: концепции и актуальная практика отношений (на примере Африки и Латинской Америки). М.: ИД «ФОРУМ», 2018. 336 с.

Турсунов С.П. Внешнеэкономические факторы модернизации стран Магриба // Азия и Африка сегодня. 2022. № 7. С. 64—70. DOI: 10.31857/S032150750017882-2.

References

Brebdane, A.; Savicheva, E. (2023). Faktor Kitaya v Severnoj Afrike [The China Factor in North Africa], *Aziya i Afrika segodnya* [Asia and Africa Today]: 2:74—77. DOI: 10.31857/S032150750024411-4. (In Russian).

¹ Arab Barometer. December 15, 2021. URL: <https://www.arabbarometer.org/2021/12/fragile-popularity-arab-attitudes-towards-china/> (accessed: 26.04.2023)

² Xi Jinping zai shoujie Zhongguo-alabo guojia fenghui shang fabiao zhuzhi jianghua [Xi Jinping Delivers Keynote Speech at the First China-Arab Summit] // Zhongyang renmin zhengfu menhu wangzhan [Central People's Government Portal]. 10.12.2022. URL: http://www.gov.cn/xinwen/2022-12/10/content_5731162.htm (accessed: 10.04.2023). (In Chinese).

Safronova, E.I. (2018). Kitaj i razvivayushchijsya mir: koncepcii i aktual'naya praktika otnoshenij na primere Afriki i Latinskoj Ameriki [China and the developing world: concepts and current practice of relations in the case of Africa and Latin America]. — Moscow: Forum PH: 336 p. (In Russian).

Tursunov, S. (2022). Vneshneekonomicheskie faktory modernizacii stran Magriba [Modernization of Maghreb countries in the context of external economic relations], *Aziya i Afrika segodnya [Asia and Africa Today]*: 7:64—70. DOI: 10.31857/S032150750017882-2. (In Russian).

* * *

Tin Hinane El Kadi (2022). How Huawei's Localization in North Africa Delivered Mixed Returns, *Carnegie Endowment for International Peace*, April 14. URL: <https://carnegieendowment.org/2022/04/14/how-huawei-s-localization-in-north-africa-delivered-mixed-returns-pub-86889> (accessed: 24 April, 2023).

В.Я. Портяков

ДЭВИД ШАМБО О ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ КНР

Аннотация. Проанализированы основные работы, взгляды и суждения о внешней политике КНР Дэвида Шамбо — ведущего американского эксперта по этой проблематике. Особое внимание уделено центральной в научном творчестве ученого монографии «Китай становится глобальной: частичная держава». Критически, в сопоставлении с представлениями М.С. Капицы и Ван Цяожун, рассмотрена предлагаемая Д. Шамбо периодизация внешней политики Китайской Народной Республики. Показаны такие выделяемые Шамбо важные особенности китайской дипломатии, как специфика принятия внешнеполитических решений, заметная роль экономической дипломатии и реально слабая, по мнению американского синоведа, роль «мягкой силы». Вкратце охарактеризован подход ученого к американо-китайским отношениям. Отношения КНР с США Д. Шамбо называет не только самыми важными двусторонними отношениями в мире (это декларируют и в Пекине, и в Вашингтоне), но и наиболее сложными. Будучи двумя крупнейшими экономиками мира и обладателями двух крупнейших военных бюджетов, США и Китай, утверждает автор, являются сегодня двумя единственными глобальными игроками на мировой арене, оказывающими наибольшее влияние на мировые дела. Шамбо констатирует, что, несмотря на взаимозависимость, отношения двух стран становятся все более трудными. Конкуренция растет, сотрудничество сокращается, стратегическое недоверие преобладает. Взаимные представления друг о друге постоянно проходят через повторяющиеся циклы любви-ненависти. Тем не менее, полагает американский синолог, отношения между КНР и США никогда не бывают столь хорошими или столь плохими, как это может показаться.

Ключевые слова: Дэвид Шамбо, внешняя политика, Китайская Народная Республика, периодизация.

Автор: *Портыков Владимир Яковлевич*, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Центра политических исследований и прогнозов Института Китая и современной Азии РАН (адрес: 117977, Москва, Нахимовский пр-т, 32).
ORCID: 0000-0001-9188-2341. E-mail: p481nov@mail.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации в Институте Китая и современной Азии РАН.

V. Ya. Portyakov

David Shambaugh on the PRC's foreign policy

Abstract. The main works, views and judgments on China's foreign policy by David Shambaugh, a leading American expert on this issue, are analyzed. Special attention is paid to the central monograph of the scientist — “*China goes global: a partial power*”. Critically, in comparison with the views of M.S. Kapitsa and Wang Qiaorong, D. Shambaugh's proposed periodization of the foreign policy of the People's Republic of China is considered. The important features of Chinese diplomacy highlighted by Shambaugh are shown, such as the specifics of making foreign policy decisions, the prominent role of economic diplomacy and, in the opinion of the American sinologist, the really weak role of “soft power”. The scientist's approach to US-Chinese relations is briefly described. D. Shambaugh calls China's relations with the United States not only the most important bilateral relations in the world (this is declared both in Beijing and in Washington), but also the most complex. As the two largest economies in the world and the owners of the two largest military budgets, the USA and China, the author argues, are today the only two global players on the world stage, exerting the greatest influence on world affairs. Shambaugh states that, despite the interdependence, the relations between the two countries are becoming increasingly difficult. Competition is growing, cooperation is declining, strategic distrust prevails. Mutual ideas about each other constantly go through repeated cycles of love-hate. Nevertheless, the American sinologist believes that relations between China and the United States are never as good or as bad as it may seem

Keywords: David Shambaugh, analysis of the foreign policy of the People's Republic of China, periodization.

Author: Vladimir Ya. PORTYAKOV, Dr.Sc. (Economics), Professor, Chief Research Fellow, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences (address: 32, Nakhimovsky Av., Moscow,

117997, Russian Federation). ORCID 0000-0001-9188-2341.

E-mail: p481nov@mail.ru

Conflict of interests. The author declares the absence of the conflict of interests.

Support. The article was prepared at the Institute of China and Contemporary Asia of the RAS within the framework of the State assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation.

Дэвид Шамбо (David Shambaugh), отметивший в январе 2023 г. свое 70-летие, профессор Вашингтонского университета, считается в США лучшим на сегодняшний день американским специалистом по современному Китаю. Международную известность он приобрел уже в 1990-е годы, в период работы главным редактором журнала *China Quarterly*, издаваемого в Лондоне. Профессор Шамбо изучал широкий круг проблем внутренней и внешней политики Китайской Народной Республики, включая деятельность ряда высших руководителей страны (Чжао Цзяян, Дэн Сяопин), вопросы армейского и партийного строительства, китайское видение безопасности.

Постепенно, однако, основное внимание профессора Шамбо смещается к проблемам внешней политики КНР. Поначалу в его работах превалирует интерес к китайско-европейским и китайско-американским отношениям. В 1996 г., во время пребывания в Лондоне, Дэвид Шамбо публикует небольшую работу *China and Europe: 1949—1995* («Китай и Европа: 1949—1995»)¹. Среди публикаций по американо-китайским отношениям выделяется глава об их концептуальных основах в коллективной монографии *Tangled Titans: The United States and China* («Связанные титаны: Соединенные Штаты и Китай»)².

Мало-помалу Дэвид Шамбо отходит от традиционной «регионально ориентированной» методологии исследования китайской дипломатии и сосредотачивается на выявлении ее общих, интегральных особенностей, сильных и слабых сторон. Особую роль в выработке собственного подхода к анализу проблемы сыграло годичное пребывание Шамбо в Китае в 2009—2010 гг. Принимал его Институт мировой политики и экономики Академии общественных наук Китая, но ученый сумел побеседовать с десятками ведущих специалистов-международников из самых разных ведомств КНР — от Международного

¹ *China and Europe: 1949—1995*. London: School of Oriental and African Studies, 1996. 82 p.

² *Tangled Titans: The United States and China* / ed. David Shambaugh. 1st edition. — New York: Rowman and Littlefield Publishers, 2012. 436 p.

отдела ЦК КПК до Министерства обороны, не говоря уже о многочисленных научных и учебных учреждениях. Надо сказать, что в тот период в КНР особенно благоволили Шамбо по той причине, что в качестве своего хобби он выбрал исследование перипетий перевозки из Пекина на Тайвань в 1930-е — 1940-е годы сокровищ императорской коллекции Музея Гугун. Этому посвящена одна из глав работы *The Odyssey of China's Imperial Art Treasures* («Одиссея сокровищ китайского императорского искусства»), написанной совместно с Джанетт Шамбо Эллиот¹.

С использованием материалов, собранных в ходе командировки, Шамбо подготовил свою главную на сегодняшний день работу о внешней политике КНР — *China goes global: the partial power* («Китай становится глобальным: частичная держава»)². Свой термин «частичная держава» Шамбо поясняет теми обстоятельствами, что КНР, по его оценке, далеко не столь сильна, как кому-то может показаться, что ее дипломатия не носит достаточно широкого характера, а узко ориентирована на собственные интересы, наконец, что страна не обладает солидной «мягкой силой» [Shambaugh, 2013, p. 309]. Более конкретно рассмотрены глобальные идентичности Китая, его роль и «присутствие» на глобальном уровне в дипломатии, управлении, экономике, культуре, сфере обеспечения безопасности.

Шамбо приходит к выводу о лишь частичной интегрированности КНР в мир и о некомфортности ее самочувствия в мировом либеральном порядке, который она все более настойчиво стремится либо изменить, либо игнорировать.

В 2020 г. была опубликована еще одна важная работа под редакцией Д. Шамбо — *China & the World* («Китай и мир»)³.

Весомым личным вкладом профессора Шамбо стала предложенная им весьма удобная **периодизация внешней политики КНР**.

По-видимому, начальным толчком к ее осмыслению послужила работа Д. Шамбо над заметками о развитии американского китаеведения в период после образования КНР. Автор часто выступал с лекциями на эту тему, в том числе за рубежом, и постепенно выработал близкое к реалиям видение этого процесса. Так, в лекции в Институте

¹ *The Odyssey of China's Imperial Art Treasures*. Seattle: University of Washington, 2005, XIII+178 p.

² Shambaugh David. *China goes global: the partial power*. New York: Oxford University Press, 2013, 409 p.

³ *China & the World* / David Shambaugh (ed.). New York: Oxford University Press, 2020, 394 p.

Дальнего Востока РАН 8 июня 2009 г. Д. Шамбо выделил пять основных этапов эволюции американской синологии в «КНР-овский период»: 1950-е — середина 1960-х годов; конец 1960-х — конец 1970-х годов; 1980-е; 1989 г. — середина 1990-х годов; конец 1990-х — 2009 г. [Шамбо Д., с. 146]. В основе данной периодизации лежит главным образом реакция руководства страны на события в самом Китае и на отношения КНР с зарубежьем.

В монографии *China goes global: the partial power* Шамбо применяет сходные хронологические рамки уже к периодизации внешней политики КНР в целом. При этом, однако, он выделил более дробные этапы (по 2012 г. включительно), доведя их общее число до десяти.

В 1949—1957 гг. КНР, по мнению Шамбо, в основном находилась в изоляции и была признана лишь 18 странами.

Период 1958—1965 гг. характеризуется растущими трениями с СССР, противостоянием с обеими сверхдержавами (Советский Союз и США) и курсом Пекина на поддержку «мировой революции».

Изоляционистская фаза 1966—1970 гг. завершилась осознанием Мао Цзэдуном всей опасности международной изоляции Китая в условиях растущей напряженности в отношениях с СССР.

Период 1971—1978 гг. ознаменован поворотом Китая к налаживанию отношений с США и нормализацией отношений с рядом западных и азиатских стран. Началась формальная интеграция КНР в международную систему.

Период 1979—1982 гг. характеризовался новым ухудшением отношений с Советским Союзом из-за ввода советских войск в Афганистан и поддержки Москвой вьетнамского вторжения в Кампучию. Четырехлетие тесного сотрудничества Пекина с Вашингтоном на мировой арене завершилось с провозглашением в сентябре 1982 г. на XII съезде КПК линии КНР на проведение независимой внешней политики.

Этот курс потребовал более четкой равноудаленности от обеих сверхдержав, что и стимулировало усилия Пекина по улучшению отношений с Москвой в 1982—1989 гг. Вместе с тем, потребности модернизации и реформы экономики страны предопределили приоритетность Западной Европы, Северной Америки и Азии во внешней политике КНР в целом, поскольку именно оттуда шли займы, инвестиции и технологии. Как полагает Шамбо, впервые за 40 лет своего существования КНР наслаждалась нормальными и мирными отношениями со всеми крупнейшими странами мира, имела безопасную периферию и выгодные отношения с соседями и международными

организациями. Не случайно внешние факторы сыграли весомую роль в динамичном внутреннем развитии страны в эти годы.

Однако эта беспрецедентно позитивная ситуация изменилась буквально за одну ночь — с 3 на 4 июня 1989 г. Силовое подавление демонстраций в Пекине дало старт 7-му этапу внешней политики КНР, продолжавшемуся по 1997 г. включительно. Китай вновь стал полностью изолированным от Запада, но не все государства поддержали этот жесткий курс. «Спасательный круг» Пекину бросили соседи (и прежде всего Сингапур в лице Ли Куан Ю), нацелившиеся на реинтеграцию КНР в региональный порядок. В середине 1990-х годов к нормализации связей с КНР приступил Европейский союз, а затем и администрация президента США Б. Клинтона пришла к выводу о непродуктивности изоляции Китая.

В 1998—2008 гг. Китай практиковал многовекторную дипломатию, она стала по-настоящему глобальной. Шамбо полагает, что в период успешного руководства сначала Цзян Цзэминя, а затем Ху Цзиньтао КНР улучшила отношения с большинством стран мира и даже отношения «через Тайваньский пролив». Однако с середины 2009 г. Китай вернулся к более наступательной политике в регионе и в мире в целом. В сравнительно короткие сроки — до конца 2010 г. — КНР умудрилась осложнить отношения с Японией, Южной Кореей, Вьетнамом, Индией, АСЕАН, Европейским союзом и США. Для этого в каждом конкретном случае были свои поводы или причины, но общим результатом стало негативное влияние внешнеполитического курса на глобальный дипломатический имидж Китая. Это, считает Шамбо, были худшие годы китайской дипломатии после периода 1989—1992 гг.

Период 2011—2012 гг. стал началом 10-го этапа во внешней политике КНР. Пекин попытался внести коррективы в жесткий курс предыдущих лет, что, однако, дало лишь кратковременный результат. С середины 2010-х напористость действий КНР на международной арене зримо возросла. Один из авторов коллективной монографии *China & the World* («Китай и мир») Питер Грайс связывает данный феномен с мощным националистическим воздействием на китайцев второй части фильма «Боевой волк» режиссера У Цзина, вышедшего на экраны в 2017 г. Фильм отстаивает безусловное право Китая на мечь за нанесенные ему исторические обиды, утверждая, что как бы далеко ни был обидчик, он непременно будет наказан [*China & the World*, p. 76].

Заключая свою периодизацию, Шамбо приходит к выводам, что, во-первых, последовательность не является характерной чертой внешней политики КНР — ни теоретически, ни практически, и,

во-вторых, что отношения Китая с целым рядом стран проходят через повторяющиеся циклы — осложнения, антагонизма, двусмысленности и нормальности. Эти факторы следует всегда принимать во внимание при анализе текущей ситуации в отношениях КНР с теми или иными партнерами и при прогнозировании ее дальнейшей эволюции [Ibidem, p. 47—53].

В работе 2020 г. *China & the World* Шамбо воспроизводит похожую, но несколько менее дробную периодизацию внешней политики КНР. 1950-е годы он называет периодом изоляции (на наш взгляд, не вполне справедливо); 1960-е годы характеризуются фразой «от плохого к худшему»; 1970-е — «Китай присоединяется к миру»; 1980-е — «от оптимизма к пессимизму»; 1990-е — «от изоляции к реабилитации». Для 2000-х годов характерна «дипломатия по всем направлениям», для 2010-х — «возросшая уверенность и более достойное место» [China & the World, p. 3—21]. Наверное, эта периодизация, отталкивающаяся от особенностей отношений КНР с Западом, не идеальна, но в целом она достаточно верно передает хронологию изменений в позиционировании Пекина на международной арене.

Заметим, что ряд китайских и зарубежных авторов, следуя в целом разбивке внешней политики страны на примерно десятилетние периоды, выделяют и более дробные этапы или же вносят уточнения относительно даты начала и окончания того или иного этапа. Так, известный советский китаевед М.С. Капица в свое время выделял во внешней политике КНР 1950—1970-х годов этапы 1949—1952 гг. (первые внешнеполитические шаги), 1953—1958 гг., 1958—1962 гг. (начало открытого поворота влево), 1962—1966 гг. (все дальше по пути великодержавного шовинизма и авантюризма), 1966—1969 гг. («культурная революция»), 1970-е годы (крутой поворот вправо) [Капица].

В одной из последних по времени публикации китаеязычных работ о внешней политике КНР «История дипломатии Китайской Народной Республики» под редакцией Ван Цяожун¹ годом завершения «периода трудностей» (1959—1969) и одновременно годом начала «периода создания новой ситуации во внешней политике страны» (1969—1979) справедливо назван 1969 год — год подготовки разворота Китая к Западу [Чжунхуа жэньминь гунхэго ...].

В своих трудах, прежде всего, в работе *China goes global* Д. Шамбо рассматривает **ряд важных особенностей китайской дипломатии и внешней политики.**

¹ Чжунхуа жэньминь гунхэго вайцзяо ши [История дипломатии Китайской Народной Республики]. Пекин: Дандай Чжунго чубаньшэ, 2021. 250 р.

Закономерно ставится вопрос: *кто принимает решения* в этой сфере? Автор выделяет пять «концентрических кругов» для характеристики акторов, которые теоретически могут участвовать в этом процессе. В первый круг входят высшие лидеры страны и те институты, которые они представляют. Это Политбюро ЦК КПК и его Постоянный комитет, Центральная военная комиссия, руководящие группы по иностранным делам, национальной безопасности, внешней пропаганде. Вторая сфера включает Международный отдел ЦК КПК, министерства иностранных дел, коммерции, культуры, обороны, агентство «Синьхуа» и ряд других ведомств. Третий «круг» охватывает ряд ведущих университетов и исследовательских организаций, специализирующихся на международной проблематике. Их функция — давать рекомендации субъектам второй сферы. Четвертый круг — крупные предприятия, ведущие операции за рубежом, а также участвующие во внешних сношениях провинциальные власти. Наконец, все большее давление на внешнюю политику страны оказывает общество — различные комментаторы и блогеры, откликающиеся на те или иные проблемы международной жизни [Shambaugh, 2013, p. 61—72]. С приходом к власти Си Цзиньпина сильно возросла роль первого лица: подчас кажется, что ныне внешнюю политику КНР определяет только он один. Даже лица, находящиеся на ответственной должности члена Госсовета и главы канцелярии ЦК КПК по иностранным делам (ранее — Ян Цзечи, сейчас — Ван И), едва ли не в первую очередь занимаются комментированием итогов зарубежных визитов председателя КНР.

Заметное место Шамбо уделил *анализу внешнеэкономических связей КНР* (внешней торговле, импорту нефти и зарубежному инвестированию) как весомому фактору внешней политики страны. На наш взгляд, автор несколько недооценил их влияние на глобальную ситуацию в мировой экономике, что наглядно показали события следующего (после выхода в свет работы) десятилетия 2014—2023 гг.

Д. Шамбо также склонен не слишком высоко оценивать «*мягкую силу*» Китая. Проанализировав основные ее компоненты, в том числе «Институты Конфуция», кинематограф, искусство, внешнюю пропаганду и т. п., он приходит к выводу, что «мягкая сила Китая остается слишком мягкой». Причина этого в том, что руководство страны подходит к задаче наращивания мягкой силы примерно так же, как к строительству высокоскоростных железных и шоссейных дорог, то есть, вкладывая деньги и ожидая быстрого результата. Однако, подчеркивает Шамбо, мягкую силу таким образом не построить. Ее надо

заработать. И главную роль здесь играет не правительство, а общество [Shambaugh, 2013, p. 267].

Пострановой анализ внешних сношений КНР, как правило, не занимает в трудах Д. Шамбо ведущего места. Тем не менее, его лапидарные итоговые оценки в этой сфере весьма интересны.

Отношения КНР с США Д. Шамбо называет не только самыми важными двусторонними отношениями в мире (это декларируют и в Пекине, и в Вашингтоне), но и наиболее сложными. Будучи двумя крупнейшими экономиками мира, обладателями двух крупнейших военных бюджетов и двух военных флотов, двумя крупнейшими импортерами и потребителями нефти, эмитентами парниковых газов, обладателями наибольшего числа специалистов с ученой степенью и запросов на патенты, США и Китай являются сегодня двумя единственными глобальными игроками на мировой арене. Они оказывают наибольшее влияние на мировые дела. Шамбо, обращаясь к ситуации начала 2010-х годов, констатирует, что, несмотря на взаимозависимость, отношения двух стран становятся все более трудными. Конкуренция растет, сотрудничество снижается, стратегическое недоверие преобладает. Взаимные представления друг о друге постоянно проходят через повторяющиеся циклы любви-ненависти. Тем не менее, полагает американский синолог, отношения между КНР и США никогда не бывают столь хорошими или столь плохими, как это может показаться [Shambaugh, 2013, p. 73—78].

В своей последней по времени издания работе *Where great powers meet. America and China in Southeast Asia* («Там, где встречаются великие державы: Америка и Китай в Юго-Восточной Азии»)¹, Дэвид Шамбо отмечает, что в этом важном регионе, где соперничество двух держав ощущается повсеместно, преобладающей становится точка зрения, что конечное доминирование Китая неизбежно, а США идут к закату. Однако сам автор приходит к противоположному выводу: у США глубокие корни в Юго-Восточной Азии и более внушительная, чем у КНР, комплексная мощь. В этом контексте Китай явно переоценен, а Америка — недооценена.

В целом Шамбо считает именно Азию приоритетом китайской дипломатии среди регионов мира. Особенно высоко он оценивает отношения КНР с Республикой Корея, которые, по его мнению, не только взаимовыгодны, но и служат центральным элементом формирующегося баланса сил в Северо-Восточной Азии (похоже, Д. Шамбо

¹ Shambaugh David. *Where great powers meet. America and China in Southeast Asia*. New York: Oxford University Press, November 2020. 352 p.

явно переоценил лояльность Сеула по отношению к Пекину и степень его самостоятельности в международных делах).

Д. Шамбо кратко оценивает также политику КНР в других регионах мира — в Африке, Европе, на Ближнем Востоке, в Латинской Америке. Что касается отношений Китая с Россией, то, как считает ученый, при всем их неплохом состоянии историческая память и современные страхи «все еще отбрасывают длинную тень».

* * *

В начале 2010-х Шамбо предположил, что в грядущие годы поход Китая за глобальным статусом будет самым значительным событием в международных отношениях. Начиная с 1978 г., когда Китай открылся миру, мир менял Китай. А теперь Китай начинает менять мир [Shambaugh, 2013, p. 317]. Похоже, что в период 2013—2023 гг. этот прогноз полностью подтвердился. И это вопреки антикитайской волне, поднятой Д. Трампом в 2018 г. и сохраняющейся по сей день и при Дж. Байдене. Несмотря на все сложности в дальнейшем укреплении его мощи и международных позиций, Пекин и впредь явно не намерен отступать.

Библиографический список

- Капица М.С.* КНР: три десятилетия — три политики. М.: Политиздат, 1979. 576 с.
- Шамбо Д.* Заметки о современном американском Китаеведении // Проблемы Дальнего Востока. 2009. № 6. С. 145—153.

References

- Kapitsa, M.S. (1979). KNR: tri desyatiletiya — tri politiki [PRC: three decades — three kinds of policy]. *Moscow, Politizdat*: 576 p. (In Russian).
- Shambaugh, D. (2009). Zametki o sovremennom amerikanskom kitaevedenii [Notes on Modern American Sinology], *Problemy Dal'nego Vostoka [Far Eastern Affairs]*: 6: 145—153. (In Russian).

* * *

China & the World / David Shambaugh (ed.). *New York: Oxford University Press*, 2020: 394 p.

Shambaugh, David (1996). *China and Europe: 1949—1995. London: School of Oriental and African Studies*: 82 p.

Shambaugh, David (2013). *China goes global: the partial power*. *New York: Oxford University Press*: 409 p.

Shambaugh, David (2020). *Where great powers meet. America and China in Southeast Asia*. — *New York: Oxford University Press*: 352 p.

Shambaugh, David; Shambaugh Elliott, Jeannette (2005). *The Odyssey of China's Imperial Art Treasures*. *Seattle: University of Washington*: XIII+178 p.

Tangled Titans: The United States and China / David Shambaugh (ed.). 1st edition. — *New York: Rowman and Littlefield Publishers*, 2012: 436 p.

Zhonghua renmin gongheguo waijiao shi [Diplomatic history of the People's Republic of China]. Beijing, *Dangdai Zhongguo chubanshe*, 2021. [*Beijing, Contemporary China publishing house*]: 250 p. (In Chinese).

К.К. Меркулов

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ МЕЖДУНАРОДНОГО ЗНАЧЕНИЯ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ СОВРЕМЕННОЙ КИТАЙСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ («МОДЕРНИЗАЦИИ КИТАЙСКОГО ТИПА»)

*Посвящается светлой памяти
профессора К.А. Меркулова (1924—1999)
и профессора Э.А. Меркуловой (1933—2017)*

Аннотация. Данная научно-исследовательская разработка (в стиле информационно-аналитического обзора), развивающая ряд прежних публикаций автора по близкой проблематике (в том числе в выпуске издания ИКСА РАН «Китай в мировой и региональной политике. История и современность» за 2019 г.), подготовлена с учетом потребности изыскать для России новую «опережающую» парадигму социально-экономического и вообще интегрального развития, в том числе учитывающую опыт реформ в КНР, инициированных Дэн Сяопином, и современной китайской модернизации под руководством Си Цзиньпина.

Хотя феномен «китайская модернизация» имеет богатую предысторию и в практическом плане, и в научной литературе, понятие модернизации китайского типа (中国式的现代化), по авторитетному свидетельству С.С. Цыплакова, впервые было публично выдвинуто Си Цзиньпином на онлайн-саммите Коммунистической партии Китая и мировых политических партий, который проходил в Пекине 6 июля 2021 г. в рамках празднования 100-летней годовщины образования КПК. Из этого и последующих заявлений Си Цзиньпина можно сделать вывод, что концепция «модернизации с китайской специ-

фикой» находится в начальной стадии разработки и пока далека от совершенства, не говоря уже о ее чисто «пропагандистской» роли. Более того, продекларированная Пекином цель создания «новой формы человеческой цивилизации» ныне практически не выходит за рамки планов совершенствования «социалистической рыночной экономики» в рамках парадигмы «информационного общества» и теории «конвергенции социализма и капитализма», пусть даже и на китайский лад.

Общий вывод статьи заключается в том, что опыт реформ и модернизации в КНР надо не догматически абсолютизировать, а творчески оптимизировать на путях уникального системно-синергетического синтеза лучшего исторического наследия духовно-материалистического развития человечества.

Ключевые слова: Китай (КНР), теория и практика китайской модернизации (модернизации китайского типа), модель опережающего социопрогресса.

Автор: Меркулов Катенарий Катенарьевич, доктор экономических наук (РФ МАН Сан-Марино, 1994, г. Москва); кандидат исторических наук (МГИМО МИД СССР, 1990); старший научный сотрудник Центра изучения культуры Китая Института Китая и современной Азии РАН (адрес: 117997, Москва, Нахимовский пр-т, 32). ORCID: 0000-0002-6244-1800. E-mail: katenariy@gmail.com

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации в Институте Китая и современной Азии РАН.

Слова благодарности. Автор искренне благодарит своих замечательных родителей и всех учителей, друзей и коллег за доброе содействие в жизни и в научных исследованиях.

K.K. Merkulov

On some issues of international significance of the theory and practice of the contemporary Chinese modernization (modernization of the Chinese type)

*Dedicated to the blessed memory of
Professor K.A. Merkulov (1924—1999)
and Professor E.A. Merkulova (1933—2017)*

Abstract. This R&D work (in the capacity of the information and analytical review), which develops a number of the author's previous publications on similar problems (including the collection “China in World and Regional Politics. History and Modernity” of 2019), has been

prepared taking into account the need to find a new “leading-edge” paradigm of socio-economic and generally integral development for Russia, including the experience of Chinese reforms initiated by Deng Xiaoping, and modern Chinese modernization under the leadership of Xi Jinping.

Although the phenomenon of “Chinese modernization” has a rich prehistory both in practical terms and in scientific literature, the concept of Chinese-type modernization (中国式的现代化), according to authoritative testimony by S. Cyplakov, was first publicly put forward by Xi Jinping at the online summit of the Chinese Communist Party and world political parties that was held in Beijing on 6 July 2021 to mark the 100th anniversary of the CPC. From this and subsequent statements by Xi Jinping one can conclude that the concept of “modernization with Chinese characteristics” is in its early stages of development and is still far from perfect, not to mention its purely “propaganda” role. Moreover, the goal declared by Beijing to create a “new form of human civilization” nowadays practically does not go beyond plans to improve the “socialist market economy” within the “information society” paradigm and the theory of “convergence of socialism and capitalism”, even if in the Chinese way.

The general conclusion of the article is that the experience of reforms and modernization in China should not be dogmatically absolutized, but creatively optimized in the ways of unique systemic synergistic synthesis of the best historical heritage of spiritual and materialistic development of mankind.

Keywords: China (PRC), theory and practice of Chinese modernization (modernization of Chinese type), model of advanced socio-progress.

Author: Katenariy K. MERKULOV, Dr.Sc. (Economics) (IAS San-Marino), PhD (History) (MGIMO); Senior Research Fellow, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences (address: 32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117997, Russian Federation). ORCID: 0000-0002-6244-1800. E-mail: katenariy@gmail.com

Conflict of interests. The author declares the absence of the conflict of interests.

Support. The article was prepared at the Institute of China and Contemporary Asia of the RAS within the framework of the State assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation.

Acknowledgements. The author sincerely thanks his blessed parents and all his teachers, friends and colleagues for the kind assistance in his life and in his scientific research.

Оценка руководителями КНР международного значения китайской модернизации

Хотя феномен «китайская модернизация» имеет богатую предысторию и на практике, и в документах КПК (включая XIX съезд компартии Китая¹), и в научной литературе [Виноградов] понятие модернизации китайского типа (中国式的现代化), например, по авторитетному свидетельству С.С. Цыплакова², впервые было озвучено Си Цзиньпином на онлайн-саммите КПК и мировых политических партий, который проходил в Пекине 6 июля 2021 г. в рамках празднования 100-летней годовщины образования КПК. Тогда Си Цзиньпин в частности заявил: «КПК будет сплачивать и вести за собой китайский народ на продвижение модернизации в китайском стиле, чтобы внести для человечества новый вклад в поиски путей модернизации.... Не существует устоявшегося пути модернизации, лучше всего то, что подходит самому государству.... КПК будет, сплачивая и ведя за собой китайский народ, всесторонне углублять реформы и расширять внешнюю открытость, чтобы внести тем самым новый вклад в общее развитие и процветание разных стран мира»³.

Затем значение феномена «модернизация» было подчеркнуто в принятой на 6-ом Пленуме ЦК КПК 19-го созыва (Пекин, 8—11 ноября 2021 г.) так называемой третьей исторической резолюции — «Решении ЦК КПК по основным достижениям и историческому опыту столетней борьбы партии». В ней отмечалось, что партия руководит народом, успешно ведет его по пути модернизации китайского типа, создала новую форму человеческой цивилизации, предоставила новый выбор путей модернизации для народов развивающихся стран⁴.

¹ Полный текст доклада, с которым выступил Си Цзиньпин на 19-м съезде КПК. Материал на сайте Посольства КНР в РФ 2017-11-04. URL: http://ru.china-embassy.gov.cn/rus/ztbd/19sjd/201711/20171104_3112907.htm (дата обращения: 16.05.2023).

² Анализ программной теоретической речи Си Цзиньпина о модернизации китайского типа // Цыплаков С.С. Обзор событий в Китае 6—12 февраля 2023 г. URL: http://inveb-docs.ru/attachments/article/2023_02/Kitay_Obzor_06-12_02_2023.pdf (дата обращения: 17.02.2023).

³ Сообщение ИА Синьхуа о выступлении Председателя КНР Си Цзиньпина на Саммите КПК и мировых политических партий 6 июля 2021 г. в Пекине (в онлайн-формате) «Си Цзиньпин призвал политические партии мира взять на себя ответственность за благополучие людей и прогресс человечества». URL: http://russian.news.cn/2021-07/07/c_1310046465.htm (дата обращения: 04.09.2021 г.).

⁴ Full Text: Resolution of the CPC Central Committee on the Major Achievements and Historical Experience of the Party over the Past Century / Xinhua. 2021-11-16. URL: http://www.news.cn/english/2021-11/16/c_1310314611.htm (accessed: 09 March, 2022).

Характеризуя путь КПК и КНР, включая итоги 40 лет политики реформ и открытости внешнему миру, эта резолюция гласила: «ЦК КПК провел торжественное собрание по случаю 40-летнего юбилея политики реформ и открытости, на котором товарищ Си Цзиньпин выступил с важной речью. Он всесторонне обобщил великие достижения, полученные за сорок лет проведения политики реформ и открытости, и накопленный бесценный опыт, подчеркнув, что реформы и открытость — это великое пробуждение нашей партии, это великая революция в истории развития китайского народа и китайской нации. Он также выступил с великим призывом довести политику реформ и открытости до конца. Великие успехи, достигнутые в проведении политики реформ и открытости и социалистической модернизации, привлекли внимание всего мира... Коммунистическая партия Китая и китайский народ своей мужественной и упорной борьбой торжественно объявили миру: реформы и открытость — это ключевой шаг, который определяет перспективы и судьбу современного Китая, путь социализма с китайской спецификой — это верный путь, который ведет Китай к развитию и процветанию, Китай уверенной поступью идет в ногу со временем»¹.

На XX съезде КПК (Пекин, 16—22 октября 2022 г.) модернизация китайского типа была названа Си Цзиньпином «новаторским прорывом в теории и практике»², и в материалах съезда, в том числе в обновленной версии Устава КПК, подчеркивалось, что цели великого возрождения китайской нации будут достигаться на путях модернизации китайского типа³.

Сразу после завершения XX съезда КПК видный российский китаевед профессор А.В. Лукин заявил: «Сейчас в Китае говорят: мы не отказываемся от курса Дэн Сяопина — он великий государственный

¹ Ibidem.

² *Си Цзиньпин*. Высоко неся великое знамя социализма с китайской спецификой, сплоченно бороться за всестороннее строительство модернизированного социалистического государства. Доклад на XX Всекитайском съезде Коммунистической партии Китая 16 октября 2022 г. — Полный текст доклада 20-ому Всекитайскому съезду Коммунистической партии Китая / Russian.News.Cn 2022-10-25. URL: <https://russian.news.cn/20221025/b32a2a0cff064246838b0999eedebaa/c.html> (дата обращения: 06.12.2022).

³ Устав Коммунистической партии Китая (Утвержден с частичными поправками XX Всекитайским съездом КПК 22 октября 2022 г.). — Полный текст Устава Коммунистической партии Китая / Russian.News.Cn 2022-10-26. URL: <https://russian.news.cn/20221026/62bc182b358e45f0824ebddea699539e/c.html> (дата обращения: 06.12.2022).

деятель, но мы творчески развиваем его идеи, так как ситуация в стране изменилась»¹.

Правда, есть и другие оценки на сей счет, например, в плане предположений о «закате китайских реформ в эпоху автократии Си» [Clifford].

Далее, 7 февраля 2023 г. Си Цзиньпин выступил в Центральной партийной школе перед руководящими кадровыми работниками, новыми членами и кандидатами в члены ЦК КПК с программной речью о модернизации китайского типа. Тогда в заключение своего выступления председатель Си отметил: «В модернизации китайского типа есть еще много непознанных областей, в связи с чем требуется смелый поиск в процессе практики, ни в коем случае нельзя действовать по шаблону, ждать у моря погоды...»².

15 марта 2023 г. Си Цзиньпин, выступая с речью на диалоге высокого уровня между КПК и другими политическими партиями мира, заявил, что модернизация в китайском стиле является путем, по которому должен идти Китай для достижения общечеловеческого прогресса и общемировой гармонии. По словам китайского лидера, модернизация в китайском стиле основывается на национальных реалиях КНР и при этом опирается на опыт других стран. Она учитывает историко-культурное наследие и включает достижения современной цивилизации. Си Цзиньпин добавил, что модернизация в китайском стиле не только несет пользу китайскому народу, но и способствует общему развитию всего мира³.

21 апреля 2023 г. Председатель КНР Си Цзиньпин направил поздравительное письмо участникам форума «Ланьтин» («Голубой зал») на тему «Китайская модернизация и мир», который проводился в Шанхае⁴. В своем послании Си Цзиньпин отметил, что модернизация — это неустанное стремление китайского народа с начала периода

¹ Александр Лукин: Сюрпризов никаких не будет, продолжится выбранный Китаем курс. Комментарий на сайте издания «Российская газета» 31 октября 2022 г. URL: <https://rg.ru/2022/10/31/vostokoved-aleksandr-lukin-siurprizov-nikakih-ne-budet-prodolzhitsia-vybrannyj-kitaem-kurs.html> (дата обращения: 02.11.2022).

² Приводится по: *Цыплаков С.С.* Обзор событий в Китае 6—12 февраля 2023 г. URL: http://inveb-docs.ru/attachments/article/2023_02/Kitay_Obzor_06-12_02_2023.pdf (дата обращения: 17.02.2023).

³ Модернизация в китайском стиле — верный путь к национальному возрождению — Си Цзиньпин. 2023-03-15 / Russian.News.Cn. URL: <https://russian.news.cn/20230315/ba31f8225633489182a287f9b41efef6/c.html> (дата обращения: 21.03.2023).

⁴ Форум «Ланьтин» на тему «Китайская модернизация и мир» был совместно организован Китайским обществом публичной дипломатии, Китайским народным общест-

новой истории, а также общее стремление всех народов мира. На пути к модернизации страна должна следовать определенным общим закономерностям. Что еще более важно, она должна исходить из своих собственных реалий и иметь свою специфику. По словам Си, после длительных нелегких поисков Компартия Китая, сплывшая и ведя за собой многонациональный народ страны, нашла путь развития, соответствующий китайским реалиям. Си Цзиньпин отметил, что Китай готов работать сообща со всеми другими странами, чтобы предоставить новые возможности для глобального развития с помощью новых достижений, полученных в сфере китайской модернизации, придать новый импульс поиску человечеством путей к модернизации и лучших социальных строев и продвинуть создание сообщества единой судьбы человечества¹.

Глава МИД КНР Цинь Ган на открытии форума «Ланьтин» в Шанхае в свою очередь отметил, что КНР готова отстаивать право всех стран на осуществление модернизации и выступает против возведения «стен и барьеров». «Мы будем более решительно отстаивать право всех стран на развитие. Модернизация — это неотъемлемое право каждой страны, а не монополия и исключительная привилегия нескольких стран. Вы не можете перейти реку и демонтировать мосты только потому, что вы достигли другого берега модернизации, и создавать препятствия для достижения модернизации другими странами, не говоря уже о подавлении, сдерживании и блокировании, потому что другие страны идут другими путями модернизации», — сказал министр. Цинь Ган также указал на то, что Китай не участвует в соперничестве с великими державами: «Что мы решительно защищаем, так это наши собственные интересы в области развития и право китайского народа на стремление к лучшей жизни. Китай уважает путь модернизации, выбранный народами всех стран, независимо друг от друга, выступает против создания идеологических конфрон-

вом по изучению международных отношений и Народным правительством города Шанхай. В мероприятии приняли участие представители правительств, аналитических центров и СМИ почти 80 стран. Форум «Ланьтин» был учрежден 1 декабря 2010 г. и проводится Министерством иностранных дел КНР. Он является площадкой для обсуждения международных и региональных проблем, а также внешней политики Китая. В нем принимают участие представители правительственных и экспертных кругов. Форум проходил в Шанхае впервые.

¹ Си Цзиньпин направил поздравительное письмо участникам форума «Ланьтин» на тему «Китайская модернизация и мир» (более подробно). 2023-04-21 / Russian. News. Сп. URL: <https://russian.news.cn/20230421/9125e1ead1bf4515b6f399cafca7001/c.html> (дата обращения: 26.04.2023).

таций, вовлечения в новую холодную войну, против вмешательства во внутренние дела и навязывания другим». И далее: «Китай поддерживает правильное направление глобализации, выступает против возведения стен и барьеров, разъединения и разрыва цепочек, а также выступает против односторонних санкций и сильного давления. Китай прилагает все усилия для поддержания стабильности и бесперебойности цепочек производства и поставок, чтобы экономическая глобализация и модернизация различных стран могли дополнять друг друга»¹.

Оценка международного значения китайской модернизации дипломатами КНР

Примечательны основные тезисы документа «Глобальное значение китайской модернизации», опубликованного Посольством Китая в Бельгии 07.05.2023 г.² Оценки, приведенные в этом документе, представляются ныне «типовыми» для дипломатии КНР.

1. Осознание модернизации — это неустанный стремление китайского народа с начала современности. Это также общее стремление людей всех стран. Осуществляя модернизацию, страна должна следовать определенным общим закономерностям. Что еще более важно, она должна исходить из собственных реалий и развивать свои особенности. После долгих и трудных поисков Китай нашел путь развития, соответствующий его условиям. В настоящее время Китай строит сильную страну и продвигает национальное омоложение на всех фронтах по китайскому пути модернизации. Продолжая собственное развитие, Китай также добавит больше позитивной энергии миру во всем мире и создаст больше возможностей для глобального развития. Китайская модернизация с таким огромным населением станет более сильным толчком для восстановления мировой экономики.

¹ Си Цзиньпин заявил о готовности дать миру новые возможности в осуществлении модернизации. По словам лидера КНР, модернизация всегда была неустанным стремлением китайского народа. Сообщение ТАСС 21.04.2023 г. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/17575727?ysclid=lhtaeijdb402932678> (дата обращения: 19.05.2023).

² Глобальное значение китайской модернизации. Материал, опубликованный Посольством Китая в Бельгии на сайте издания “EU Reporter” 07.05.2023 г. URL: <https://ru.eureporter.co/world/china-2/china-eu/2023/05/07/the-global-significance-of-chinese-modernization/?ysclid=lhtaco4s3z485960425> (дата обращения: 19.05.2023).

2. За последние 40 с лишним лет после начала в КНР реформ и открытости внешнему миру китайское правительство вывело из бедности более 800 млн человек и расширило число граждан со средним уровнем дохода до более чем 400 млн человек. В настоящее время Китай ежедневно вкладывает 320 млн долл. в виде прямых инвестиций по всему миру, и каждый месяц более 3000 иностранных компаний начинают бизнес в Китае. Поскольку более 1,4 млрд человек находятся на пути к модернизации, что больше, чем совокупное население всех развитых стран, Китай придаст гораздо более сильный импульс мировой экономике благодаря расширению рыночного пространства и большим человеческим ресурсам.

3. Китайская модернизация с общим процветанием для всех открывает более широкий путь к общему развитию всех стран. Инициатива «Пояс и путь» (ИПП) и Глобальная инициатива развития (ГИР) являются общественными благами, которые Китай предлагает международному сообществу. Они также являются открытыми платформами для совместного развития и процветания. К ИПП присоединились более трех четвертей стран мира и 32 международные организации. Такое сотрудничество привлекло около 1 трлн долл. инвестиций и создало свыше 420 млн рабочих мест для стран-участниц. При поддержке более 70 стран и многих международных организаций, а также стран, входящих в Группу друзей ГИР, эта Инициатива дает мощный импульс скорейшему достижению Целей ООН в области устойчивого развития на период до 2030 г.

4. Китайская модернизация с ее материальным и культурно-этическим прогрессом откроет блестящие перспективы для прогресса всего человечества. Модернизация — это не только достижение материального изобилия, но и культурно-этическое обогащение. Глобальная цивилизационная инициатива, выдвинутая Председателем Си Цзиньпином, отстаивает важность наследия и инноваций цивилизаций, способствует уважению разнообразия цивилизаций и продвигает принципы равенства, взаимного обучения, диалога и инклюзивности между цивилизациями. Китай готов работать вместе с международным сообществом, чтобы открыть новую перспективу расширения обменов и взаимопонимания между разными народами, а также лучшего взаимодействия и интеграции разнообразных культур. Вместе мы сможем сделать сад мировых цивилизаций ярочным и ярким.

5. Китайская модернизация с гармонией между человечеством и природой обеспечит более жизнеспособный путь к чистому и прекрасному миру. Уважение, адаптация и защита природы необходимы

для превращения Китая в современную социалистическую страну во всех отношениях. Поддерживая идею о том, что прозрачные воды и живописные горы являются бесценным достоянием, Китай с готовностью берет на себя ответственность за защиту окружающей среды и борьбу с изменением климата и лидирует в мире в области посадки лесных массивов, разработки и использования возобновляемых источников энергии, а также производства и продажи новых видов энергии. Китай выступил с инициативой создания и инвестирования в Куньминский фонд биоразнообразия и внес свой вклад в заключение Парижского соглашения¹.

6. Китайская модернизация на пути мирного развития принесет больше уверенности в мир и стабильность во всем мире. Китайская модернизация осуществляется не посредством войны, колонизации или грабежа. Мы привержены миру, развитию и взаимовыгодному сотрудничеству. Инициатива глобальной безопасности, выдвинутая Председателем Си Цзиньпином, призывает адаптироваться к глубоко меняющемуся международному ландшафту в духе солидарности и решать сложные и взаимосвязанные проблемы безопасности с бесприкрытым мышлением, указывая правильное направление действий, общую и универсальную безопасность.

7. Осуществляя модернизацию, Китай будет более решительно защищать право на развитие всех стран, продвигать открытость на высоком уровне более активными усилиями, способствовать более активному обмену между цивилизациями, более энергично работать на благо сообщества всей жизни на Земле и с большей решимостью охранять международный порядок. Было доказано и будет подтверждаться и впредь то обстоятельство, что процесс китайской модернизации является толчком к силе мира, справедливости и прогресса во всем мире. Китай предоставит новые возможности для глобального развития благодаря новым достижениям в китайской модернизации, придаст новый импульс поиску человечеством путей модернизации и улучшения социальных систем, а также будет работать со всеми странами для продвижения вперед в построении сообщества с общим будущим для человечества².

¹ Парижское соглашение по климату (*Paris Climate Agreement*) — международное соглашение, достигнутое 12 декабря 2015 г. во французской столице. Документ призван объединить усилия большинства стран по борьбе с климатическими изменениями.

² Глобальное значение китайской модернизации. Материал, опубликованный Посольством Китая в Бельгии на сайте издания “EU Reporter” 7 мая 2023 г. URL: <https://ru.eureporter.co/world/china-2/china-eu/2023/05/07/the-global-significance-of-chinese-modernization/?ysclid=lhtaco4s3z485960425> (дата обращения: 19.05.2023).

Оценки ведущими российскими экспертами опыта китайской модернизации

«В Китае создана особая модель человеческого развития, которая интересна всему миру», — так российские эксперты оценивают опыт китайской модернизации¹. Изучить китайскую модель и попробовать применить некоторые ее элементы в российских условиях — такую цель поставили участники круглого стола «Китай. Опыт модернизации для России», который прошел в рамках Московского экономического форума (МЭФ) 4 апреля 2023 г.

«Китайская модернизация стала новой реальностью для всего человечества», — заявил руководитель аналитического центра «Русская мечта и китайская мечта» Изборского клуба, заместитель председателя Общества российско-китайской дружбы Ю.В. Тавровский. Он отметил, что в Китае нашли правильное соотношение плановой и рыночной экономики, поставили взаимодействие на первый взгляд несовместимых сил под контроль эффективной сетевой структуры — Коммунистической партии Китая. «КПК не только определяет параметры экономического развития в общенациональных масштабах, но также предлагает цель и смысл этого развития», — добавил Ю.В. Тавровский².

По словам академика РАН С.Ю. Глазьева, Китай показал не просто пример того, как надо управлять развитием экономики в современных условиях, но и заложил основы формирования нового мирохозяйственного уклада. Он подчеркнул, что в китайской модели есть элементы, которые можно назвать универсальными и приемлемыми для всех государств, которые хотели бы сегодня встроиться в новый мирохозяйственный уклад. В частности, он выделил приоритет общественных интересов над частными, который считается руководящим принципом для стратегического планирования. При этом государство использует механизм рыночной конкуренции для обеспечения экономической эффективности. «Эти механизмы регулируются, исходя из главной цели — создание условий для повышения общественного благосостояния», — полагает академик С.Ю. Глазьев³.

¹ Опыт китайской модернизации интересен всему миру — российские эксперты. 2023-04-05 / Russian.News.Cn. URL: <https://russian.news.cn/20230405/388c14f7ecd842d6bae143a21ec133e9/c.html> (дата обращения: 06.04.2023).

² Опыт китайской модернизации интересен всему миру — российские эксперты. 2023-04-05 / Russian.News.Cn. URL: <https://russian.news.cn/20230405/388c14f7ecd842d6bae143a21ec133e9/c.html> (дата обращения: 06.04.2023).

³ Там же.

Руководитель Центра политических исследований и прогнозов ИКСа РАН, профессор А.В. Виноградов считает, что успех китайской модернизации заключается в том, что Китай учился, но никогда не копировал. Он использовал чужой опыт для того, чтобы понять, какое конкурентное преимущество у него есть и как его использовать. «В результате Китай создал экономическую систему, которая объединила, казалось бы, несовместимое — рыночную экономику, сильное государство и идею социальной справедливости»¹.

Первый заместитель председателя Комитета Совета Федерации по международным делам, Чрезвычайный и Полномочный Посол России в Китае (2013—2021 гг.) А.И. Денисов убежден, что модернизация — это национальная идея Китая. По его мнению, успех китайской модели обеспечил выбор практик, которые в наибольшей степени подходят к национальной специфике, это то, что называется «поймать ветер в паруса». Сенатор указал на то, что были реализованы две масштабные установки — построение общества средней зажиточности и ликвидация бедности. «Характерно, что этим двум достижениям, связанным непосредственно с именем Председателя КНР Си Цзиньпина, был придан поистине судьбоносный характер через образ “первого столетнего юбилея” — 100-летия Компартии Китая», — отметил А.И. Денисов. Он добавил, что «на отдаленном горизонте появилась конечная цель китайской модернизации — выход в число ведущих государств мира ко “второму столетнему юбилею” — 100-летию КНР, которое будет отмечаться в 2049 г. Ни у одной страны мира нет такого рода стратегических программ модернизации». А.И. Денисов подчеркнул, что, основываясь на достигнутом, Китай предлагает другим странам китайский тип модернизации: «Он больше подходит развивающимся странам, чем пресловутый порядок, основанный на правилах. В конструкции, предлагаемой Китаем, нет места навязываемому США делению мира на демократии и автократии»².

Вместе с тем, с точки зрения будущего китайской модернизации стоит иметь в виду, что в свете отчасти «китаизированно-неосталинистского» по исторической значимости решений XX съезда КПК в сре-

¹ Опыт китайской модернизации интересен всему миру — российские эксперты. 2023-04-05 / Russian.News.Cn. URL: <https://russian.news.cn/20230405/388c14f7ecd842d6bae143a21ec133e9/c.html> (дата обращения: 06.04.2023).

² Опыт китайской модернизации интересен всему миру — российские эксперты. 2023-04-05 / Russian.News.Cn. URL: <https://russian.news.cn/20230405/388c14f7ecd842d6bae143a21ec133e9/c.html> (дата обращения: 06.04.2023).

де китайских коммунистов еще сильнее будет преобладать трехзвенное деление истории КПК и КНР: 1) Китай освободился («поднялся с колен») в «эпоху Мао»; 2) Китай обогатился в «эпоху Дэна»; 3) Китай усилился в «эпоху Си»¹.

Оценки международного значения китайской модернизации иностранными экспертами

«Модернизация в китайском стиле как “стратегическая цель” новой эпохи основана на мирном развитии и взаимовыгодном сотрудничестве с другими странами для общего процветания и является позитивной для развития всего человечества», — недавно заявил в интервью ИА «Синьхуа» Дияа Хелми, генеральный секретарь базирующейся в Каире Египетско-китайской торговой палаты².

Вместе с тем, за рубежом есть и принципиально менее оптимистические оценки сущности и перспектив развития китайской модернизации. Они связаны в том числе с текущим усилением позиций «группы Си Цзиньпина» на пути своего рода «ресталинизации»³ на китайский манер внутри Поднебесной [Lin Chun] с трудно предсказуемыми, но потенциально чрезвычайно опасными международно-политическими последствиями, например, приписываемые Си Цзиньпину в ряде источников амбиции стать «всемирным императором» [Ryuhō Okawa, 2021, p. 2].

В итоге есть основания прогнозировать потенциальное нарастание нестабильности прежнего партийно-государственного режима в КНР и безопасности вокруг нее ближе к середине нынешнего века [Галенович, 2012, с. 6], [Charting...], [Shambaugh].

¹ *Габуев А., Денисов И.* Выше Мао: зачем Си Цзиньпин переписывает историю Компартии Китая. Материал, опубликованный на сайте Московского Центра Карнеги 25.11.2021 г. URL: <https://carnegie.ru/commentary/85863> (дата обращения: 26.11.2021).

² Модернизация в китайском стиле основана на мирном развитии и общем процветании. Материал, размещенный на сайте *DK News* 23 апреля 2023 г. URL: <https://dknews.kz/ru/shelkovyy-put/284888-modernizaciya-v-kitayskom-stile-osnovana-na-mirnom-yslid=lhtagd4bug975034688> (дата обращения: 19.05.2023).

³ *Маслов А.А.* Си Цзиньпин — демократический китайский Сталин. Интервью профессора А.А. Маслова в прямом видеоэфире Pravda.RU 23.12.2016. URL: <https://pravda.ru/world/1321030-maslov/> (дата обращения: 26.04.2021); *Тавровский Ю.В.* Красный гигант. К 100-летию Компартии Китая. Аналитическая статья на блоге «Завтра.ру» 20 мая 2021. URL: https://zavtra.ru/blogs/krasnij_gigant (дата обращения: 21.05.2021) и др.

Выводы

1. Нынешняя «модернизация с китайской спецификой» — не некий «конец истории», и опыт ее осуществления в КНР заслуживает не догматической абсолютизации, но творческой оптимизации, тем более, что продекларированная Пекином цель создания «новой формы человеческой цивилизации» практически не выходит ныне за рамки планов совершенствования «социалистической рыночной экономики» в общих рамках обновления «информационного общества» и теории «конвергенции социализма и капитализма», пусть и на китайский «манер».

2. У нашей страны есть уникальный исторический шанс: вместо следования по пути «догоняющего» развития стратегически и тактически обогнать Китай, как и другие ныне ведущие геоцентры, на путях ускоренной теоретической доработки и достойной практической реализации концепции опережающего оптимального устойчивого социопрогресса в духе интегрального духовно-материалистического, «постинформационно-высокодуховного» Возрождения и Преображения.

Библиографический список

Виноградов А.В. Китайская модель модернизации. Поиски новой идентичности. 2-е изд., испр. и доп. М.: НОФМО, 2008. 368 с.

Галенович Ю.М. Войны Нового Китая и его дипломатическая служба. М.: Вост. книга, 2012. 314 с.

Меркулов К.К. Новый взгляд на «китайскую модель»: уроки для России, Союзного государства, мира // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. 2022. № 5. С. 42—61. DOI: <https://doi.org/10.38050/01300105202253>.

References

Vinogradov, A.V. (2008). Kitajskaya model' modernizacii. Poiski novoj identichnosti [The Chinese modernization model. In search of the new identity]. 2nd ed. — Moscow: NOFMO: 368 p. (In Russian).

Galenovich, Yu.M. (2012). Voyny Novogo Kitaya i yego diplomaticheskaya sluzhba [The wars of the New China and its diplomatic service], Moscow: Vost. kniga PH: 314 p. (In Russian).

Merkulov, K.K. (2022). Novyj vzglyad na «kitajskuyu model'»: uroki dlya Rossii, Soyuznogo gosudarstva, mira [A new look at “the Chinese model”: lessons for Russia, the Union state and the world], *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 6. Ekonomika*:5:42—61. DOI: <https://doi.org/10.38050/01300105202253>. (In Russian).

* * *

Charting China's Future: domestic and international challenges / ed. by David Shambaugh. London and New-York: *Routledge Taylor & Francis Group*, XVIII (2011): 190 p.

Clifford, Paul G. (2021). The China Paradox: At the Front Line of Economic Transformation, Berlin, Boston, *De Gruyter*. 2nd edition. URL: <https://doi.org/10.1515/9783110724233> (accessed: 9 February, 2022).

Lin Chun (2021). Revolution and Counterrevolution in China. *First published by Verso 2021 — versobooks.com* — L., NY. URL: https://books.google.ru/books?id=dMxAEAAAQBAJ&printsec=frontcover&dq=100th+anniversary+of+the+chinese+communist+party&hl=ru&sa=X&redir_esc=y#v=onepage&q&f=false (accessed: 10 February 2022).

Ryuhō Okawa (2021). The Xi Jinping Thought Now. Tokyo: *IRH PRESS*: 214 p. URL: https://books.google.ru/books?id=x1FozgEACAAJ&dq=100th+anniversary+of+the+chinese+communist+party&hl=ru&sa=X&redir_esc=y (accessed: 9 February, 2022).

Shambaugh, David (2016). China's Future. *Cambridge, UK, Malden, MA: Polity Press*: 224 p.

С.Л. Сазонов, Ван Цзинвэй

СОТРУДНИЧЕСТВО КИТАЯ И ПАКИСТАНА В ОБЛАСТИ РАЗВИТИЯ ИНФРАСТРУКТУРЫ И ЭНЕРГЕТИКИ

Аннотация. В статье рассматриваются основные аспекты китайско-пакистанского сотрудничества в области инфраструктурного строительства и энергетики, реализуемые в рамках Инициативы «Пояс и путь». В статье отмечается, что реализация важнейших инфраструктурных проектов в Пакистане в рамках развития Китайско-пакистанского экономического коридора обеспечит превращение Пакистана в ключевого участника транзитной торговли, что повлечет за собой увеличение объема ВВП страны за счет транзитных платежей и создание новых рабочих мест. А транзит китайских товаров по континентальной и морской транспортной инфраструктуре КПЭК увеличит объемы экспорта из западных провинций Китая, обеспечит сокращение времени транспортировки и снижение стоимости логистики.

Также в статье показана роль китайских энергетических компаний в деле строительства гидроэлектростанций и атомных станций, играющих первостепенную роль в решении энергетических проблем Пакистана, испытывающего нехватку электроэнергии. Авторы заключают, что реализация энергетических проектов в рамках КПЭК способствует существенному сокращению дефицита энергии в Пакистане, обеспечивая поступление в энергосистему страны значительных добавочных объемов энергии. Развитие энергетических проектов при содействии КНР облегчает Пакистану достижение его амбициоз-

ной цели по увеличению доли возобновляемых источников энергии в структуре энергопотребления страны.

Ключевые слова: Китай, Пакистан, экономический коридор, инфраструктура, железная дорога, энергетика, гидроэлектростанции, атомные станции.

Авторы: *Сазонов Сергей Леонидович*, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, Институт Китая и современной Азии РАН (адрес: 117997, Москва, Нахимовский просп., 32). ORCID 0000-0002-8889-7072; E-mail: sazonovch@mail.ru;

Ван Цзинвэй, аспирант, Институт Китая и современной Азии РАН (адрес: 117997, Москва, Нахимовский просп., 32). E-mail: wjw07@yandex.ru

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации в Институте Китая и современной Азии РАН.

S. L. Sazonov, Wang Jingwei

China-Pakistan cooperation in infrastructure and energy development

Abstract. The article discusses the main aspects of China-Pakistan cooperation in the field of infrastructure construction and energy, implemented within the framework of the Belt and Road initiative. The article notes that the implementation of major infrastructure projects in Pakistan within the framework of the development of the China-Pakistan Economic Corridor will ensure the transformation of Pakistan into a key participant in transit trade, which will entail an increase in the country's GDP due to transit payments and the creation of new jobs. The transit of Chinese goods through the continental and maritime transport infrastructure of the KPEC will increase export volumes from the western provinces of China and ensure a reduction in transportation time and a reduction in logistics costs.

The article also shows the role of Chinese energy companies in the construction of hydroelectric power plants and nuclear power plants, which play a primary role in solving the energy problems of Pakistan, which is experiencing a shortage of electricity. The authors conclude that the implementation of energy projects within the framework of CPEC makes a serious contribution to reducing Pakistan's energy deficit by providing a significant amount of additional energy to the country's energy system. The development of energy projects with the assistance of PRC makes it easier for Pakistan to achieve the ambitious goal of increasing the share of renewable energy in the country's energy mix.

Keywords: China, Pakistan, economic corridor, infrastructure, railway, energy, hydroelectric power plants, nuclear power plants.

Authors: Sergey L. SAZONOV, Ph.D. (Economics), Leading Research Fellow, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences (address: 32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117997, Russian Federation). ORCID 0000-0002-8889-7072.

E-mail: sazonovch@mail.ru

WANG Jingwei (China), Postgraduate student, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences (address: 32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117997, Russian Federation).

E-mail: wjw07@yandex.ru

Conflict of interests: The authors declare the absence of the conflict of interests.

Support. The article was prepared at the Institute of China and Contemporary Asia of the RAS within the framework of the State assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation.

Весной 2015 г., во время государственного визита в Пакистан — первого своего визита в эту страну, Председатель КНР Си Цзиньпин выступил в пакистанском парламенте с речью «Построение китайско-пакистанского сообщества с общим будущим для обеспечения более тесного взаимовыгодного сотрудничества», в котором особо подчеркнул роль китайско-пакистанского взаимодействия в области инфраструктурного строительства и энергетики¹.

В ноябре 2022 г. председатель КНР провел встречу с премьер-министром Пакистана М.Ш. Шарифом, на которой стороны обсудили ряд проектов Китайско-пакистанского экономического коридора (КПЭК) в рамках Инициативы «Пояс и путь» (ИПП), включая проект высокоскоростной железной дороги (ВСЖД), соединяющей крупнейший город Пакистана Карачи с Пешаваром, строительство кольцевой железной дороги в Карачи (KCR) и вспомогательной инфраструктуры в порту Гвадар².

В Пакистане при содействии китайских строительных компаний ведется работа по прокладке железной дороги *Mainline-1 (ML-1)* с объемом финансирования в 7,5 млрд долл. Проект предусматривает реконструкцию имеющегося полотна и строительство второго пути

¹ Приводится по: Mo Jingxi. World sees benefits of key concept. URL: <http://www.chinadaily.com.cn/a/202303/25/WS641de65ba31057c47ebb6721.html> (accessed: 26.03.2023).

² CPEC moves to second phase of high-level development, with focus on capacity, tech cooperation. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202211/1278640.shtml> (accessed: 13.11.2022).

железнодорожной линии протяженностью 1872 км по маршруту Карачи—Пешавар¹.

Первый этап проекта (2021—2024 гг.) предусматривает строительство 527 км железнодорожного пути между городами Пешавар, Равалпинди и Лахор². На втором этапе (2022—2026 гг.) будут реконструированы 521 км пути между Лахором и Хайдарабадом, а в рамках третьего этапа — осуществлена модернизация 740 км пути на железнодорожных участках Равалпинди—Пешавар и Хайдарабад—Мултан³. С введением железной дороги в эксплуатацию максимальная скорость движения пассажирских составов увеличится с 70 до 160 км/ч, а грузовых поездов — с 80 до 120 км/ч⁴.

Новая магистраль *ML-1*, проходящая по маршруту Карачи—Пешавар и являющаяся основным участком КПЭК и составной частью маршрута «Пояс и путь» и Экономического коридора «Китай—Центральная Азия—Западная Азия» (*CCWAEC*), будет стимулировать развитие железнодорожного сообщения между Китаем и Пакистаном через погранпереход в СУАР, а также Иран и Турцию⁵.

Транснациональная железная дорога между четырьмя странами протяженностью 6540 км (протяженность участка в Пакистане составляет 1,99 тыс. км, Иране — 2,6 тыс. км и Турции — 1,95 тыс. км) позволит обеспечивать перевозку грузов из Исламабада в Стамбул за 10 дней, что гораздо быстрее прохождения грузов по морскому маршруту между Пакистаном и Турцией, который занимает 22 дня⁶.

В период 2022—2023 гг. КПЭК вступил в свою вторую фазу развития (*CPEC Phase-II*), на которой особое внимание будет уделено модернизации транспортной и энергетической инфраструктуры, научно-техническому сотрудничеству, созданию зон высоких информационных технологий и развитию китайско-пакистанских специальных экономических зон. В прошлом Пакистан остро нуждался в

¹ Yin Yeping. China, Pakistan to expand cooperation in key fields: envoy. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202210/1278298.shtml?id=11> (accessed: 11.10.2022).

² Deng Zijun. China-Pakistan Iron Brotherhood. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202211/1278511.shtml?id=11> (accessed: 17.11.2022).

³ Railway project under CPEC to boost Pakistan's exports. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202212/1211301.shtml?id=11> (accessed: 03.12.2022).

⁴ CPEC moves to second phase of high-level development, with focus on capacity, tech cooperation. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202211/1278640.shtml> (accessed: 28.11.2022).

⁵ Gwadar to act as business hub of Pakistan: traders. URL: <http://en.people.cn/n3/2023/0129/c90000-10200411.html> (accessed: 29.01.2023).

⁶ China's path to excellence opportunities for Pakistan. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202201/1246010.shtml?id=11> (accessed: 25.01.2022).

восстановлении и строительстве новой инфраструктуры, а успешное завершение многочисленных проектов по развитию инфраструктуры в стране привело к укреплению региональной транспортной связности.

Китайские и пакистанские ученые утверждают, что, в случае успешной реализации *CPEC Phase-II* к 2030 г. объем ВВП Пакистана увеличится на 6,43 %, а рост инвестиций в развитие инфраструктуры страны позволит увеличить объем внешней торговли на 9,8 % и создать 4 млн новых рабочих мест. Выполнение намеченных планов *CPEC Phase-II* обеспечит превращение Пакистана в ключевого участника транзитной торговли, причем континентальная и морская транспортная инфраструктура КПЭК приведет к увеличению объемов экспорта из западных провинций Китая и обеспечит сокращение времени транспортировки и снижение стоимости логистики. Согласно оценкам пакистанских экспертов, это поможет сократить время в пути на 20 дней для Омана, Саудовской Аравии (21 день), Кувейта (24 дня), Нидерландов и Германии (2 дня), Франции и Китая (21 день). При расчете стоимости транзитных грузов на 1 контейнер экономия может составить 1857 долл. для Омана, 1457 долл. для Саудовской Аравии, 1457 долл. для Кувейта, 1357 долл. для Нидерландов, 1357 для Германии и 1357 для Франции и Китая, причем от использования маршрутов КПЭК при транспортировке транзитных грузов Китай может получить выгоду в размере 70 млрд долл., а Пакистан, будучи ключевой транзитной страной, также может получить преимущества в виде транзитных сборов и тарифов на услуги¹.

В декабре 2020 г. в Пакистане была введена в эксплуатацию проходящая с севера на юг страны автомагистраль *M5* Суккур—Мултан (Мултан—Джалалпур Пирвала — Восточный Ахмедпур—Рахимьяр Хан—Садикабад—Убауро—Пано Акил—Суккур) протяженностью 392 км, построенная с помощью китайской компании *China State Construction*. Шестиполосная автомобильная магистраль Суккур—Мултан (проект *PKM*) с общим объемом инвестиций около 3 млрд долл. рассчитана на скорость движения до 120 км/час и является частью автомагистрали Пешавар—Карачи². Китайские государственные банки обеспечили 95 % инвестиций, причем финансирование осуще-

¹ M. Khan. CPEC Phase-II crucial to boost Pakistan's development. URL: <https://www.chinadaily.com.cn/a/202207/26/WS62df43d4a310fd2b29e6e5b8.html> (accessed: 21.07.2022).

² Yin Yeping. China, Pakistan to expand cooperation in key fields: envoy. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202210/1278298.shtml?id=11> (accessed: 28.10.2022).

ствлялось за счет предоставления льготных займов с низкой процентной ставкой до 1,6 %¹.

Во время прокладки магистрали было создано около 45 тыс. новых рабочих мест, а после введения дороги в эксплуатацию управление автомагистралью было передано пакистанской стороне². Согласно заявлению руководства *China State Construction*, с момента ввода в эксплуатацию в декабре 2020 г. и до начала 2023 г. по автомагистрали Суккур—Мултан проследовало более 10 млн автомобилей, причем новое скоростное шоссе сократило время поездки между двумя городами с 11 до 4 часов³.

* * *

По сообщениям пакистанских СМИ, спрос на электроэнергию в Пакистане составляет около 26 тыс. МВт, а предложение — всего около 19,5 МВт. В Карачи, крупнейшем городе Пакистана, жители некоторых районов могут сталкиваться с перебоями в подаче электроэнергии в течение 8—10 часов ежедневно, а в некоторых сельских районах этот показатель может достигать 16 часов в день.

Китайская корпорация *China Energy Engineering Corp (Energy China)*, одна из крупнейших китайских строительных и инженеринговых компаний, специализирующаяся на строительстве электростанций и производстве оборудования к ним, обеспечивает сооружение и модернизацию системы электроснабжения в Пакистане, а к началу 2023 г. китайская компания *PowerChina* завершила строительство 22 ветроэлектростанций в Пакистане с общей установленной мощностью 1,14 млн кВт и долей рынка 60 %⁴.

На первом этапе строительства Китайско-пакистанского экономического коридора (КПЭК) Китай оказал неоценимую помощь Пакистану в деле создания энергетической инфраструктуры. Одна из ведущих строительных компаний Китая, основанная в 1978 г. и специализирующаяся на реализации зарубежных энергетических проектов

¹ Yang Han, Wen Zongduo. Belt and Road reaches out to the world. URL: http://www.chinadaily.com.cn/a/201909/30/WS5d9160e4a310cf3e3556e4a0_6.html (accessed: 04.12.2019).

² China's handover of Sukkur-Multan Motorway to Pakistan epitomizes progress of building CPEC despite pandemic: FM. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202012/1210711.shtml?id=11> (accessed: 15.12.2020).

³ CPEC moves to second phase of high-level development, with focus on capacity, tech cooperation. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202211/1278640.shtml> (accessed: 24.11.2022).

⁴ Coal-fired power plant under CPEC in Pakistan starts operation. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202302/1284986.shtml> (accessed: 11.02.2023).

China Machinery Engineering Corporation (CMEC) за последние 40 лет внесла значительный вклад в укрепление китайско-пакистанского сотрудничества в области развития энергетики Пакистана, участвуя в таких крупных национальных проектах, как строительство тепловых электростанций (ТЭС) и гидроэлектростанций (ГЭС). Одним из примеров является тепловая электростанция Гудду (*Guddu Thermal Power Plant*), первый международный совместный энергетический проект Китая и Пакистана, финансируемый Экспортно-импортным банком Китая. В 1983 г. компания поставила 4-й энергоблок станции, работающий на топливе, мощностью 210 МВт.

Строительство ТЭС Гудду, расположенной в провинции Синд на юго-востоке Пакистана, началось в феврале 1983 г., а через три года ТЭС, оборудованная четырьмя турбогенераторами и четырьмя парогазовыми турбинами общей мощностью 1040 МВт была пущена в эксплуатацию¹. Построенная компанией *CMEC* в 2011 г. ГЭС комбинированного цикла *Saif* стала первой в мире электростанция с двухтопливной газотурбинной установкой 6FA².

Другие проекты в области развития энергетики Пакистана, построенные китайской компанией *CMEC*, включают ТЭС Джамшоро (*Jamshoro power plant*), построенную в 1991 г., ТЭС Музаффарабад (*Muzaffargarh power plant*) общей мощностью 320 МВт, запущенную в эксплуатацию в 1995 г., и ГЭС Гази-Барота (*Ghazi-Barotha hydropower plant*), построенную в 2002 г.³

Компания также построила крупнейшую в стране ГЭС Нилум-Джелум (*Neelum-Jhelum Hydropower Plant*), которую в Пакистане называют «пакистанской плотиной Трех ущелий» (*Three Gorges Dam of Pakistan*). Строительство плотины высотой 60 м и длиной 125 м, а также электростанции общей мощностью 1040 МВт, расположенной в 42 км к югу от города Музаффарабад, началось в 2008 г., а весь проект был завершен в августе 2018 г.

Ежегодно ГЭС Нилум-Джелум производит 5,2 тыс. ГВт-ч электроэнергии, причем подземные сооружения и уравнильный резервуар ГЭС являются крупнейшими в Азии⁴.

¹ Zhao Shijun. Chinese group powers ahead as world leader in engineering projects. URL: http://www.chinadaily.com.cn/cndy/2018-01/30/content_35607705.htm (accessed: 19.02.2018).

² Khalid Rahman. Out to consolidate an all-weather friendship indeed. URL: http://www.chinadaily.com.cn/cndy/2013-05/22/content_16518177.htm (accessed: 06.04.2021).

³ CSCEC boosts connectivity with building infrastructure in Pakistan. URL: <https://www.chinadaily.com.cn/a/202211/02/WS6361cf9ca310fd2b29e7fd58.html> (accessed: 03.11.2022).

⁴ CMEC fosters partnerships with Pakistan. URL: http://europe.chinadaily.com.cn/epaper/2013-05/31/content_16550590.htm (accessed: 12.08.2022).

Другие энергетические проекты, которые уже завершены китайскими компаниями, включают следующие объекты: ТЭС *Sahiwal Thermal Power Plant* (мощностью 1320 МВт в г. Сахивал (Пенджаб), ТЭС Порт Касим (*Port Qasim Coal-fired Power Plant* (Карачи), ТЭС Хабе (Белуджистан), ТЭС *Engro Thar* мощностью 660 МВт; ТЭС К-Electric *Bin Qasim (BQPS)*, ТЭС *Thar Coal Block-I*, а также фотоэлектрическая электростанция Каид-и-Азам (*Quaid-e-Azam Solar Park*) в городе Бахавалпур (Пенджаб) мощностью 1 тыс. МВт (проект мощностью 400 МВт завершен, а проект мощностью 600 МВт находится в стадии реализации), крупнейшая в мире солнечная электростанция, завершен проект линии электропередачи постоянного тока высокого напряжения протяженностью 878 км от г. Матияри (пров. Синд).

ТЭС в пакистанском порту Касим (*Port Qasim Coal-fired Power Plant/PQEPP*), принадлежащая пакистанской государственной компании *Port Qasim Electric Power Co (Pvt) Ltd (PQEPC)*, была построена китайской компанией *Power Construction Corp (PowerChina)* при помощи китайских инвестиций и введена в эксплуатацию в апреле 2018 г.

Несмотря на ограничения, связанные с пандемией COVID-19, в 2021 г. объем выработки электроэнергии ТЭС *Port Qasim Coal-fired Power Plant* составил рекордные 9 млрд кВт-ч, а с момента запуска в 2018 г. общий объем выработанной электроэнергии превысил 34,4 млрд кВт-ч, причем объем ежегодного производства электроэнергии составляет около 8 % от общего объема производства электроэнергии государственной энергосистемой Пакистана¹.

К началу 2022 г. компания *Port Qasim Electric Power Co (Pvt) Ltd* перечислила в бюджет Пакистана почти 400 млн долл. налогов и рассчитывает ежегодно выплачивать налоги в размере почти 70 млн долл. Проект является одной из крупнейших зарубежных инвестиций *PowerChina* и входит в первую группу проектов по производству электроэнергии, введенных в эксплуатацию в рамках Китайско-пакистанского экономического коридора. *Port Qasim Coal-fired Power Plant* состоит из двух современных угольных генераторов, которые соответствуют стандартам и нормативам Всемирного банка по охране окружающей среды, причем с целью сокращения потребления пресной воды в производстве, на станции используется опресненная морская вода².

¹ Yang Han, Wen Zongduo. Belt and road reaches out to the world. URL: http://www.chinadaily.com.cn/cndy/2019-09/30/content_37513210.htm (accessed: 18.10.2019).

² Yuan Shenggao. PQEPC benefits Pakistani economy and sustainable development. URL: <https://epaper.chinadaily.com.cn/a/202202/08/WS62019699a3109375516e9992.html> (accessed: 09.02.2022).

В начале февраля 2023 г. в пустыне Тар в провинции Синд (юг Пакистана) была введена в коммерческую эксплуатацию ТЭС *Thar Coal Block-I* общей установленной мощностью 1320 МВт.¹

Строительство станции началось в 2019 г., и это стало первым крупномасштабным зарубежным проектом по производству тепловой энергии, спроектированным и выполненным китайской компанией *Shanghai Electric Group*². Руководитель компании Мэн Дунхай отметил, что «электростанция будет ежегодно поставлять около 9 млрд кВт-ч электроэнергии в пакистанскую национальную сеть, что позволит удовлетворить потребности почти 4 млн домохозяйств, причем проект снизит стоимость электроэнергии и смягчит кризис, связанный с импортом энергии, одновременно укрепив энергетическую безопасность Пакистана»³. Проект тепловой электростанции *Thar Coal Block-I*, реализованный в рамках КПЭК, включает в себя угольный карьер с годовой добычей 7,8 млн т лигнита (разновидность бурого угля) и угольную электростанцию с двумя отдельными тепловыми энергоблоками со сверхкритическими параметрами пара мощностью 660 МВт.⁴

В декабре 2022 г. были введены в коммерческую эксплуатацию Каротская гидроэлектростанция (*Karot hydropower project*) на реке Джелум (*Jhelum River*) в восточной пакистанской провинции Пенджаб мощностью 720 МВт, первый гидроэнергетический проект в рамках КПЭК, вторая фаза электростанции *Thar Block II*, парогазовая электростанция (электростанция с комбинированным циклом/ПГЭС) *Jhang (Power Plant Jhang)*, что позволило обеспечить Пакистан чистой и дешевой электроэнергией⁵.

Китай является одной из немногих стран мира, освоивших четвертое поколение технологий ядерной энергетики, и к марту 2023 г. КНР экспортировала на международный рынок 15 атомных энерго-

¹ Xie Wenting. CPEC being carried out in phases without slowing down: special assistant to Pakistani PM. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202304/1289436.shtml> (accessed: 14.04.2023).

² CPEC provides connectivity and power needed for industrialization: Coordinator to Pakistani PM. URL: http://www.china.org.cn/business/2023-02/10/content_85099624.htm (accessed: 06.03.2023).

³ Pakistani PM inaugurates coal power plant under CPEC. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202303/1287903.shtml?id=11> (accessed: 17.03.2023).

⁴ Coal-fired power plant under CPEC in Pakistan starts operation. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202302/1284986.shtml> (accessed: 27.02.2023).

⁵ CPEC provides connectivity and power needed for industrialization: Coordinator to Pakistani PM. URL: http://www.china.org.cn/business/2023-02/10/content_85099624.htm (accessed: 11.02.2023).

блоков и исследовательских установок, в том числе шесть атомных энергоблоков в Пакистан¹. Одними из последних стал блок К-3 АЭС Карачи в Пакистане (в котором используется китайский ядерный реактор *Hualong One*), он был в пробном режиме подключен к сети 4 марта 2022 г.² Второй блок атомной станции *К-2 Hualong-Karachi*, разработанный в Китае, в мае 2021 г. был официально введен в коммерческую эксплуатацию в Карачи, став первым китайским усовершенствованным ядерным генератором третьего поколения, установленным за рубежом. Строительство атомной электростанции в Карачи дало ощутимый импульс развитию местной экономики³.

В результате реализации проекта напрямую было создано более 10 тыс. рабочих мест, а еще 40 тыс. рабочих мест были созданы в сопредельных отраслях промышленности Пакистана⁴. 3 февраля 2023 г. в Пакистане состоялся официальный ввод в эксплуатацию атомного энергоблока *К-3 Hualong* мощностью 1,1 тыс. МВт АЭС «Карачи» в провинции Синд, что ознаменовало собой первую передачу Китаем собственной ядерной энергетической технологии третьего поколения иностранному государству.

Построенные Китайской национальной ядерной корпорацией (*China National Nuclear Corporation/CNNC*) атомные энергоблоки К-2 и К-3 *Hualong* в портовом городе Карачи позволили создать крупнейшую атомную электростанцию в Пакистане⁵. К февралю 2023 г. объем накопленной электроэнергии, выработанной АЭС, достиг почти 20 млрд кВт-ч, что обеспечивает снабжение электроэнергией 2 млн местных жителей⁶. Ежегодный объем, вырабатываемой блоками К-2

¹ Zheng Xin. Nation's reactor technology making headway in overseas market. URL: <http://www.chinadaily.com.cn/a/202303/10/WS640a7f5ba31057c47ebb3722.html> (accessed: 14.03.2023).

² Cooperation on BRI infrastructure, high-tech and nuclear energy take center stage amid two sessions. Cooperation on infrastructure, high-tech and nuclear energy take center stage. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202203/1254529.shtml> (accessed: 18.03.2022).

³ Zheng Xin. Nuclear plant delivery in Pakistan signals bright future for Hualong One. URL: <http://www.chinadaily.com.cn/a/202302/04/WS63dd9271a31057c47ebacdca.html> (accessed: 05.02.2023).

⁴ Zheng Xin. China's third-generation nuclear power technology delivery to foreign country successful. URL: <http://www.chinadaily.com.cn/a/202302/03/WS63dca3b2a31057c47ebacc73.html> (accessed: 10.02.2023).

⁵ Pakistan power project using China's Hualong One connected to grid. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202203/1253974.shtml> (accessed: 28.03.2022).

⁶ Zheng Xin. Nuclear plant delivery in Pakistan signals bright future for Hualong One. URL: <http://www.chinadaily.com.cn/a/202302/04/WS63dd9271a31057c47ebacdca.html> (accessed: 07.02.2023).

и К-3, эквивалентен мощности, вырабатываемой при сжигании 6,24 млн т угля. Это позволило сократить объемы выбросов CO₂ на 16,32 млн т, оптимизировав энергетическую структуру Пакистана и минимизировав загрязнение воздушной среды¹. Кроме того, за весь период строительства блоков К-2 и К-3 было создано более 60 тыс. новых рабочих мест для местного населения, а также подписано множество контрактов с местными строительными компаниями. С момента начала китайско-пакистанского сотрудничества в области ядерной энергетики в 1991 г. с помощью китайских компаний были сооружены две атомные электростанции с шестью атомными энергоблоками².

Согласно заявлению руководства китайской государственной энергетической строительной компании *PowerChina*, «проект строительства КПЭК предусматривает развитие экологически чистой ветроэнергетики в Пакистане, привлекающей китайских инвесторов». К началу 2023 г. компания *PowerChina* завершила строительство 22 ветряных электростанций в Пакистане с общей установленной мощностью 1,14 млн кВт и долей рынка в 60 %³.

Во время сооружения ветряных электростанций в Пакистане компания *PowerChina* построила 22 трансформаторные подстанции на 110 и 132 кВ, завершила установку и обеспечила ввод в эксплуатацию 583 ветряных турбин, проложила почти 300 км кабелей среднего напряжения. Построенные китайской компанией 22 ветряные электростанции ежегодно будут вырабатывать более 2 млрд кВт·ч «зеленой» энергии для энергосистемы Пакистана, обеспечивая сокращение объема выбросов углекислого газа примерно на 2 млн т⁴.

В отчете китайской инвестиционной холдинговой компании *China Three Gorges South Asia Investment Ltd (CSAIL)*, опубликованном в конце 2022 г., отмечается, что к 2030 г. Китай планирует завершить еще по меньшей мере 63 проекта в рамках КПЭК с инвестициями в

¹ Zheng Xin. China's third-generation nuclear power technology delivery to foreign country successful. URL: <http://www.chinadaily.com.cn/a/202302/03/WS63dca3b2a31057c47ebacc73.html> (accessed: 15.02.2023).

² China completes export of Hualong No.1 nuclear power project to Pakistan. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202302/1284749.shtml> (accessed: 25.02.2023).

³ CPEC moves to second phase of high-level development, with focus on capacity, tech cooperation. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202211/1278640.shtml> (accessed: 19.11.2022).

⁴ PowerChina Wind power clusters have generated 1888.29 GWh in Jhimpir, Pakistan. URL: http://www.bjreview.com/Latest_Headlines/202302/t20230202_800319857.html (accessed: 11.02.2023).

объеме 35,2 млрд долл.¹, включая гидро- и ветроэлектростанции, разрабатываемые в рамках программы *CPEC Framework*: ГЭС Кохала (*Kohala hydropower project/HPP*) мощностью 1124 МВт, ГЭС Махл (*Mahl HPP*) мощностью 640 МВт и ветроэлектростанцию *MBT TGF* мощностью 49,5 МВт². По словам председателя Национального комитета по вопросам электроэнергетики (*National Electric Power Regulatory Authority/NEPRA*) Т.Х. Фаруки, благодаря помощи китайских специалистов общая установленная мощность энергетических проектов КПЭК, включая угольную, ветровую, солнечную и гидроэнергетику, в 2022 г. достигла 6570 МВт, причем в периоды 2020—2021 гг. и 2021—2022 гг. проекты обеспечили выработку электроэнергии в объеме 28549,94 ГВт·ч и 25772,48 ГВт·ч соответственно. Это составило 22,03 % и 18,37 % от общего объема производства электроэнергии в Пакистане³.

В среднем энергетические проекты КПЭК ежегодно добавляли 20 % к общей мощности национальной энергосистемы, что позволило ликвидировать случаи отключения и ослабить нагрузку на электросеть внутри страны, стимулировать развитие экспортно ориентированных отраслей промышленности Пакистана⁴. Что касается стоимости производства электроэнергии, то в октябре 2021 г. энергетические проекты КПЭК, использующие импортный уголь, производили электроэнергию по цене 8,0 рупий за кВт·ч, в то время как стоимость производства электроэнергии пакистанских проектов составляла 21,5 рупий/кВт·ч, что в два раза дороже чем проекты КПЭК. В 2022 г. стоимость производства электроэнергии выросла вследствие резкого роста цен на топливо на международном рынке. Тем не менее, энергетические проекты КПЭК по-прежнему обеспечивали конкурентоспособные ставки: в конце 2022 г. себестоимость производства электроэнергии по проектам КПЭК на импортном угле составляла 18,5 рупий/кВт·ч, а по отечественным проектам — 34,0 рупий/кВт·ч.

Что касается тарифов на электроэнергию, то тарифы, установленные по проектам КПЭК, основанным на использовании угля,

¹ Connections with Arab region gathering pace. URL: <https://www.chinadaily.com.cn/a/202301/03/WS63b38dc4a31057c47eba7636.html> (accessed: 06.01.2023).

² CSAIL Projects. URL: <https://www.ctgsail.com/> (accessed: 26.12.2022).

³ Chinese companies strive to help alleviate Pakistan's power shortages. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202302/1268900.shtml> (accessed: 24.02.2023).

⁴ China 'willing to work with Pakistan' to accelerate energy development under CPEC. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202212/1280907.shtml?id=11> (accessed: 21.12.2022).

в среднем составляют 22,13 рупий за кВт·ч, а по проектам, не относящимся к КПЭК, основанным на использовании нефти, они достигали 36,61 рупий за кВт·ч, что свидетельствовало о доступности электроэнергии от проектов КПЭК для миллионов пакистанских домохозяйств¹.

Реализация энергетических проектов в рамках КПЭК способствовала значительному сокращению дефицита энергии и обеспечила поступление в энергосистему страны добавочных 6369 МВт электроэнергии в рамках уже реализованных 11 энергетических проектов и 10 завершаемых². По заявлению руководства китайской компании *PowerChina*, «развитие энергетических проектов в рамках КПЭК обеспечивает Пакистану достижение его амбициозной цели по увеличению доли возобновляемых источников энергии в производстве электроэнергии с нынешних 4 % до 30 % к 2030 г.»³.

Библиографический список

Сазонов С.Л. КНР: инфраструктура транспорта, инновации, проект «Пояса и пути». М.: ИДВ РАН, 2022. 408 с. DOI 10.48647/IFES.2022.99.42.002

Сазонов С.Л. Транспорт КНР: место и роль в развитии региональной экономики. М.: ИДВ РАН, 2018. 344 с.

Фролова И.Ю. Взаимодействие в рамках четырехстороннего механизма по сотрудничеству и координации с участием Китая, Афганистана, Пакистана и Таджикистана // Проблемы национальной стратегии. 2020. № 1 (58). С. 37—48.

References

Frolova, I. (2020). Vzaimodejstvie v ramkah chetirehstoronnego mehanizma po sotrudnichestvu i koordinatsii s uchastiem Kitaya, Afganistana, Pakistana i Tadzhikestana [Interaction in the framework of the four-party mechanism of cooperation and coordination including China, Afghanistan, Pakistan and Tajikistan], *Problemi natsionalnoj strategii [Problems of National Strategy]*: 1: 37—48. (In Russian).

¹ Zhao Xiaopeng. CPEC energy projects offer low-cost electricity for Pakistan: NEPRA Chairman. URL: <https://www.chinadaily.com.cn/a/202211/30/WS6386ab2ea31057c47eba1ccf.html> (accessed: 12.11.2022).

² Farhan Ahmad, Muhammad Zamir Assadi. China opening set to boost global growth. URL: <https://www.chinadaily.com.cn/a/202302/13/WS63e99325a31057c47ebae629.html> (accessed: 27.02.2023).

³ Companies play major role in boosting sustainable development in Belt, Road. URL: <https://global.chinadaily.com.cn/a/202101/13/WS5ffe5406a31024ad0baa23ce.html> (accessed: 14.01.2021).

Sazonov, S. (2022). KNR: infrastruktura transporta, innovatsii, proekt «Poyasa i puti» [The PRC: transport infrastructure, innovation, Belt and Road project], *Moscow: Institut Dalnego Vostoka RAN [Institute of Far Eastern Studies RAS]*: 408 p. (In Russian). DOI 10.48647/IFES.2022.99.42.002

Sazonov, S. (2022). Transport KNR: mesto i rol v razvitii regionalnoj ekonomiki [Transport of the PRC: place and role in the development of the regional economy], *Moscow: Institut Dalnego Vostoka RAN [Institute of Far Eastern Studies RAS]*: 344 p. (In Russian).

* * *

Zhang Yunling (2015). One Belt, One Road: A Chinese View, *Global Asia*: 10: 43—49.

М.В. Александрова

ТОРГОВОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО ПРОВИНЦИИ ХЭЙЛУНЦЗЯН С РОССИЕЙ И РОЛЬ В НЕМ КРУПНЕЙШИХ ПОГРАНПЕРЕХОДОВ

Аннотация. Китай и Россия имеют долгую историю приграничной торговли, и провинция Хэйлунцзян является ключевым «игроком» в китайско-российской коммерции благодаря своему экономико-географическому положению. Несмотря на удачную локацию, доля Хэйлунцзяна в торговле с Российской Федерацией в общем двустороннем товарообороте за последнее 10-летие снижается. Для провинции характерно отрицательное сальдо торгового баланса с Россией. Но на Хэйлунцзян возложена задача по углублению сотрудничества с РФ, чему способствует наличие 15 переходов на китайско-российской границе.

В период коронавирусной пандемии (2020—2022 гг.) китайская сторона ввела свой особый вид упаковки на каждом из погранпереходов, о чем не были предупреждены ни экспортеры из РФ, ни покупатели в Китае. Несмотря на наличие большого количества погранпереходов на нашей границе, лишь три вносят существенный вклад в двустороннюю торговлю, и они являются для провинции Хэйлунцзян точками экономического роста.

2022 год ознаменовался открытием двух мостов между Россией и провинцией Хэйлунцзян: автомобильного Благовещенск—Хэйхэ и железнодорожного Нижнеленинское—Тунцзян, что долгое время замалчивалось китайскими СМИ. С одной стороны, власти Хэйлунцзяна постоянно подчеркивают необходимость наращивания торгово-экономического сотрудничества с Россией, а с другой — крайне

опасаются вторичных санкций со стороны Запада, если сотрудничество станет слишком заметным.

Ключевые слова: товарооборот, сальдо торговли, локдаун, Северо-Восток, погранпереход, мост, вторичные санкции.

Автор: *Александрова Мария Викторовна*, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра «Россия, Китай, мир», Институт Китая и современной Азии РАН (адрес: 117997, Москва, Нахимовский пр-т, 32). ORCID: 0000-0001-7257-5573.
E-mail: alexandrova@iccaras.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации в Институте Китая и современной Азии РАН.

M. V. Alexandrova

Trade cooperation between Heilongjiang province and Russia and the role of the largest border crossings

Abstract. China and Russia have a long history of cross-border trade, and Heilongjiang is a key actor in this process due to its economic-geographical location. Despite its favorable position, the share of Heilongjiang in trade with the Russian Federation in the total bilateral trade turnover has been declining over the past decade. The province's trade is characterized by a negative balance with the Russian Federation. Heilongjiang is tasked with deepening cooperation with Russia, which is facilitated by the presence of 15 border crossings.

During the Covid-19 period (2020—2022), the Chinese side introduced its own special type of packaging at each of the border crossings, about which neither exporters from the Russian Federation nor buyers in China were warned. 2022 was marked by the opening of two bridges between Russia and the province of Heilongjiang: the Blagoveshchensk-Heihe automobile bridge and the Nizhneleninskoye-Tongjiang railway bridge, what was hushed up by the Chinese media for a long time. On the one side, the Heilongjiang authorities constantly emphasize the need to increase trade and economic cooperation with Russia, and on the other, they are extremely afraid of secondary sanctions by the West if cooperation becomes too obvious.

Keywords: trade, trade balance, lockdown, North-East, border crossing, bridge, secondary sanctions.

Author: Maria V. ALEXANDROVA, Ph.D (Economics), Leading Research Fellow, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences (address: 32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117997,

Russian Federation). ORCID: 0000-0001-7257-5573.

E-mail: alexandrova@iccaras.ru

Conflict of interests. The author declares the absence of the conflict of interests.

Support. The article was prepared at the Institute of China and Contemporary Asia of the RAS within the framework of the State assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation.

Китай и Россия имеют многолетнюю историю трансграничной торговли, а провинция Хэйлунцзян является ключевым актором этого процесса в силу своего эконом-географического положения (ЭГП). Несмотря на удобное ЭГП, доля Хэйлунцзяна в торговле с РФ в суммарном двустороннем товарообороте в последнее 10-летие снижается, что связано с непростой экономической ситуацией в провинции Хэйлунцзян, а также всего Северо-Востока страны.

6-ой пленум ЦК КПК 19-го созыва (с 8 по 11 ноября 2021 г.) указал, что в период 14-й пятилетки Северо-Восточный регион (Дунбэй) должен добиться новых прорывов в деле активизации экономики, ускорить построение новой модели развития в рамках «двойной циркуляции», всесторонне оптимизировать производственную структуру и проделать значительную работу по стыковке и сотрудничеству связанных производственных цепочек, а также реализовать оптимизацию и модернизацию промышленной структуры. Для Дунбэя суть состоит в том, чтобы еще больше углубить производственные цепочки, цепочки поставок и цепочки создания стоимости с Россией.

Являясь важной торговой территорией, Хэйлунцзян должен в полной мере использовать преимущества своего местоположения во взаимодействии с РФ. В будущем Хэйлунцзянская зона свободной торговли должна укреплять производственное сотрудничество с Россией, создать новые возможности для торгово-экономического диалога и повышения международного разделения труда в провинции Хэйлунцзян [Xu Yongji; Chen Hong, 2023].

В продолжение темы улучшения положения провинции Хэйлунцзян в марте 2023 г. был обнародован «План строительства приграничных городов и поселков провинции Хэйлунцзян в характерном стиле» (黑龙江省边境城镇特色风貌建设规划). Проект, представленный 18 ведомствами региона, включая Управление жилищного строительства провинции Хэйлунцзян, планируется реализовать до 2035 г.

Данный проект ориентирован на «полную реализацию открытия приграничных регионов северным территориям», «стимулирование экологических ресурсов приграничной полосы и координацию с раз-

витиём городов и уездов», «выделение отличительных черт китайской традиционной культуры и специфики местных национальностей», «модернизацию городской и сельской среды», улучшение базовой инфраструктуры в приграничных регионах «ради чувства удовлетворения, счастья и гордости проживающего в приграничных регионах провинции Хэйлунцзян населения». Проект предполагает, что к 2025 г. в граничащих с РФ районах провинции будет завершено строительство «пояса производственных мощностей для сотрудничества с Россией и странами Северо-Восточной Азии», «туристического ландшафтного пояса», «пояса специфики приграничных городов», «пояса специфики китайско-российской культуры» и «пояса стабильности, процветания и безопасности». К 2035 г. будет завершена реализация «комплексного пояса гармонии, зеленой безопасности, красоты и жизненной силы, богатства и конкурентоспособности, а также устойчивого развития приграничных регионов»¹.

Подобные усилия провинции неслучайны: в последние 6—7 лет доля Хэйлунцзяна в суммарной российско-китайской торговле постоянно снижалась, о чем наглядно свидетельствуют данные табл. 1.

*Таблица 1. Доля Хэйлунцзяна в суммарном российско-китайском товарообороте**

Год	Доля Хэйлунцзяна в суммарном российско-китайском товарообороте (%)
2008	19,4
2009	14,4
2010	13,5
2011	24,0
2012	24,2
2013	25,1
2014	24,4
2015	16,0
2016	13,2
2017	13,0

¹ Провинция Хэйлунцзян обнародовала план модернизации приграничных с РФ территорий до 2035 г. URL: <https://biang.ru/ru/politics/provincziya-xejlunczyan-obnarodovala-plan-modernizaczii-prigranichnyix-s-rf-territorij-do-2035-goda.html> (дата обращения: 24.04.2023).

Окончание табл. 1

Год	Доля Хэйлунцзяна в суммарном российско-китайском товарообороте (%)
2018	17,2
2019	16,6
2020	13,0
2021	13,8
2022	14,5

* Рассчитано на основе: Чжунго тунцзи няньцзянь (Статистический ежегодник Китая) за 2009—2022 гг., Хэйлунцзян шану няньцзянь. 2009—2022 гг. (Статистический ежегодник торговли Хэйлунцзяна. 2009—2022).

Снижение доли Хэйлунцзяна в суммарной торговле — объективный фактор, который связан с рядом причин: во-первых, застойное положение экономики провинции и прежде всего — ее промышленности (предприятия провинции не могут предложить российской стороне необходимое машино-техническое оборудование и иную высокотехнологичную продукцию), во-вторых, снижение уровня жизни населения приграничных российских регионов и, как следствие, — резкое падение покупательной способности на фоне роста курса доллара; а также логистические проблемы, связанные с низкой пропускной способностью погранпереходов. В связи с этими причинами, после 2008 г. экспорт провинции в РФ стал стремительно падать, а в дальнейшем, после ввода нефтепровода Сковородино—Мохэ в 2010 г., сальдо товарооборота Хэйлунцзяна с РФ стало стабильно отрицательным (табл. 2).

Таблица 2. Сальдо торгового баланса провинции Хэйлунцзян с Россией*

Год	Сальдо (млрд долл.)
2008	+4,88
2009	+0,96
2010	+1,10
2011	-10,29
2012	-10,99
2013	-9,27

Окончание табл. 2

Год	Сальдо (млрд долл.)
2014	-5,28
2015	-6,14
2016	-5,79
2017	-7,76
2018	-16,21
2019	-15,52
2020	-11,35
2021	-10,99
2022	-15,09

* Рассчитано на основе: Хэйлуцзян шану няньцзянь за 2009—2022 гг. (Статистический ежегодник торговли Хэйлуцзяна. 2009—2022).

Отрицательное сальдо торговли провинции с РФ в 2022 г. достигло 15 млрд долл. 90 % импорта провинции из РФ составляют сырая нефть, природный газ и железные руды. Экспорт в Россию в основном представлен продукцией электромеханической и легкой промышленности, сельхозпродукцией, товарами народного потребления.

Несмотря на отрицательное сальдо торговли, наша страна остается для Хэйлуцзяна торговым партнером номер один, что связано с наличием протяженной границы и ее особым положением как «моста» между прибрежным развитым Китаем и Россией (табл. 3).

Таблица 3. Доля России в товарообороте провинции Хэйлуцзян*

Год	Доля РФ во ВТО Хэйлуцзяна (%)**
2008	48,3
2009	34,4
2010	29,3
2011	49,3
2012	56,3
2013	57,5

Окончание табл. 3

Год	Доля РФ во ВТО Хэйлунцзяна (%)**
2014	60,0
2015	51,7
2016	55,6
2017	58,0
2018	70,0
2019	68,0
2020	63,0
2021	65,8

* Рассчитано на основе: Хэйлунцзян шану няньцзянь за 2009—2022 гг. (Статистический ежегодник торговли Хэйлунцзяна. 2009—2022).

** ВТО — внешнеторговый оборот.

Доля России в суммарном товарообороте провинции нестабильна. Так, с начала 2023 г. наблюдается ее снижение: в первом квартале она была 71,3 % всего внешнего товарооборота¹, а по показателям 4 месяцев 2023 г. доля нашей страны снизилась до 69,3 %².

Разразившийся в 2020 г. COVID-19 стал «проверкой» для трансграничной торговли наших стран. Постоянно вводимые китайской стороной локдауны и нелепые требования к экспортируемым грузам, следующим через российско-китайскую границу, поставили под удар не только российских экспортеров, но и китайские импортирующие фирмы, расположенные в приграничных городах. Это не могло способствовать выполнению задач, поставленных перед Хэйлунцзяном, по созданию производственных цепочек и цепочек стоимости с РФ. Для формирования подобных цепочек требуется развитая приграничная инфраструктура, включающая погранпереходы. Имеющиеся на границе с РФ в провинции Хэйлунцзян 15

¹ Товарооборот провинции Хэйлунцзян с РФ за первый квартал 2023 г. вырос на 24,5 %. URL: <https://biang.ru/ru/economics/tovarooborot-provinczii-xejlunczzyan-s-rf-zapervyj-kvartal-2023-goda-vyiros-na-24,5.html> (дата обращения: 10.05.2023).

² Товарооборот провинции Хэйлунцзян с РФ за четыре месяца 2023 г. вырос на 18,9 %. URL: <https://biang.ru/ru/economics/tovarooborot-provinczii-xejlunczzyan-s-rf-zachetyre-mesyacza-2023-goda-vyiros-na-18,9.html> (дата обращения: 18.05.2023).

погранпереходов, в том числе водные, сухопутные (железнодорожные и автомобильные), не справляются с растущими объемами товарооборота.

Наибольший грузооборот приходится на железнодорожный переход Суйфэньхэ, а по товарообороту лидирует Дуннин. В период COVID-19 работа некоторых погранпереходов была почти полностью остановлена, а крупнейшие из функционирующих пропускали грузы в неопределенном режиме и выставляли немислимые требования к упаковке импортируемых из России товаров [Александрова, 2022].

Обеспечение стабильного функционирования погранпереходов на российско-китайской границе является одним из важных компонентов в российско-китайском сотрудничестве. Рассмотрим крупнейшие из погранпереходов.

Переход Суйфэньхэ и Дуннин расположены в городе Муданьцзян. Около 80 % товарооборота здесь приходится на РФ.

По динамике роста импорта и экспорта Дуннин лидирует среди погранпереходов Хэйлунцзяна. Внешнеторговый оборот граничащего с Приморским краем китайского города по итогам минувшего 2022 г. составил 16,72 млрд юаней (2,48 млрд долл.), что на 225,7 % больше, чем в 2021 г. Благодаря автомобильному пункту пропуска Дуннин—Полтавка, за последние 4 года внешнеторгового оборот превышал здесь 10 млрд юаней¹.

Небывалые темпы роста ранее малоизвестного погранперехода Дуннин—Полтавка поражают: за первый квартал 2023 г. товарооборот составил 4,58 млрд юаней, что на 226,8 % больше, чем годом ранее. На Россию пришлось 91,1 % всего внешнего товарооборота погранпропуска. Главной экспортной позицией стали электромеханические товары, на долю которых пришлось 45 %; вторая позиция — сельхозпродукция с долей в экспорте в 4,3 %. Импорт из РФ представлен в основном углем и сельхозпродукцией, при этом импорт угля по сравнению с 1 кварталом 2022 г. возрос на 2422,2 %².

Основной сухопутный грузооборот Хэйлунцзяна с РФ приходится на железнодорожный переход Суйфэньхэ—Гродеково и автомобильный Суйфэньхэ—Пограничный. Более 100 лет прошло с зарождения двухсторонней торговли в Суйфэньхэ, и большая часть ее исто-

¹ По динамике роста импорта и экспорта Дуннин лидирует среди пограничных с РФ городов провинции Хэйлунцзян. URL: <https://biang.ru/ru/economics/vneshnetorgovyj-oborot-dunnina-za-2022-god-vyiros-na-rekordnyie-225,7.html> (дата обращения: 04.04.2023).

² Товарооборот пункта пропуска Дуннин с РФ в первом квартале вырос на 226,8 %. URL: <https://biang.ru/ru/economics/tovarooborot-punkta-propuska-dunnin-s-rf-v-pervom-kvartale-vyiros-na-226,8.html> (дата обращения: 05.05.2023).

рии связана с экономическим взаимодействием с Россией. На город приходится 80 % суммарного грузооборота погранпереходов Хэйлунцзяна и четверть товарооборота провинции с Россией¹ (табл. 4).

Таблица 4. Доля России во внешнеторговом товарообороте Суйфэньхэ*

Год	Доля РФ в ВТО города (%)
2008	60,8
2009	53,6
2010	43,8
2011	45,4
2012	47,9
2013	48,1
2014	45,1
2015	47,2
2016	56,7
2017	69,5
2018	86,3
2019	81,7
2020	79,5
2021	85,3
2022	85,8

* Рассчитано на основании: [Meng Fanqian, Liu Enmei, Li Nan, p. 4—11]; Suifenhe shi guomin jingji he shehui fazhan tongji gongbao за 2019—2022 гг. (Статистический бюллетень социально-экономического развития города Суйфэньхэ).

По данным Управления коммерции Суйфэньхэ, с 2012 по 2021 г. товарооборот Суйфэньхэ с РФ составил 146,2 млрд юаней, а грузооборот — 96,44 млн т. Из этого объема 50 млн т пришлось на древесину, 20 млн т составила железная руда, 10 млн т — уголь, 8 млн т — минеральные удобрения, а 2 млн т составило продовольствие. Погран-

¹ Chanye fazhan (Развитие промышленности). // *Seifenhe shi renmin zhengfu* (Сайт народного правительства города Суйфэньхэ). URL: <https://www.suifenhe.gov.cn/channels/4297.html> (дата обращения: 13.04.2023).

переходы в Суйфэньхэ по объемам суммарного грузооборота занимают 3-е место в КНР¹. Только за период 2018—2022 гг. через данный КПП было импортировано из РФ 18,95 млн куб. м древесины. Для ее переработки в городе функционировало 369 деревообрабатывающих предприятий с годовой мощностью 1,2 млн куб. м [Zhang Chengli; Wang Yunpeng, 2022].

Железнодорожная станция Суйфэньхэ стала «окном» не только в Россию, но и в Европу. С августа 2018 г., когда через Суйфэньхэ были пущены китайские контейнерные поезда «Китай—Европа», и по 30 апреля 2023 г. границу в Суйфэньхэ пересекло 2049 китайских контейнерных грузовых составов. В общей сложности было перевезено 188 528 контейнеров TEU². В августе 2018 г., когда контейнерные поезда «Китай—Европа» только начали ходить через Суйфэньхэ, через пограничную станцию следовало от силы два состава в месяц. Почти пять лет спустя ежемесячно через пограничную с РФ станцию в обе стороны в среднем проезжает 70 таких составов³. За 2022 г. прошло 884 грузовых контейнерных состава, это на 61 % больше чем в 2021 г.⁴ За период с января по апрель 2023 г. через граничащую с Приморским краем РФ китайскую станцию Суйфэньхэ проследовало 265 китайских контейнерных состава «Китай—Европа»⁵.

В 2018 г. контейнерными поездами «Китай—Европа» перевозились в основном пиломатериалы. В настоящее время данными контейнерными поездами транспортируются минеральные удобрения, льняное семя, соя, каучук и гофрированная бумага.

Китайские грузовые составы следуют в Россию, Польшу, Германию, Бельгию, поставляя в эти страны товары повседневного спроса,

¹ Погранпереходы в Суйфэньхэ по объемам суммарного грузооборота занимают 3-е место в КНР. URL: <https://biang.ru/ru/economics/%E5%AF%B9%E5%A4%96%E8%B4%B8%E6%98%93-%E6%88%90%E7%BB%A9%E5%96%9C%E4%BA%BA.html> (дата обращения: 08.04.2023).

² За 4 месяца 2023 г. через станцию Суйфэньхэ проехало 265 грузовых контейнерных состава «Китай—Европа». URL: <https://biang.ru/ru/economics/za-4-mesyacza-2023-goda-cherez-stancziyu-sujfenxe-proexalo-265-gruzovyix-kontejneryix-sostava-%C2%ABkita-j-evropa> (дата обращения: 11.05.2023).

³ Количество контейнерных поездов Китай—Европа, проехавших через Суйфэньхэ с 2018 г., превысило 2000. URL: <https://biang.ru/ru/economics/kolichestvo-kontejneryix-poezdov-kitaj-evropa,-proexavshix-cherez-sujfenxe-s-2018-goda-prevyisilo-2000.html> (дата обращения: 11.05.2023).

⁴ За 2022 год через станцию Суйфэньхэ проехало 884 контейнерных состава «Китай—Европа». URL: <https://biang.ru/ru/economics/za-2022-god-cherez-stancziyu-sujfenxe-proexalo-884-kontejneryix-sostava-%C2%ABkitaj-evropa%C2%BB.html> (дата обращения: 11.05.2023).

⁵ За 4 месяца 2023 г. через станцию Суйфэньхэ проехало...

электротовары, промышленное оборудование, изделия из металла, а также сельскохозяйственную продукцию¹. Подобная транспортировка грузов совершенно не выгодна российской стороне. Как ранее поясняло Торгпредство РФ в КНР, в контексте распространения пандемии COVID-19 Китай активно стимулирует доставку грузов контейнерными поездами «Китай—Европа» в ущерб другим видам транспорта — в том числе и логистическим продуктам, предлагаемым российской стороной².

Наряду с Суйфэньхэ и Дуннином погранпереход Хэйхэ может стать одним из важных логистических узлов на российско-китайской границе. История перехода началась в XIX в., после подписания Айгуньского договора, и активно продолжалась до вторжения японцев в 1931 г. на территорию Северо-Востока КНР. После образования КНР мелкая торговля на китайско-советской границе началась в 1957 г., но снова была прервана в период «культурной революции».

В январе 1982 г. Госсовет КНР одобрил восстановление порта Хэйхэ, а в марте 1983 г. правительства Китая и Советского Союза обменялись подтверждающими документами³. 10 сентября 1985 г. была официально учреждена таможня в г. Хэйхэ. Местные власти Хэйхэ составили план превращения города в центр внешнеторгового развития, и в 1986 г. Госсовет КНР официально присвоил г. Хэйхэ статус международного порта первой категории. Летом через Амур товары доставлялись речным транспортом в Благовещенск, а зимой начинала действовать ледовая переправа для грузовых машин. За счет поставок из КНР власти Амурской области решали проблему товарного дефицита. Так, к примеру, в 1986 г. по просьбе Амурского облисполкома в КНР были закуплены следующие товары: 1 тыс. т свинины, кеды на 300 тыс. руб., полотенца на 100 тыс. руб., детский бельевой трикотаж на 100 тыс. руб., платки носовые на 50 тыс. руб., мужское белье, платья, халаты, детская обувь, эмалированная посуда и термосы [Datsyshen V.G.; Lu Chunyue, 2020].

Из вышеприведенных фактов становится очевидным, что уже в последние годы существования СССР приграничная торговля между

¹ Количество контейнерных поездов Китай—Европа, проехавших через Суйфэньхэ с 2018 г. превысило 2000. URL: <https://biang.ru/ru/economics/kolichestvo-kontejneryix-poezdov-kitaj-evropa,-proexavshix-cherez-sujfenxe-s-2018-goda-prevyisilo-2000.html> (дата обращения: 11.05.2023).

² Железнодорожная станция Суйфэньхэ снова принимает только контейнерные поезда из России — соцсети. URL: <https://www.newsvl.ru/society/2022/02/11/206550/> (дата обращения: 11.05.2023).

³ Heihe kouan (Погранпереход Хэйхэ). URL: https://www.baik.com/wikiid/545620051201734351?view_id=lcvzkfbr1o00 (дата обращения: 02.05.2023).

Хэйхэ и российским Дальним Востоком была достаточно активна. При этом данный погранпереход был сугубо речным, и это являлось сдерживающим фактором увеличения его грузооборота.

Далее (табл. 5) приведены данные по грузообороту крупнейших российско-китайских погранпереходов, среди которых Хэйхэ выглядит крайне «скромно»: его показатель в 58 раз меньше чем у Маньчжурии, и в 17 раз ниже показателя Суйфэньхэ. Главной причиной низких показателей грузооборота было отсутствие моста через р. Амур.

Таблица 5. Грузооборот крупнейших российско-китайских погранпереходов, млн т*

Год	Хуньчунь	Суйфэньхэ	Хэйхэ	Маньчжурия
2009	0,29	7,01	0,21	24,21
2010	0,24	7,44	0,23	26,11
2011	0,28	6,89	0,27	26,59
2012	0,29	8,64	0,38	28,17
2013	0,34	9,61	0,28	30,06
2014	0,97	7,88	0,26	30,10
2015	1,64	8,29	0,31	30,14
2016	2,85	9,35	0,32	30,51
2017	3,30	11,37	0,38	31,09
2018	3,31	10,53	0,58	31,92
2019	2,04	11,70	0,68	32,59
2020	2,8	10,21	0,60	34,93

* *Источники:* [Zhang Chengli; Wang Yunpeng, 2022]; Грузооборот пункта пропуска Хэйхэ в 2020 году составил 601.000 т. URL: <https://biang.ru/ru/politics/gruzooborot-punkta-propuska-xejxe-v-2020-godu-sostavil-601.000-tonn.html> (дата обращения 14.04.2023); Heihe: dazao yi chuang, jianshe si qu goujian quan fangwei duiwai kaifang xin geju (Хэйхэ: создать одно окно, построить четыре района, создать новую архитектурную всесторонней внешнеэкономической открытости). URL: <http://finance.people.com.cn/n1/2019/1203/c1004-31487785.html> (дата обращения: 06.05.2023); Bainian kouan Suifenhe — cong tongdao zhi cheng dao shangpin jisanji // Jingji ribao. 23.07.2021; Грузооборот МАПП Маньчжурия в 2022 году не превысит показатели 2021 г. URL: <https://biang.ru/ru/economics/gruzooborot-mapr-manchzhuriya-v-2022-godu-ne-prevyisit-pokazateli-2021-goda.html> (дата обращения: 05.05.2023); Грузооборот ЖДПП Хуньчунь в 2021 году вырос на 11 %. URL: <https://biang.ru/ru/economics/gruzooborot-zhdpp-xunchun-v-2021-godu-vyiros-na-11.html> (дата обращения: 08.05.2023).

Но даже несмотря на небольшой грузооборот, для Хэйхэ сотрудничество с нашей страной на протяжении последних десятилетий было крайне важно. Так, к примеру, в 2016 и 2017 гг., на Россию приходилось 93—95 % внешнеторгового оборота Хэйхэ [Meng Fanqian; Liu Enmei; Li Nan, 2021].

2022 год стал крайне важным для Хэйхэ: по объему экспортно-импортных операций город занял 4-е место в Хэйлунцзяне, а по росту экспортно-импортных операций — 2-е место. По итогам 2022 г., товарооборот составил 237 млн долл. (на долю РФ пришлось 90 %), увеличившись на рекордные 135,8 % по сравнению с 2021 г.¹

Стоит отметить некую «зависимость» прошлых лет: чем больше торговых партнеров появлялось у Хэйхэ, тем быстрее рос товарооборот и тем стремительнее снижалась в нем доля России. Так, в 2013 г. ВТО Хэйхэ достиг максимальной отметки в 4,19 млрд долл., а доля нашей страны снизилась до 52 % [Meng Fanqian; Liu Enmei; Li Nan, 2021]. Это факт подчеркивает тупиковый путь развития простых форм торговли между Хэйлунцзяном и РФ.

В структуре импорта России через данный переход доминирует электромеханическая продукция, на которую приходится порядка 90 %.

С середины 2022 г. автомобили, подъемные краны, автобусы и прочая техника вывозятся в Россию своим ходом по автомобильному мосту через Амур. За 11 месяцев 2022 г. экспорт самоходной техники через пункты пропуска Хэйхэ составил 4395 единиц (включая экспорт шасси), что в 11,6 раз больше, чем за аналогичный период в 2021 г.²

2022 год ознаменовался открытием двух мостов между Россией и провинцией Хэйлунцзян: автомобильного моста Благовещенск—Хэйхэ³ и железнодорожного моста Нижнеленинское—Тунцзян.

¹ Внешний товарооборот Хэйхэ по итогам 2022 г. вырос на рекордные 135,8 %. URL: <https://biang.ru/ru/economics/vneshnij-tovarooborot-heyxe-po-itogam-2022-goda-vyi-ros-na-rekordnyie-135,8.html> (дата обращения: 12.04.2023).

² Экспорт самоходной техники через Хэйхэ за 11 месяцев вырос в 11,6 раз. URL: <https://biang.ru/ru/economics/eksport-samohodnoj-texniki-cherez-heyxe-za-11-mesyazhev-v-yiros-11,6-raz.html> (дата обращения: 21.04.2023).

³ Общая площадь мостового перехода на территории России и Китая составляет более 160 га, общая протяженность с подъездными дорогами — 20 км, длина основной конструкции моста через русло Амура — 1080 м (ровно по 540 м с российской и китайской сторон). Общий объем инвестиций в строительство мостового перехода составил 20 млрд руб., он построен по механизму концессии, поэтому плата за проезд предусмотрена в течение всего срока концессии — 19 лет (Тонкости пограничного перехода. 28.06.2022. URL: <https://www.eastrussia.ru/material/tonkosti-pogranichnogo-perekhoda/> (дата обращения: 03.03.2023).

От момента появления идеи о строительстве автомобильного моста от Благовещенска в сторону КНР до запуска проекта прошло почти 60 лет. По расчетам специалистов, грузооборот должен увеличиться в 8 раз. Китайская сторона два десятилетия «давила» на Россию по вопросу реализации этого проекта, но когда мост был открыт... в китайских СМИ практически не упомянули это значимое событие.

По всей видимости, подобная реакция китайской стороны была связана не только с COVID-19, но с проблемами на западных рубежах России, а точнее — опасением Китая вторичных санкций со стороны США. В итоге, с июня по август 2022 г. в китайских СМИ об открытии трансграничного моста не было никаких упоминаний¹. Затем с августа 2022 г., когда через автомобильный пункт пропуска Хэйхэ на экспорт пошла строительная техника и грузовые автомобили, в печати появилось упоминание об автомобильном пункте пропуска в Хэйхэ. Но только в новогоднем поздравлении горкома КПК Хэйхэ, то есть спустя 6 месяцев после знаменательного события, было объявлено о пуске движения по мосту.

Аналогичная ситуация сложилась и по открытию железнодорожного моста через Амур—Нижнеленинское—Тунцзян. В Управлении Дальневосточной железной дороги прогнозировали, что в 2023 г. через мостовой переход может быть перевезено порядка 1,3 млн т грузов. В руководстве Еврейской автономной области с этой цифрой не согласились: там надеются, что перевозки достигнут 9 млн т². Имеются расчеты, что после ввода в эксплуатацию всех объектов годовой грузооборот способен достичь 24 млн т³.

В перспективе данный мостовой переход может стать серьезным инфраструктурным объектом и одним из крупнейших по грузообороту погранпереходов на границе наших стран. Но и о его открытии телевидение Цзямусы (город, в состав которого входит погранпереход Тунцзян) сообщило с опозданием в 1,5 месяца. С одной стороны, вла-

¹ Народное правительство Хэйхэ впервые с июня 2022 г. упомянуло об открытии автомобильного моста через Амур. URL: <https://biang.ru/ru/politics/narodnoe-pravitelstv-o-xejhe-vpervyye-s-iyunya-2022-goda-upomyanulo-ob-otkryitii-avtomobilnogo-mosta-cherez-amur.html> (дата обращения: 21.04.2023).

² Через мостовой переход Нижнеленинское — Тунцзян постепенно увеличиваются перевозки в Китай. URL: <https://www.rzd-partner.ru/zhd-transport/news/cherez-mostoy-voyu-perekhod-nizhneleninskoe-tuntszyan-postепенно-увеличиваются-перевозки-в-китай/> (дата обращения: 05.04.2023).

³ На Амуре завершили самый масштабный долгострой. Россия достроила свою часть железнодорожного моста в Китай. URL: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2022/04/27/920079-na-amure-zavershili> (дата обращения: 14.04.2023).

сти Хэйлунцзяна постоянно подчеркивают необходимость наращивания торгово-экономического сотрудничества с Россией, а с другой — китайцы крайне опасаются вторичных санкций Запада, если сотрудничество станет слишком заметным.

В настоящее время китайско-российское приграничное экономическое сотрудничество стремительно расширяется, но его будущее развитие по-прежнему в основном зависит от изменений международной ситуации, внутривластного и экономического развития двух стран, действий правительств. Несмотря на позитивные подвижки в двусторонней трансграничной торговле, имеют место и проблемы:

- объемы сотрудничества скромные, структура товарооборота иррациональна;
- за более чем 30-летний период взаимодействия с Россией преимущества экономико-географического положения Хэйлунцзяна не дали стимула развитию экономики отсталых трансграничных территорий, примыкающих ко многим погранпереходам (за исключением Муданьцзяна и Хэйхэ);
- погранпереходы на границе с РФ обладают несовершенной инфраструктурой, не способствующей увеличению грузооборота.

* * *

В заключение следует отметить следующее.

Во-первых, благодаря своим уникальным географическим преимуществам провинция Хэйлунцзян играет важную роль в торговле с Россией, и наблюдается определенная торговая взаимодополняемость двух граничащих сторон.

Существует множество факторов, влияющих на торговлю Хэйлунцзяна с Россией, включая размер рынка страны/региона, общий и подушевой ВВП. Последний связан с размерами доходов и покупательной способностью населения и зависит от обеспеченности ресурсами, технологического состояния производства и структуры промышленности страны или региона. Теория коммерческой взаимодополняемости занимает ключевое место в планировании международной торговли, поэтому при рассмотрении взаимодополняемости двусторонней торговли необходимо также повышать конкурентоспособность сотрудничества.

Во-вторых, исходя из анализа показателей торговли между провинцией Хэйлунцзян, в целом Китаем и Россией, становится понятно, что Хэйлунцзян имеет очевидные сравнительные преимущества в

экспорте трудоемкой продукции, но находится в невыгодном положении в поставках высокотехнологичных товаров.

В будущем, на фоне развития курса на «двойную циркуляцию» в Китае, возникнет необходимость ускорить развитие именно внутреннего цикла и улучшить функционирование внутренних факторов производства, чтобы дать новый импульс повышению качества внешней торговли. По этой причине провинция Хэйлуцзян также должна внимательно следить за национальной политикой и корректировать структуру промышленности, а именно: энергично развивать торговлю технологиями и торговлю услугами, шире внедрять «цифру» в экономику традиционных прибыльных отраслей провинции, таким образом расширяя возможности этих отраслей, и стремиться модернизировать традиционную промышленную структуру.

В-третьих, в контексте внешнеэкономических связей Хэйлуцзяна с Россией, до сих пор преобладает обычная торговля, о серьезных инвестиционных проектах пока нет речи. И, хотя и увеличилось число новых направлений сотрудничества, включая трансграничную электронную коммерцию, торговлю сельскохозяйственной продукцией, трансграничное финансирование, туризм и другие отрасли, однако их масштаб все еще невелик.

Библиографический список

Александрова М.В. COVID-19 и новые реалии российского аграрнопищевого экспорта в КНР // Восточная Азия: факты и аналитика. 2022. № 1. С. 28—38. DOI: 10.24412/2686-7702-2022-1-28-38.

Дацышен В.Р., Лу Чуньюе. Хэйхэ и приграничные торгово-экономические отношения между СССР и Китаем : научное издание // Общество и государство в Китае. 2020. Т. 50-1. № 34. С. 807—826.

References

Alexandrova, M.V. (2022). COVID-19 i novye realii rossiyskogo agrarno-pishchevogo eksporta v KNR [COVID-19 and new realities of Russian agricultural and food exports to China], *Vostochnaya Aziya: fakty i analitika [East Asia: Facts and Analytics]*, 1: 28—38. DOI: 10.24412/2686-7702-2022-1-28-38 (In Russian).

Datsyshen, V.G., Lu Chunyue (2020). Hejhe i prigranichnye torgovo- ekonomicheskie otnosheniya mezhdz SSSR i Kitaem [Heihe in the System of Near-Border Trade-Economic Relations Between the USSR and the PRC], *Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae [Society and State in China]*, Vol. 34: 807—826. (In Russian).

* * *

Meng Fanqian, Liu Enmei, Li Nan (2021). Heilongjiang sheng dui E bianjing kouan jianshe pinggu ji fazhan yanjiu [Research on the Evaluation and Development of Heilongjiang Border Port Construction with Russia], *Chanye chuangxin yanjiu [Industrial Innovation]*:11: 4—7 (In Chinese).

Xu Yongji, Chen Hong (2023). Xin fazhan geju xia Heilongjiang sheng dui E maoyi jigou youhua yanjiu [Research on the Optimization of Heilongjiang Province's Trade Structure with Russia under the New Development Pattern], *Shangye jingji [Business & Economy]*:3: 14—15, 147. (In Chinese).

Zhang Chengli, Wang Yunpeng (2022a). Suifenhe kouan yu woguo zhuyao yanbian kouan maoyi dui bi yanjiu [A comparative study of foreign trade between Suifenhe Port and my country's main border ports], *Beifang jingmao [Northern Economic and Trade]*:1: 12—16 (In Chinese).

Zhang Chengli, Wang Yunpeng (2022b). Zhong E pilin diqu shenhua chanye hezuo de duice yanjiu — yi Heilongjiang sheng Suifenhe shi wei li [Research on Countermeasures of Deepening Industrial Cooperation in Adjacent Areas of China and Russia — Taking Suifenhe City, Heilongjiang Province as an Example], *Duiwai maoyi [Foreign Economics and Trade]*:3: 46—49 (In Chinese).

ИСТОРИЯ РОССИЙСКО-КИТАЙСКИХ КУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЕЙ

DOI: 10.48647/ICCA.2023.98.69.020

А.Л. Верченко

КУЛЬТУРНАЯ ДИПЛОМАТИЯ КАК ОДНА ИЗ ОСНОВ РОССИЙСКО-КИТАЙСКИХ ДВУСТОРОННИХ ОТНОШЕНИЙ. ЗНАЧЕНИЕ ПЕРЕКРЕСТНЫХ ГОДОВ

Аннотация. В статье проводится мысль о значении непрерывности культурной дипломатии и использования лучшего опыта предшествующих поколений в интересах поддержания нормальных межгосударственных отношений, частью которых являются обмены достижениями культуры. Проведение перекрестных тематических Годов между Россией и Китаем сыграло важную роль в активизации двустороннего сотрудничества по линии культурной дипломатии, позволило оживить многие направления взаимодействия. Мероприятия Годов придали импульс сотрудничеству на государственном и региональном уровнях в образовании, науке, туризме, спорте, здравоохранении, печати, радио, телевидении и других сферах. Начиная с 2006 г. были организованы перекрестные национальные Годы, Годы национальных языков, туризма, молодежных обменов, СМИ, межрегионального сотрудничества. Во всех Годах обязательно присутствовала культурная составляющая. Первыми после пандемии в 2022—2023 гг. проводятся Годы физической культуры и спорта. Большое значение, особенно для внешнего мира, имеет то, что в церемонии открытия и закрытия мероприятий перекрестных Годов участвуют лидеры России и Китая, демонстрируя важность проектов и общность подходов. Совместные мероприятия и единодушная поддержка их в России и Китае свидетельствуют об успешности культурной дипломатии, об упрочении двусторонних культурных контактов, составляющих фун-

дамент дружбы наших народов, об укреплении социальной базы долгосрочных отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического российско-китайского взаимодействия. Демонстрация взаимной поддержки и единства, сотрудничества и взаимодополняемости крайне актуальна именно сейчас, когда Запад усиленно нагнетает напряженность вокруг России и Китая, демонизируя их, и стремится политизировать любые гуманитарные контакты и дискредитировать наши страны.

Ключевые слова: Россия, Китай, культурная дипломатия, российско-китайские перекрестные Годы.

Автор: Алла Леонидовна Верченко, старший научный сотрудник Центра новейшей истории Китая и его отношений с Россией Института Китая и современной Азии РАН (адрес: 117997, Москва, Нахимовский пр-т, 32). ORCID: 0000-0002-8718-8338.
E-mail: veailan@yahoo.com

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации в Институте Китая и современной Азии РАН.

A.L. Verchenko

Cultural Diplomacy as One of the Bases of the Russian-Chinese Bilateral Relations. Significance of the Cross Years

Abstract. The article considers the importance of the continuity of cultural diplomacy and use of the best experience of previous generations in the interests of maintaining normal inter-state relations, a part of which are represented by exchanges of cultural achievements. Russian-Chinese thematic Cross Years have played a big role in intensifying bilateral cooperation through cultural diplomacy, and have helped to revitalize many areas of bilateral interaction. The events of the Cross Years have given an impulse to the cooperation at the state and regional levels in education, science, tourism, sports, health, media, radio, television, etc. Since 2006, the Cross-national Years, years of national languages, tourism, youth exchanges, media, interregional cooperation have been organized. A cultural component was present in each year. 2022—2023 are declared the years of physical training and sports. It is important, especially for the outside world, that the leaders of Russia and China participate in the opening and closing ceremonies of the cross-year events, demonstrating the significance of the projects and common approaches. Unanimous support for joint events in Russia and China shows the success of their cultural diplomacy, the strengthening of bilateral cultural contacts, which are the basis of friendship between our peoples, strengthening the social base of the long-term

comprehensive partnership and strategic Russian–Chinese cooperation. The demonstration of mutual support and unity, cooperation and mutual aid are extremely relevant at a time when the West is intensively raising tensions around Russia and China, demonizing them, seeking to politicize any humanitarian contacts and discredit our countries.

Keywords: Russia, China, cultural diplomacy, Cross Years of Russia and China.

Author: Alla L. VERCHENKO, Senior Research Fellow, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences (address: 32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117997, Russian Federation). ORCID: 0000-0002-8718-8338 E-mail: veailan@yahoo.com

Conflict of interests. The author declares the absence of the conflict of interests.

Support. The article was prepared at the Institute of China and Contemporary Asia of the RAS within the framework of the State assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation.

Введение

В самом начале XXI века (в 2001 г.) Россия и КНР, подписав Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве, согласились обеспечивать долговременное и стабильное развитие отношений между двумя государствами в политической, экономической, социальной и культурной областях на основе уважения избранного каждой стороной пути¹. За прошедшие 20 лет Договор, доказав свою действенность, в 2021 г. был продлен на последующие 5 лет и продолжает играть важную роль в поддержании многообразного двустороннего сотрудничества, в том числе в сфере культурного обмена. Культурная дипломатия стала важной частью наших двусторонних отношений, обеспечивая, наряду с контактами в других областях, высокий уровень сложившихся к настоящему времени российско-китайских «межгосударственных отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия, вступающих в новую эпоху»².

Диалог культур и гуманитарные связи в любой, даже самой сложной, политической ситуации представляют собой наиболее перспек-

¹ Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой. 16 июля 2001 г. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/3418> (дата обращения: 13.03.2023).

² Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики об углублении отношений всеобъемлющего партнёрства и стратегического взаимодействия, вступающих в новую эпоху. URL: www.kremlin.ru (дата обращения: 27.03.2023).

тивное направление отношений с другими странами, позволяющее формировать реальные контакты, устанавливая общение между народами. Этот вывод многократно подтверждался историей советско-китайских отношений. С первых дней своего существования советское государство стремилось к установлению культурных контактов с Китаем как по государственной, так и по общественной линии — прежде всего через созданное в 1925 г. Всесоюзное общество культурной связи с заграницей (ВОКС). Его деятельность состояла в «ознакомлении общественности СССР с достижениями культуры зарубежных стран и популяризации советской культуры в других странах»¹. За довольно короткий промежуток времени, вплоть до разрыва дипломатических отношений в 1929 г.², ВОКС сумело начать работу по установлению контактов с представителями прогрессивной интеллигенции и студенчеством, распространению своих бюллетеней о жизни в СССР, книгообмену между научными организациями и библиотеками, приему китайских делегаций, а также по сбору информации о культуре Китая. Вскоре после восстановления дипломатических отношений в 1932 г. у ВОКС появился в Китае партнер — Китайско-советское культурное общество. Несмотря на нежелание тогдашнего гоминьдановского правительства допускать в Китай культуру государства иной политической системы, под напором общественного мнения культурные обмены все-таки начались. Именно в этот период в Шанхае было разрешено установить памятник А.С. Пушкину³, творчество которого хорошо знали в Китае.

Однако по-настоящему плодотворное многостороннее и многоуровневое сотрудничество было установлено только после образования КНР в 1949 г. Эти связи продолжались по государственной и общественной линиям; они охватили науку, образование, искусство, театр, оперу, балет, кинематографию, литературу, СМИ, изобразительное искусство, архитектуру, музыку, цирк, спорт, издательское, музейное, библиотечное и архивное дело. В 1950-е годы культурная дипломатия в целом сыграла важнейшую роль в установлении кон-

¹ Известия. 8 августа 1925 г.

² 10 июля 1929 г. китайские войска по указанию правителя трех Северо-восточных провинций Китая (Маньчжурии) Чжан Сюэяна захватили находившуюся в совместном советско-китайском пользовании КВЖД и задержали больше 200 советских служащих дороги, 35 из которых были депортированы в СССР. Это привело к резкому ухудшению двусторонних отношений. 17 июля 1929 г. правительство СССР объявило о разрыве дипломатических отношений с Китаем.

³ Памятник установлен 11 февраля 1937 г. на территории Французской концессии в связи со столетием со дня гибели А.С. Пушкина. В 1944 г. демонтирован и переплавлен японцами. В 1947 г. восстановлен. В 1966 г. в период «культурной революции», уничтожен до основания. В третий раз открыт в 1987 г.

тактов СССР с КНР и формировании уникальной модели совместной работы. Стороны накопили колоссальный опыт взаимодействия, лучшие образцы которого применяются и в новом тысячелетии с учетом меняющейся обстановки.

Новый формат двусторонних отношений

В начале XXI века российско-китайское культурное и гуманитарное сотрудничество обрело новые формы, обогатилось современным содержанием. Наши страны прилагают усилия для сохранения национальных культур, приветствуют культурный обмен с другими странами, поддерживают идею культурного многообразия, но не позволяют *иному* заменять свое *исконное*. Идея стремления к общему при сохранении различий — это то, что роднит наши страны. Сотрудничество обеспечивается регулярной работой Двусторонней комиссии по гуманитарному сотрудничеству и ее подкомиссий. Этот механизм постоянно совершенствуется.

Успеху культурной дипломатии способствует осуществление таких направленных на улучшение и углубление партнерства проектов, как тематические перекрестные Годы. Подобной практики раньше не существовало. Уже проведены Годы России и Китая (2006—2007) (см. подробнее: [Верченко; Внуков]), Годы национальных языков (2009—2010), туризма (2012—2013), молодежных обменов (2014—2015), СМИ (2016—2017), межрегионального сотрудничества (2018—2019), организуются разнообразные фестивали, выставки, выступления известных творческих коллективов. 2022—2023 гг. объявлены Годами физической культуры и спорта. До пандемии COVID-19 обширные и многообразные контакты охватывали большие территории и разные сферы культуры в обоих государствах. Они осуществлялись как на федеральном уровне, так и на уровне самых маленьких субъектов, что позволило вовлечь в культурные обмены значительное число участников, чтобы повысить степень их взаимодоверия, взаимопонимания и заинтересованности во взаимодействии.

Расширяющееся российско-китайское сотрудничество требует обеспечения его квалифицированной языковой поддержкой. *Годы национальных языков* значительно повысили мотивацию молодежи к изучению языка страны-соседа. Благодаря проведенным в обеих странах конкурсам языка и песен, выставкам, семинарам, лекциям, совместным летним лагерям увеличилось число людей, заинтересованных в овладении языком страны-соседа. При общем падении интере-

са к русскому языку в Китае в последнее время достижением можно считать проведение в 2009 г. в 22 провинциях, автономных районах и городах центрального подчинения более 260 мероприятий, стимулирующих выбор русского как иностранного. Кроме того, через средства массовой информации к мероприятиям по линии образования, культуры, СМИ, кино и др. удалось привлечь более 100 млн человек.

Мероприятия Года китайского языка в России прошли во всех крупных городах, от восточных до западных границ¹. Одним из самых значимых был медиапроект «Здравствуй, Китай!», который в силу своей доступности и благодаря новым возможностям доступа к информации охватил огромную аудиторию в РФ. Годы языков, несомненно, подстегнули интерес к их изучению, что проявилось в росте числа изучающих китайский язык в России в школах, вузах, различных центрах, кружках, а также индивидуально. По данным Министерства высшего образования и науки, в 2022 г. китайский язык изучали 22 тыс. студентов в 142 российских вузах². По мнению и.о. Генерального Консула КНР в г. Иркутске Чжан Инмэй, в 2020 г. около 40 тыс. человек в России изучали китайский язык в 368 школах и университетах и более 90 тыс. человек в Китае изучают русский язык в 868 школах и вузах³. Посол КНР в России Чжан Ханьхуэй приводит цифры 60 тыс. и 120 тыс. соответственно. В языковых обменах участвуют около 100 тыс. человек⁴. Налицо бум в изучении в наших странах языков друг друга, что вселяет уверенность в дальнейшем развитии связей между Россией и Китаем.

Спрос на специалистов с китайским языком показал значительный рост в 2022 г.: на 70 % относительно 2021 г. и на 45 % по сравнению с 2019 г. За три месяца 2023 г. количество вакансий, где требуется знание китайского языка, на 40 % превзошло аналогичный период 2022 г.⁵.

В Китае русский язык преподают в более чем 100 высших учебных заведениях. Количество студентов далеко от того, которое было в

¹ Год русского языка в Китае и Год китайского языка в России URL: http://russian.china.org.cn/news/txt/2010-09/25/content_21003040.htm (дата обращения: 25.02.2023).

² Студенты переходят на дружественные языки URL: <https://www.vedomosti.ru/career/articles/2022/11/09/949414-studenti-perehodyat-druzhestvennie-yaziki> (дата обращения: 06.03.2023)

³ Российские студенты заинтересованы учиться в Китае. URL: https://irk.aif.ru/culture/rossiyskie_studenty_zainteresovany_uchitsya_v_kitae (дата обращения: 02.04.2023).

⁴ Чжан Ханьхуэй. Создание образовательной державы — фундамент великого возрождения китайской нации // Труд. 30.09.2022.

⁵ Спрос на работников со знанием китайского языка вырос на 40 %. URL: <https://www.rbc.ru/economics/29/03/2023/64218d3e9a79476f369be431> (дата обращения: 30.03.2023).

1950-е годы, когда русский требовался повсюду, и его преподавали повсеместно, но растет в последнее время. Время диктует свои правила, потребность в иностранном языке определяется практикой. Для любого выбора есть причины. Перестройка существующего мира, активизация российско-китайских торгово-экономических и производственных отношений, а также давление санкций со стороны «коллективного Запада» ведут к переориентации части китайской молодежи на Россию, изучению русского языка, который дает перспективу занятости. В 1951 г. по личной просьбе Мао Цзэдуна на учебу в советские вузы приехали первые 375 студентов. В последующее десятилетие в нашей стране прошли обучение или стажировку свыше 11 тыс. студентов, в межвузовский обмен было вовлечено 66 вузов Китая и 85 вузов Советского Союза [Антиповский и др., с. 119]. Многие годы опыт подготовки молодых кадров в качестве действенной социальной базы межгосударственных отношений использовался не в полную силу. Только связав звенья молодых специалистов в единую цепь, можно надеяться на установление стабильного, поступательно развивающегося взаимовыгодного сотрудничества. Отрадно, что в последние годы прием китайских граждан в российские вузы увеличивается. Например, в 2022 г. в вузах РФ, включая филиалы в Китае, училось 32,6 тыс. китайских студентов, что на 10 % больше чем годом ранее¹. Как правило, обучающиеся по межгосударственному обмену студенты выбирают языковое направление подготовки (филология, лингвистика, языковедение и литературоведение) или требующие углубленного изучения языка: зарубежное регионоведение и экономику. Большинство китайских граждан учатся в Государственном институте русского языка им. А.С. Пушкина, РУДН, Казанском (Приволжском) федеральном университете, Московском педагогическом государственном университете, Московском государственном лингвистическом университете, Московском энергетическом университете, Дальневосточном федеральном университете. В процессе учебы происходит не только овладение знаниями, но и знакомство с нашей страной, ее культурой, историей, обычаями, завязываются профессиональные контакты и межличностные отношения, укрепляется база дружбы, формируются ниточки ткани эффективного, устремленного в будущее взаимодействия, будь то производственная, торгово-экономическая или гуманитарная сферы.

¹ За прошедший Год число студентов из Китая в российских вузах увеличилось на 10 %. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/mezhdunarodnoe-sotrudnichestvo/51810/> (дата обращения: 20.02.2023).

Годы языков дали старт развитию межвузовских обменов, осуществлению совместных учебных и научных программ, проектам перевода художественной литературы. Создана крупнейшая в мире сеть межвузовского сотрудничества. В нее вошли с обеих сторон 800 вузов, объединенные в 12 университетских профильных ассоциаций. Начали работу совместные высшие учебные заведения. Мероприятия по содержанию вышли далеко за рамки чистой лингвистики, стимулировали связи не только в образовании, но и в культуре в целом, а о сотрудничестве можно с полным основанием сказать: оно находится на самом высоком за всю историю уровне.

Еще больше расширили социальную базу двусторонних отношений *Годы молодежных обменов*, которые были наполнены содержательными и яркими событиями. Число участников проведенных за это время 800 совместных мероприятий вышло на уровень сотен миллионов человек, во много раз превысив число людей, непосредственно связанных с Китаем и китайским языком. Годы молодежных обменов совпали с началом антироссийской кампании и введения санкций против нашей страны со стороны западных государств. В этих условиях участие китайской молодежи в совместных с россиянами мероприятиях выглядело как поддержка России и сохранение тенденции, состоящей в передаче дружбы из поколения в поколение в целях совершенствования всесторонних отношений стратегического партнерства и взаимодействия. ВЦИОМ именно с этим периодом связывает перелом в отношении россиян к Китаю, а последний проведенный мониторинг показал, что россияне продолжают изменять свое отношение к Китаю в лучшую сторону и сегодня воспринимают его как «дружественную страну», «партнера», «союзника»¹.

Важно, что сотрудничество по линии культуры в перекрестные Годы было подтверждено не только на высоком государственном уровне и не ограничивалось масштабными парадными мероприятиями в столицах с участием первых лиц государств. Еще большее значение имело участие в них общественности на местах в обеих странах.

Задачам вовлечения в совместные проекты представителей разных слоев общественности, в первую очередь на приграничных территориях, отвечали мероприятия *Годов межрегионального сотрудничества* (2018—2019), одним из компонентов которых была культурная программа. Сегодня 59 регионов России связаны с провинциями КНР соглашениями о сотрудничестве, а китайский бизнес присутст-

¹ Россия и Китай: мониторинг. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskiy-obzor/rossija-i-kitai-monitoring> (дата обращения: 03.04.2023).

ует в 74¹ из 89 субъектов Российской Федерации. Китайские бизнесмены, как правило, поддерживают гуманитарные проекты и содействуют распространению китайской культуры в России: знакомят с традиционными народными праздниками и современной культурой, поддерживают гастролы творческих коллективов, реализацию совместных гуманитарных проектов. Культурная составляющая, наполненная современным содержанием и новыми формами, присутствовала в презентации регионов, которые проходили на разных площадках в обеих странах.

Перекрестные *Годы туризма* показали, что двустороннее сотрудничество в этой области находится на высоком уровне, растет взаимный интерес граждан к современной жизни страны-соседа, культурному наследию, природным заповедникам, историческим памятникам, народным обычаям. В программах туров сокращается время на посещение торговых центров в пользу культурных мероприятий. Есть спрос на индивидуальные туры и путешествие в малочисленных группах, что показывает заинтересованность туристов в углубленном знакомстве с культурой соседней страны. Если в 2011 г., в Год китайского туризма в России нашу страну посетили 800 тыс. человек, то в 2018 г. число китайских туристов в России впервые превысило 1 млн человек, а в 2019 г. составило 1,5 млн человек². После снятия ковидных ограничений и возобновления турпотоков взаимное культурное ознакомление через туризм, несомненно, продолжится, хотя для восстановления допандемийного уровня, по прогнозам специалистов, нужно 2—3 года.

Качественное изменение форм сотрудничества

В современную эпоху неопределимое значение приобретает сотрудничество средств массовой информации, которое осуществляется на абсолютно новом уровне, с применением новейших научно-технических достижений, недоступных даже десятилетие назад. Проведение *Годов обменов СМИ* в 2016—2017 гг., в рамках которых прошло более 400 мероприятий, стало «одним из самых амбициозных и самых ус-

¹ У 59 регионов России есть соглашения о сотрудничестве с КНР. URL: <https://rg.ru/2019/09/02/u-59-regionov-rossii-est-soglasheniia-o-sotrudnichestve-s-kr.html> (дата обращения: 01.03.2023).

² Траты китайских туристов в России рухнули на 80 % из-за коронавируса. URL: <https://www.rbc.ru/business/09/03/2020/5e6218cd9a794738393a3495> (дата обращения: 31.03.2023).

пешных проектов в двустороннем сотрудничестве России и Китая»¹. Представляется, что благодаря этому проекту был установлен не просто мост сотрудничества как практический канал для долгосрочного партнерства и дружбы, но и выстроена общая площадка для противодействия доминированию западных СМИ в мировом информационном пространстве. Перекрестные Годы в сфере информации качественно изменили содержание контактов, внесли в них инновационный элемент, заложили основу работы в условиях усиливающихся информационных атак со стороны СМИ недружественных стран. Упрочению контактов содействуют российско-китайские форумы СМИ с участием руководства регулирующих органов, руководства СМИ и ведущих журналистов, на которых постоянно поднимается вопрос о необходимости расширения возможностей для доступа аудиторий обеих стран к информационным ресурсам. Стороны регулярно проводят Форумы новых медиа, российско-китайские круглые столы, теле- и кинонедели, встречи представителей медиакорпораций Китая с российскими медиагруппами и многие другие мероприятия. Благодаря использованию онлайн формата количество контактов в годы пандемии даже увеличилось. На последнем, пятом Форуме новых медиа в 2021 г., связавшем Москву и Пекин в формате видеоконференции, заместитель министра цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ Бэлла Черкесова подчеркнула, что китайские и российские медиа должны укреплять согласованность, своевременно распространять объективные и достоверные сведения, не довольствоваться достигнутыми результатами сотрудничества, искать новые возможности². Немаловажную роль в этом процессе должны играть специалисты, владеющие китайским языком, в российских СМИ. Много нареканий постоянно вызывают некорректное использование российскими журналистами отдельных фактов, ошибки в артикуляции китайских имен, географических и других названий. О согласованности, к которой следует стремиться, трудно говорить, если статья китайского лидера Си Цзиньпина в связи с предстоящим визитом в Москву в 2023 г. в «Российской газете» публикуется на первой полосе с большим портретом³, а статья В.В. Путина в газете «Жэньминь жибао» помещается

¹ «Надежная основа для будущего»: Россия и Китай подвели итоги двустороннего сотрудничества в сфере информации. URL: <https://ru.rt.com/a615> (дата обращения: 27.03.2023).

² Китайско-российский форум новых медиа прошел успешно. URL: <https://ria.ru/20211124/forum-1760529729.html> (дата обращения: 21.03. 2023).

³ Си Цзиньпин. Упорно двигаться вперед, к новым перспективам дружбы, сотрудничества и совместного развития Китая и России // Российская газета. 20.03.2023.

на третьей полосе, не на самом видном месте и без портрета¹. Такие детали должны подробно заранее прорабатываться и взаимно согласовываться сторонами. Нет сомнения, что подобное размещение публикации не повлияло на высокий авторитет В.В. Путина в среде китайского населения, но паритет должен соблюдаться во всем.

В России говорят: «Не ошибается тот, кто ничего не делает». Отдельные недочеты не умаляют роль и значение взаимных публикаций в СМИ обеих стран, которые востребованы в России и Китае. Российская читательская аудитория с интересом относится к публикациям в «Российской газете» статей китайских авторов на общественно-политические, экономические, культурные темы, знакомится с последними событиями на ленте «Жэньминь жибао онлайн» на русском языке. Новости из России, особенно в последние несколько лет, в первую очередь привлекают внимание китайцев.

В последние годы информационное взаимодействие между нашими странами заметно активизировалось. Важно, что стороны признали крайнюю важность работы в этом пространстве в современных условиях. В 2017 г. во время официального визита в Россию Си Цзиньпина были подписаны Соглашение о сотрудничестве между Федеральным государственным унитарным предприятием «Информационное телеграфное агентство России (ИТАР-ТАСС)» и Китайским холдингом «Жэньминь жибао», Соглашение между АО «Первый канал» и *CNV-Satellite TV Program Co Ltd.* о вещании российского телеканала «Катюша» на территории Китайской Народной Республики, Меморандум о намерениях по взаимодействию в области развития информационного пространства.

Во время перекрестных Годов СМИ состоялось более 250 значимых мероприятий. Одним из них стал выход в эфир канала «Катюша», приуроченный к визиту в КНР главы правительства РФ Д.А. Медведева осенью 2017 г. Телеканал стал «окном в Россию» для китайских телезрителей. Он вещает на русском языке с китайскими субтитрами, что делает его культурно-просветительский и образовательный контент доступным широкой публике. Программный ресурс «Катюши» включает более 1500 советских и российских художественных, документальных, научно-образовательных и детских фильмов. Продолжает развиваться сотрудничество российских медиахолдингов ВГТРК и RT с другими китайскими телеканалами.

¹ Пуцзин. Элосы хэ чжунго — мяньсян вэйлай дэ хобань гуаньси [Путин В.В. Россия—Китай: партнерские отношения, устремленные в будущее] // Жэньминь жибао. 20.03.2023.

В России с 2009 г. работает канал «CGTN на русском». Государственная медиакорпорация CGTN (Китайская глобальная телевизионная сеть) — международный новостной телеканал, он ведет круглосуточное вещание на английском, русском и других языках, имеет сайт и мобильные приложения, а также видеохостинг *YouTube*, социальные сети *Facebook*, *Twitter*, *Weibo* и др. Канал представляет в России на русском языке новости, информацию о жизни Китая, демонстрирует китайские сериалы, рассказывающие о жизни современных китайцев. Канал может привлечь молодых людей, которые знакомятся с новостями и другим контентом в основном через мобильные приложения. Взаимная трансляция телеканалов содействует взаимопознанию и укреплению взаимодоверия и взаимопонимания общественности двух стран.

В 2021 г. была запущена в онлайн-режиме платформа ведущих СМИ ШОС как единое медийное пространство, содействующее укреплению взаимодействия стран — участниц Организации. Она создана для обмена информацией, освещения работы ШОС, объективной подачи информации вовне, расширения культурного сотрудничества в Евразии.

Все большее значение приобретает Интернет, число пользователей которого повсеместно растет. Агентство «Синьхуа», один из лидеров двустороннего российско-китайского сотрудничества в сфере медиа, первым из китайских СМИ в 2013 г. начало вещать через Интернет на Россию и страны СНГ. Для расширения охвата аудитории специалисты предлагают использовать новейшие методы вещания, например, технологии *OTT (over the top)*.

СМИ играют важную роль в установлении взаимопонимания между Россией и Китаем путем предоставления достоверных сведений, помогают в формировании общих подходов в противодействии фальшивой, так называемой фейковой информации, поток которой многократно возрос в последние 2—3 года. В принятом двумя сторонами «Консенсусе российских и китайских новых медиа. 2021» говорится, что российские и китайские СМИ «отметили важность борьбы с ложной информацией в международном киберпространстве, согласились с важностью равенства, уважения, инновационного развития, открытости, безопасности и порядка», договорились обмениваться контентом, кадрами, опытом¹. Представители СМИ России и Китая постоянно совершенствуют методы, формы и механизмы взаимодействия, расши-

¹ Гергедава Л. Медиа России и Китая договорились развивать обмен кадрами, контентом и опытом. URL: <https://rg.ru/2021/11/22/media-rossii-i-kitaia-dogovorilis-razvivat-obmen-kadrami-kontentom-i-opytom.html> (дата обращения: 29.03.2023).

ряют сферы контактов и тематику предоставляемой информации в соответствии с требованиями стремительно изменяющейся обстановки.

На открытии Зимних Олимпийских игр в Пекине в 2022 г. было объявлено о проведении в 2022—2023 гг. Годов *российско-китайских спортивных обменов*. В течение двух лет состоятся более 600 мероприятий¹ в области профессионального, любительского, детско-юношеского спорта, спорта для людей с ограниченными возможностями, спортивной науки, спорта высших достижений, физического воспитания и др. Совместное участие российских и китайских атлетов в спортивных соревнованиях — это не только демонстрация компетенций и обмен опытом. В не меньшей степени в них проявляется единство России и Китая, общность интересов и целей. Участие такой сильной спортивной державы, как Россия, в Пекинской Зимней Олимпиаде 2022 г. показало тщетность попыток Запада дискредитировать олимпийский дух, политизировать спорт, сорвать международный праздник спорта и обеднить его содержание своим бойкотом. Летом того же года в Харбине успешно прошел двусторонний спортивный праздник, в котором более 100 человек соревновались в футболе, китайских боевых искусствах и латиноамериканских танцах. Мероприятие было организовано Комитетом дружбы, мира и развития, КНОДЗ и народным правительством провинции Хэйлунцзян, заинтересованными в расширении молодежных контактов. Председатель Китайского народного общества дружбы с заграницей (КНОДЗ) Ли Сунтянь отметил, что КНОДЗ поддерживает народные контакты, особенно молодежные контакты по линии спорта, чтобы его понятным всем языком нести человечеству мир, дружбу, сплоченность, взаимное доверие и взаимовыгодное сотрудничество².

Большая группа российских спортсменов (150 человек) участвовала в декабре 2022 г. в III Молодежных зимних играх, проведенных в Чанчуне (пров. Цзилинь), несмотря на ковидные ограничения. Соревнования прошли по лыжным гонкам, горнолыжному и конькобежному спорту, сноуборду, фигурному катанию на коньках, фристайлу и керлингу³. Китай также принимает участие в международ-

¹ Россия ждет китайскую делегацию на турнире “Игры будущего” в 2024 Году — Путин. URL: <https://www.interfax-russia.ru/rossiya-i-mir/rossiya-zhdet-kitayskuyu-delegaciyu-na-turnire-igry-budushchego-v-2024-godu-putin> (дата обращения: 25.03.2023).

² Чжун э тиюй цзяняньхуа цзай хаэрбинь кайму [Состоялось открытие Китайско-российского праздника спорта в Харбине]. URL: <https://sputniknews.cn/20220721/1042620355.html> (дата обращения: 20.03.2023).

³ Стартовали III Российско-Китайские молодежные зимние игры. URL: <https://www.russkating.ru/> (дата обращения: 20.03.2023).

ных соревнованиях, проводимых в России: в 2021 г. в международном турнире по шахматам *go* во Владивостоке, в 2022 г. — в Международной регате в рамках ВЭФ-2022.

Все большему привлечению молодежи содействует инновационный подход в обоих государствах к отбору видов соревнований. Например, в 2024 г. в Казани пройдут мультиспортивные «Игры будущего» с участием Китая, в которых традиционные виды спорта будут сочетаться с цифровыми и научными элементами. Общение и контакты молодых людей, завязанные в дружеской обстановке, в том числе в спорте, гарантируют неизменность добрососедских отношений между нашими народами в будущем.

В Россию на тренировки приезжают сборные Китая по хоккею, гандболу, сноуборду и др. В Китае постоянно работают известные российские спортивные тренеры, продолжающие традиции своих предшественников, которые в 1950-е помогли в становлении многих видов спорта и совершенствовании работы по физической культуре [Советско-китайские..., с. 674—686]. Уже тогда началась практика проведения двусторонних соревнований и тренировок по футболу, баскетболу, гимнастике, конькобежному спорту, водным видам спорта, легкой атлетике, которая продолжается и в начале XXI в. Сегодня китайские спортсмены все чаще становятся лидерами международных соревнований, хотя в недалеком прошлом не были профессионалами высокого класса в целом ряде видов спорта, а проведение совместных соревнований позволяет поддерживать квалификацию, в дружеских встречах учась друг у друга.

Заключение

Очевидно, что благодаря проведению перекрестных Годов российско-китайское культурное взаимодействие значительно активизировалось. Его высокий уровень отмечался на 23-м заседании Российско-китайской комиссии по гуманитарному сотрудничеству (2022 г.): за последние 5 лет проведено более 2 тыс. разнообразных по содержанию мероприятий; уровень обменов не снизился в условиях непростой эпидемиологической ситуации в мире и закрытых границ¹. Внедрение инновационных способов и форматов общения открыло

¹ Татьяна Голикова провела 23-е заседание Российско-Китайской комиссии по гуманитарному сотрудничеству. URL: <http://government.ru/news/47113/> (дата обращения: 29.03.2023).

новые возможности для культурной дипломатии в проведении мероприятий в области образования, кинематографии, спорта, СМИ, архивного дела, молодежной политики и др.

Президент В.В. Путин, выступая на церемонии открытия Года молодежных обменов в 2015 г., отметил, что реализация перекрестных Годов «существенно расширила связи в сферах образования, науки, культуры, туризма, спорта, здравоохранения, способствовала укреплению отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия между Российской Федерацией и КНР»¹. Эта оценка справедлива и для последовавших после 2015 г. перекрестных Годов, которые обогатили культурное содержание российско-китайского многостороннего и многоуровневого взаимодействия. Присутствие лидеров на открытии и закрытии перекрестных Годов свидетельствует о признании на самом высоком уровне важности для межгосударственных отношений гуманитарного диалога и культурной дипломатии. Общественность наших стран единодушно приветствует укрепление двусторонних культурных контактов. Они составляют фундамент дружбы российского и китайского народов, направлены на расширение и активизацию сотрудничества в разных областях, упрочение социальной основы долгосрочных отношений добрососедства и дружбы наших народов. Демонстрация взаимной поддержки и единства особенно актуальны теперь, когда Запад усиленно нагнетает напряженность вокруг России и Китая, демонизирует их, стремится политизировать любые гуманитарные контакты. Наши страны всеми средствами, включая методы культурной дипломатии, отстаивают свою позицию, демонстрируют поддержку друг друга на разных платформах, от имени здравых сил консолидированно выступают за строительство справедливого мира в противовес диктату США.

Библиографический список

Антиповский А.А., Боровская Н.Е., Франчук Н.Ф. Политика в области науки и образования в КНР. 1949—1960. М.: Наука, 1980. 288 с.

Верченко А.Л. Мероприятия Года Китая в России // Китайская Народная Республика в 2007 году: политика, экономика, культура: ежегодник. М.: ИДВ РАН, 2008. 540 с.

¹ Путин поздравил участников открытия Года молодежных обменов. URL: https://er.ru/activity/news/putin-pozdravil-uchastnikov-otkrytiya-goda-molodezhnyh-obmenov_114511 (дата обращения.: (29.01.2023).

Внуков К.В. Год России в Китае и Год Китая в России — две половины единого целого // Проблемы Дальнего Востока. 2007. № 1. С. 33—37.

Советско-китайские культурные связи. 1949—1960. Сборник документов. М.: Кучково поле Музеон, 2022. 848 с.

References

Antipovskiy, A.A.; Borevskaya, N.Ye.; Franchuk N.F. (1980). Politika v oblasti nauki i obrazovaniya v KNR [Policy in the field of science and education in China]. 1949—1960. — Moscow: *Nauka* :288 p. (In Russian).

Sovetsko-kitayskiye kul'turnyye svyazi. 1949—1960. Sbornik dokumentov (2022) [Soviet-Chinese cultural relations. 1949—1960. Collection of documents]. — М.: *Kuchkovo pole Muzeon*: 848 p. (In Russian).

Verchenko, A.L. (2008). Meropriyatiya goda Kitaya v Rossii [Events of the Year of China in Russia], *Kitayskaya Narodnaya Respublika v 2007 godu: politika, ekonomika, kul'tura: yezhegodnik [People's Republic of China in 2007: politics, economy, culture: yearbook]*. Moscow: IFES RAS: 540 p. (In Russian).

Vnukov, K.V. (2007). God Rossii v Kitaye i God Kitaya v Rossii — dve poloviny yedinogo tselogo [Year of Russia in China and Year of China in Russia — two halves of a single], *Problemy Dal'nego Vostoka (Far Eastern Affairs)* 1: 33—37. (In Russian).

Научное издание

**Китай в мировой и региональной политике
История и современность**

Выпуск XXVIII

Ежегодное периодическое издание

ISSN 2618-6888 (print)

ISSN 2949-0774 (online)

Выпускающий редактор *Е.В. Белилина*

Компьютерная верстка *С.Ю. Тарасова*

Обложка *Т.В. Иваншиной*

Подписано в печать 15.09.2023. Формат 60×90/16.

Печать офсетная. Гарнитура «Таймс». Усл. печ. л. 17,0. Уч.-изд. л. 18.

Бумага офсетная. Тираж 500 экз. (1-й завод — 200 экз.)

Электронная библиотека ИКСа РАН

www.iccaras.ru

Почтовый адрес ИКСа РАН

Москва, 117997, Нахимовский пр-т, 32

АО «Т8 Издательские технологии»

109548, Москва, Волгоградский пр-т, 42, корпус 5